

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Шепот в темноте

Annotation

В моем мире живут оборотни. Об этом мало кто знает, но мне, к сожалению, данный факт известен. И не только известен – я нахожусь в пути, конечная точка которого – дом главы клана Волка. Увы, это не экскурсия и не путешествие. Скорее финал моей короткой жизни, похожей на сказку... Страшную, правда, и с заведомо паршивым концом, но в общем и целом – сказку, как ни крути. Про серого оборотня по кличке Вихо и девочку, которой очень не повезло ему понравиться...

- [Елена Звездная](#)
 -
 - [Шепот в темноте](#)
 - [И все](#)
 - [Я села](#)
-

Елена Звездная

Шепот в темноте

© Звездная Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Шепот в темноте

В моем мире живут оборотни. Об этом мало кто знает, но мне, к сожалению, данный факт известен. И не только известен – я нахожусь в пути, конечная точка которого – дом главы клана Волка. Увы, это не экскурсия и не путешествие. Скорее финал моей короткой жизни...

Стоя на пыльной платформе и ожидая монорельс, я с чувством грустной отрешенности осматривала пассажиров, также ожидающих транспорт, что помчится по Великой степи – исконной земле оборотней.

Оглянулась – Меченный Дик, Бешеный Стэн и Внимательный Грейк как и всегда находились позади меня. Дик ближе всего, он быстрее реагировал на опасность, поэтому и всегда был рядом. На пять шагов дальше от него лениво курил Бешеный Стэн, хотя, казалось бы, оборотни не должны курить. Но сизый дым в его сигарете давал вовсе не табак, а без этих сигарет Стэн, и так отличающийся паршивым нравом, и вовсе терял контроль над своей яростью. Так что он курил почти постоянно и одним этим сбивал любых ищеек с пути – никто не мог поверить, что на свете может существовать курящий оборотень. Грейк находился дальше всех, на расстоянии шагов в сорок, и я могла отыскать его лишь по взгляду, который словно чувствовала. В остальном Грейк был совершенно непримечателен – серо-пепельные волосы, невыразительное лицо, серая с коричневым одежда, опущенные плечи типичного неудачника. По Грейку скользили взглядом, не замечая его, и именно это часто становилось фатальной ошибкой для рискнувших напасть.

А такие имелись.

Эти матерые волки охраняли и берегли меня уже больше пяти лет. Я привыкла отыскивать их взглядом в толпе, привыкла, что, стоит мне споткнуться, Дик, являясь бесшумно, словно призрак, всегда поддержит, Стэн защитит, Грейк прикроет. Возможно, это было хорошо, но, увы, в такой опеке гораздо больше минусов, чем плюсов. Я никогда не остаюсь одна. Никогда и нигде.

Поправив рюкзак, медленно прошла вдоль террасы, затем, подойдя к столику, села. Рюкзак – единственное, что мне разрешили взять из дома, поэтому он был вместительным, здоровым и совершенно неуместным в VIP-классе, где на девицу в потертых джинсах, кедах и выцветшей майке поглядывали с явным неодобрением дамы модельных параметров и их крайне накаченные, поджарые, в основном темноволосые спутники.

Раньше, глядя на них, я бы решила, что это какой-то сбор разбогатевших культуристов, теперь точно знаю – оборотни. Читалось это и в чересчур внимательных взглядах, и в едва заметно подрагивающих крыльях носа, когда они сканировали обстановку, незаметно вдыхая воздух. Забавно, но среди их спутниц женщин оборотней не было.

Стоило мне сесть, подошел официант. Ничего не предлагая, он принес заказ, сделанный не мной, – коктейль, в котором не имелось ни капли алкоголя. Еще одно ограничение в моей жизни – никакого спиртного. К этому можно добавить никакого табака, наркотиков, антидепрессантов, ничего. И да, никаких парней, близких друзей, да просто друзей... В общем и целом мое существование можно было охарактеризовать как тщательно охраняемое одиночество.

– Давай без выкрутасов. – Дик, нарушая собственное правило не вступать в разговор, подошел и сел напротив меня.

Мы не здоровались, хотя поначалу я пыталась... года три пыталась быть вежливой, но потом как-то примирилась с бестактностью своих сторожей.

– С чего ты решил, что будут какие-то выкрутасы? – игнорируя коктейль и доставая из рюкзака начатую бутылку с теплой уже водой, спросила я.

Дик был бы достаточно красивым мужчиной испанской внешности, если бы не вечно презрительная гримаса, которая делала нос еще острее, а губы практически незаметными.

– Я знаю это твое выражение лица, – прямо сказал он.

Не отвечая, сделала пару глотков воды, закрутила крышку, засунула бутылку обратно в рюкзак и сделала вид, что мы с этим, сидящим напротив меня оборотнем совершенно незнакомы.

Откровенно говоря, я предпочла бы действительно никогда не знакомиться с Диком. И вообще его не знать и не видеть. Как и остальных. Но так уж вышло, что и мой отец не желал видеть оборотней. Не желал настолько сильно, что в возрасте четырнадцати лет сбежал из Великой степи без документов, денег и вообще непонятно каким образом, потому что оборотни своих полукровок никогда в мир людей не выпускают. Они их держат за существ второго сорта, но не выпускают. А отец как-то умудрился сбежать, сам он потом рассказал, что ему невероятно повезло... Повезло. Папа сумел сбежать, попасть в приют, быть усыновленным, закончить школу, колледж, стать менеджером в крупной автомобилестроительной компании, жениться и практически вырастить детей. Я росла в замечательной семье с сестрами и братьями до

четырнадцать лет.

В день, когда мой мир перестал быть прежним, я вернулась домой очень поздно, задержавшись у подруги. Родители не возражали – Мэгги жила по нашей же улице через два дома от нас, и все равно ее отец всегда провожал меня до дверей, стоял на улице и ждал, пока я забегу, только после этого уходил. Его, как и всех наших знакомых, заразило паранойей моего отца, который всегда чрезмерно заботился о своих детях. В тот жуткий день мне было суждено узнать о причинах папиной паранойи.

Отец сидел во главе накрытого стола, и я в первый момент сильно удивилась тому, что они еще не закончили ужинать, ведь точно знала, что меня не ждут – я всегда у Мэгги ужинала, если не вернулась домой к восьми. А тогда на часах было десять... И я замерла на пороге столовой, удивленно глядя на вздрогнувшего отца и начав подмечать странности – рассыпанный из перевернутой тарелки салат, бутылку с легким вином, горлышко которой оказалось отбито, нож... воткнутый в ладонь отца и пригвоздивший ее к столешнице...

И если сначала мне показалось, что, кроме папы, в комнате больше никого нет, то внезапно вдруг заметила, что в доме посторонние. Странные посторонние. Злые. Опасные. С горящими, как у хищников, глазами и угрожающим обманчиво-ласковым:

– Качина.

Я вздрогнула и переспросила:

– Что?

Мне тогда показалось, что я попала в кошмар, просто какой-то невообразимый кошмар, потому что реальностью эти вторгнувшиеся в наш дом просто не могли быть.

– Качина, – повторил низким голосом сидящий в кресле перед неработающим телевизором мужчина, – переводится – красивая, как куколка.

И он улыбнулся, в полумраке сверкнули неестественно белые острые зубы. Внезапно отец, до этого молчавший, хрипло закричал:

– Мадди, немедленно беги вверх к мате...

Он не успел договорить, как выступивший из темноты мужчина нанес удар. Раздался хрип, хруст, страшный чавкающий звук, и, распоров ладонь, которая была пригвождена к столу ножом, отец повалился на пол.

Я не знаю, почему даже не закричала. Парализованная ужасом, я проследила за его падением, за тем, как воткнутое в столешницу лезвие ножа рассекает папину руку... Но вместо того, чтобы испугаться, я вдруг отчетливо поняла: папа не сможет нас защитить. Никто не сможет.

Осталась только я, и мне нужно что-то делать. Единственное, что я в принципе могла, – добраться до оружия. Мы все знали, где оно хранится, и я отлично помнила, что там, возле телевизора, в одном из ящиков лежит папин пистолет. Другой был под столом, еще несколько наверху... Папа очень любил оружие, имел разрешение на хранение и ношение, обучил всех нас, кроме мамы, как с оружием обращаться, и на стрельбища возил нас регулярно. Мама всегда говорила, что это бессмысленно... но именно в тот момент я поняла, что смысл в отцовских уроках был.

– Подойди, качина, – приказал сидящий в кресле мужчина, не отрывая от меня взгляда светящихся глаз.

Это было хорошей идеей – встав перед креслом, я окажусь рядом с нужным мне ящиком. И я совершенно спокойно направилась к бандиту. Миновала стол, перешагнула через кровотокающую ладонь отца.

– Какое хладнокровие, – издевательски восхитился тот, кто явно был здесь главным.

И я тогда сразу подумала, что, если наставлю пистолет на него, остальные подчинятся. И я спасу папу, а они уйдут и больше никогда не вернутся, чтобы снова превратить обычный вечер в удушающий кошмар. Я подошла к телевизору очень спокойно, развернулась к сидящему в кресле мужчине.

– Даже не дрожишь, – заметил главарь.

На самом деле у меня внутри все тряслось от ужаса. Но я очень надеялась, что меня никто не остановит. Так и вышло, и, когда я наклонилась к ящику в тумбочке под телевизором, он лишь спросил:

– Что там, качина?

Desert Eagle, заряженный патронами «Магнум» сорок четвертого калибра, – огромный тяжелый пистолет с семью разрывными пулями, насквозь пробивающими даже металл. Пистолет, фактически не оставляющий шанса на спасение и тяжеленный настолько, что я с трудом могла достать его одной рукой.

– Ну?! – требовательный вопрос.

Я сжала рукоять, стремительно развернулась, ухватила и второй рукой и, удерживая револьвер, нацелила его на сидящего в кресле бандита. В этот момент почему-то очень огорчило то, что, если выстрелю, в мебели останется огромная дыра, и любимое папино кресло придется выкинуть... Не знаю, с чего подумала об этом, какие-то глупые мысли крутились в голове, а еще я почему-то очень тяжело дышала, и часто.

В столовой же повисла напряженная тишина. Я понятия не имею, как все они разглядели пистолет в моих руках, было достаточно темно, но они

видели. И тот, что сидел в кресле, тоже все понял. Но почему-то совершенно не испугался.

Он помолчал некоторое время, затем задумчиво протянул:

– А выглядишь как цветочек.

– Я умею обращаться с оружием! – выкрикнула дрожащим голосом.

– Я вижу, – все так же спокойно произнес этот странный тип со светящимися глазами. – Но нас здесь пятеро, еще один наверху, сумеешь справиться со всеми?

– У меня семь патронов, – и я почему-то перестала дрожать, – стреляю очень метко. И не промахиваюсь. Отец научил.

В ответ на выпаленную фразу бандит насмешливо протянул:

– Хор-р-роший отец.

– Да, – я не сводила с этого мужчины взгляда, но заметила, как шевельнулся другой, тот, что стоял у стены над лежащим папой. – Прикажете вашим людям не двигаться!

Бандит тихо рассмеялся и издевательски как-то приказал:

– Не двигайтесь, не нервируйте суровую маленькую леди.

Мне было очень страшно, но я понимала, что нужно договориться, правильно обрисовать сложившуюся ситуацию, заставить их уйти.

И, сжимая рукоять пистолета, я сказала:

– Мне кажется, вы недооцениваете угрозу. Давайте я вам сейчас все объясню.

– Давайте, – дозволил бандит.

Судорожно облизнув пересохшие губы, я, стараясь говорить отчетливо и так, чтобы мой голос не дрожал, начала:

– Вы вломились в наш дом. Ранили папу. Угрожали ему и... Вы вломились в наш дом, если я вас застрелю, меня в суде оправдают, потому что вы...

– Вломились в ваш дом, – насмешливо произнес мужчина со светящимися глазами, перебив меня.

И вдруг, и правда как в кошмаре, он подался вперед, оказавшись неожиданно очень близко, так что дуло моего огромного пистолета уперлось в его черную рубашку, и прошептал:

– Ты неглупая девочка, более того – отчаянно смелая, я ценю это и уважаю таких противников, но, Манзи...

– Я Мадди! – возмутилась неожиданно.

– Манзи, – все так же шепотом повторил бандит. – Тебе больше подходит Манзи – цветок. Я буду называть тебя именно так. Так вот, Манзи, если ты сейчас выстрелишь, мои люди растерзают тебя, разберут по

косточкам, разрежут твой живот так, что из него все вывалится на пол. Это будет грязная и отнюдь не героическая смерть. Очень не советую тебе стрелять, качина.

Я молча передернула затвор.

Глаза бандита засветились сильнее, а затем он неожиданно вновь вернулся в кресло. Но меня такой поворот событий не устраивал вовсе. Мне было важно, чтобы они ушли. Взяли и ушли и оставили нас в покое.

Подумав, я сказала:

– Вы сейчас прикажете всем вашим людям убираться вон. А потом, когда они уйдут, я выпущу вас. Вот так мы и поступим, и все останутся живы.

Ответом мне была мрачная тишина. Никто не двигался, но я расслышала глухой папин стон.

– Какая отважная куколка, – проговорил низким хриплым голосом главный бандит.

Остальные молчали. Никто даже не пошевелился.

И я сорвалась, угрожающе качнула пистолетом и закричала:

– Ну! Приказывайте им! Или вам жить уже надоело, мистер?!

Он вдруг тихо рассмеялся.

Этот смех так странно прозвучал в погруженном в напряженное безмолвие доме. Странно и неестественно. И оборвался так же неожиданно.

Затем прозвучали тихие слова, изменившие всю мою жизнь:

– Ты так любишь папу, Манзи?

– Я – Мадди. Да, люблю. И маму. И сестер и братьев. Убирайтесь из нашего дома!

Но вместо этого странный бандит со светящимися глазами слегка подался вперед и спросил:

– А ты готова отдать жизнь за своего... отца, девочка?

Не задумываясь ответила:

– Да.

Но даже если бы подумала, ответ остался бы прежним.

Бандит вновь тихо рассмеялся и продолжил:

– Уверена?

– Да!

И снова раздался тихий смех, а затем он произнес:

– Есть решения, за которые нужно нести ответственность, Мадди, ты только что приняла такое решение. Я уважаю отвагу и смелость, я ценю готовность бросить вызов, поэтому твой... отец останется жив. В обмен на

твою жизнь.

И он поднялся, а стоящий у стены бандит издал тихий вой, последствием которого стал сбежавший по ступеням со второго этажа шестой бандит. И они все ушли, не оглядываясь, а я все так же стояла, нацеливая на них пистолет, только руки дрожали все сильнее.

Главный же, когда его подельники вышли, остановился в дверях и повернулся ко мне. Его светящиеся глаза, казалось, прожигали меня насквозь.

Он произнес:

– Я принесу тебе подарок. В твой день рождения. Не приглашай гостей, Манзи.

– Я – Мадди! – снова сорвалась на крик.

Вихо – я позже узнала его имя – рассмеялся и вышел.

А после того, как они ушли, после вызванной мной «Скорой помощи» и того, как мама с папой вернулись из больницы, после ухода полиции, отец собрал нас всех в гостиной, мы как-то не могли больше даже входить в столовую, и рассказал обо всем. О месте, где родился, об оборотнях, о полукровках и отношении к ним, о том, как бежал, и о том, что ворвавшиеся к нам в дом не были людьми, и папа не знает, как они его нашли. В это все было сложно поверить, почти невозможно. Но на следующий день в моей жизни появились они – Меченный Дик, Бешеный Стэн и Внимательный Грейк. Нет, сначала я не знала их имен, да и присутствия не заметила, просто, когда у меня сломался велик, Дик не дал мне упасть, молча придерживав. А потом исчез, затерявшись в толпе. Когда несколько месяцев спустя в магазин, где я покупала чипсы, вбежал грабитель с оружием в руках, двое неприметных мужчин, возникших словно ниоткуда, внезапно эти самые руки ему оторвали и скрылись так же быстро, как появились...

* * *

Громкий гудок сообщил о прибытии поезда. Пассажиры засуетились, потянулись к перрону, какие-то мальчишки устроили перепалку в схватке за чужие чемоданы, возможности их поднести и заработать пару долларов. И только здесь, на террасе для VIP-персон, все так же царило спокойствие и умиротворение – сильные мира сего точно знали, что без них никто никуда не уедет. Я к богатым и властным не относилась, поэтому по привычке поднялась, чтобы пройти на перрон.

– Рано еще, – остановил меня Дик.

Не став садиться обратно, подошла к ограждению – отсюда, с высоты, весь перрон был виден как на ладони. Я привычно отыскала в толпе Грейка, как и всегда определив его по взгляду, а затем, повинувшись странному чувству, резко повернула голову и наткнулась на внимательный, какой-то слишком внимательный взгляд молодого мужчины с медными волосами, которые последний частично скрывал под кепкой. Это был крайне неприметный мужчина, которого я бы точно не заметила бы, не посмотри он на меня. Но теперь настала моя очередь его рассматривать. Мужчина был широкоплеч, хотя такой же жилистый, как, к примеру, Дик, и он... он вдруг быстро посмотрел влево, и, невольно проследив за его взглядом, я заметила еще одного рыжего, на этот раз в явно дорогом костюме и с волосами, собранными в хвост. Мужчина неторопливо двигался по направлению к перрону. Повинуясь какому-то странному чувству, я внимательнее оглядела террасу – еще один медноволосый тип с ярко-синими глазами делал вид, что увлеченно читает газету. Он был невысок, но плечи внушительным разворотом могли сделать честь любому бодибилдеру.

И мне стало до крайности интересно, что же здесь происходит.

Внезапно ко мне подошел Дик и ненавязчиво встал справа, почти так же словно совершенно случайно слева оказался Бешеный Стэн. Глубоко затянувшись, он выпустил дым и произнес:

– Что-то здесь слишком много койотов.

– Я заметил, – ответил ему Дик.

– Как бы не случилось чего. – Стэн снова затянулся.

– Не посмеют, с Вихо не связываются.

Перевод этого слова «вихо» я уже знала – главный. И мне также было известно, что с ним действительно никогда не связываются, а я в принципе оказалась единственной, кто когда-либо наставлял на него оружие.

– Это кайоты, – с нажимом произнес Стэн, – им Вихо не указ.

– Независимое положение еще не повод, да и мы с ними дел не имеем, как и они с нами. – Дик все же нервничал.

– То есть эти рыжие – койоты? – спросила я.

Мрачно глянув, оба оборотня не ответили. Дик, как главный в группе, достал телефон и, набрав сообщение, отправил. И как-то успокоился. Постоял, глядя на поезд, потом перевел взгляд на горизонт. Я с нескрываемым любопытством наблюдала за ним.

Плимкнуло входящее сообщение.

Дик поднял телефон, прочел и... Мне не доводилось ранее видеть

даже частичной трансформации у оборотней, сейчас же я отчетливо разглядела, как ногти на мужских пальцах удлиняются, Стэн оскалился и зарычал. В этот момент через ограждение на террасе одним махом перескочил Внимательный Грейк, который вообще подошел ко мне впервые, я его раньше только издали видела. Он приблизился вплотную, как-то неодобрительно глянул на мой рюкзак, словно тот был в чем-то виноват, и проговорил:

– Койоты. Четверо.

Дик выдохнул, словно успокоился, спросил:

– Наших сколько?

«Наших» было трое, насколько я знала, ну, я четвертая.

Но ответ Грейка удивил:

– Двенадцать, не считая нас, Вихо позаботился о безопасности.

– Вихо не предупредил нас. – Стэн, казалось, пришел в бешенство. –

Ты узнал новости?

Грейк повторил уже сказанное Диком:

– Они нападут. Кровная месть. Вихо не ожидал, что решатся. Никто не ожидал. Это открытое объявление войны.

– Ребят, что происходит? – От всех этих шпионских игр почему-то разбирал смех.

Но эти типы снова полностью проигнорировали меня. Я же посмотрела на того медноволосого, что сидел на террасе для богатых, и оказалось, что мужчина со спокойной усмешкой смотрит на меня. Наши взгляды встретились. Койот неожиданно подмигнул. Я улыбнулась в ответ. Он заметно удивился, улыбнулся тоже. Надо же, мне и улыбнулись, за все дни путешествия сюда первая улыбка, да еще и какая-то теплая, словно мужик хотел сказать, что, мол, не волнуйся, все будет круто.

– Здесь есть частный аэропорт, – проговорил Стэн.

– Вихо приказал держать приезд Манзи в тайне, – как-то не очень уверенно произнес Дик.

– Вихо допустил утечку! – прорычал Стэн.

– Я Мадди, ребята, – без особого энтузиазма напомнила. – Для вас всех Маделин.

Полный игнор как и всегда. Снова глянула на койота. Тот пристально следил за каждым моим движением.

На телефон Дика пришло второе сообщение. Тот прочел, тихо выругался и хрипло произнес:

– Им нужна Манзи.

Серьезно? Снова глянула на койота. Тот мне безмятежно улыбался.

Дик же продолжил:

– Вихо прислал свой самолет и личную охрану.

Честно говоря, я уже даже не интересовалась, откуда у бандита столько денег, как-то привыкла, что у главного оборотня их много, настолько много, что моим подарком на шестнадцатилетие был дорогой автомобиль, стоивший дороже дома моих родителей.

– Уходим. – Стэн выкинул окурок и не стал зажигать другую сигару.

Дик молча расстегнул куртку, открывая кобуру с пистолетом, Грейк плавно двинулся вперед.

Тогда-то все и началось!

В единый миг на станцию налетел сухой обжигающе-горячий, полный раскаленного песка ветер, превратив существующий порядок в полный криков и испуга хаос! И все смешалось! Меня отшвырнули на пол, и последнее, что я увидела перед падением, как к нам прыгнул, опрокинув столик, тот самый подмигнувший мне медноволосый, а его отбросил одним ударом внезапно ставший неестественно сутулым Стэн.

Послышались женские крики, я, вынужденная жмуриться из-за песка, чуть приоткрыла ресницы и увидела то, от чего мгновенно появилось желание закрыть глаза снова и вообще никогда не видеть этого кошмара! На террасе сражались оборотни! Реальные оборотни! В частичной трансформации! Оскаленные волчьи морды, мускулистые человеческие торсы, покрытые густой шерстью, ветер, китайским драконом вьющийся среди бойцов, семеро серых волков и трое красно-кирпичных койотов, которые прорывались к лежащей на полу и прижимающей к груди свой объемный рюкзак мне. В первый миг я не поняла, откуда взялись другие волки, потом осознала – те богатые культуристы, что изображали из себя обычных пассажиров, тоже оказались людьми Вихо. И я уже хотела вновь зажмуриться, как на террасу запрыгнул молодой мужчина в джинсах, кроссовках и обтянувшей его спортивный торс майке. Он не трансформировался, не принимал никаких боевых стоек, но походя, словно не обращая на сражающихся никакого внимания, раскидал всех на пути ко мне, подошел, наклонился, схватил за шиворот и попытался поднять, попутно отбирая единственное, что осталось моего.

– Рюкзак не отдам! – почему-то закричала я.

Мужчина вопросительно вскинул бровь. Ладонью отмахнулся от пули, выпущенной все же добравшимся до пистолета Диком, схватил меня и швырнул на руки тому, кто еще всего несколько секунд назад ободряюще мне улыбался. И вот уже этот оборотень, перекинув меня через плечо, через другое перекинул мой рюкзак и понесся прочь, на ходу обращая

трансформацию вспять. То есть перекинули меня через волосатое, с шерстью в палец длиной, плечо, а уже через минуту оно оказалось совершенно обычным, просто принадлежало очень мускулистому человеку, который как раз перепрыгивал через забор, ограждающий станцию.

– Осторожнее! – подскочив и ударившись животом о его плечо в процессе прыжка, воскликнула я.

– Извини, малышка, уже почти добежали! – крикнул он.

А мне вдруг стало неожиданно приятно – подручные Вихо не считали нужным мне отвечать в принципе. Поэтому я и ответила вполне дружелюбно:

– Ничего, я потерплю.

Оборотень резко остановился. Перекинул меня наперед, подержал перед собой на вытянутых руках, с нескрываемым удивлением вглядываясь в мое лицо, и вдруг спросил:

– И не боишься?

– Почему-то нет. – Кто бы мне сказал, почему я еще и улыбалась вовсю.

И тут к нам, стоявшим на пустыре, подъехал огромный черный джип. Дверь распахнулась, и оттуда раздалось раздраженное:

– В машину.

Оборотень, извиняясь, улыбнулся и аккуратно усадил меня на заднее сиденье. На колени бережно уложил мой рюкзак, после запрыгнул сам. И еще до того, как захлопнул дверцу, на город налетел жуткий песчаный вихрь, который, как ни странно, совершенно не помешал моим похитителям сорваться с места и помчаться неизвестно куда, потому как я лично через лобовое стекло ничего не видела, кроме, собственно, песка. Поэтому я начала разглядывать похитивших меня оборотней – их оказалось всего четверо, двое сидели впереди, двое сзади, ну, и я между ними. Тесно не было, машина оказалась довольно просторная, вот только ехала очень быстро, и меня подбрасывало на каждом ухабе, что свидетельствовало о нашем движении вовсе не по дороге, но ремней безопасности тут не оказалось, пристегнуться было нечем. Похитители мои зализывали раны, не в буквальном смысле, а просто вытирали кровь салфетками, сидящий впереди и вовсе бинтовал себе руку, и только водитель, который и прыгнул на террасу последним, и раскидал всех, выглядел совершенно невредимым.

Он же первый и заговорил со мной:

– Не кричать. Не истерить. Не сопротивляться. Будешь вести себя хорошо – тебя никто не тронет.

Странно, но у меня лично создалось впечатление, что он тут

единственный, кто враждебно ко мне отнесся, остальные просто заинтересованно поглядывали и даже ободряюще улыбались. И потому я как-то неожиданно даже для себя спросила:

– А если не буду вести себя хорошо, тогда что?

В мчавшейся машине повисло молчание. Напряженное молчание. Мне же действительно было очень интересно узнать, чем эти оборотни угрожать будут. Вот, к примеру, Вихо угрожать умел так, что после этого я была согласна на все, абсолютно на все, вены сама себе готова была вскрыть, смотреть на то, как капает кровь, и очень этому радоваться, а тут что? Оказалось, что ничего. То есть оборотни как-то все начали отводить глаза, а водитель, скрипнув зубами, глянул на меня в зеркало заднего вида и прорычал:

– Пожалеешь!

Тут я уже просто не могла не спросить:

– Простите, как именно пожалею?

Водитель ударил по тормозам. Я решила, что это он от злости, но нет – как оказалось, это мы сбили какого-то оборотня, а вот добивать его койот не стал, крутанув руль, ушел вправо, после чего газанул, помчавшись втрое быстрее, да так, что меня вдавило в сиденье.

И тут сидящий рядом со мной оборотень, который и нес меня до машины, вдруг спросил:

– Пить будешь?

Я с сомнением поглядела на него, так как пить в быстро едущей машине несколько затруднительно вообще-то.

– Ты за полдня на жаре выпила едва ли половину бутылки, к тому же она у тебя явно отвратительно теплая. Пить будешь? Есть яблочный сок, апельсиновый, кола, вода. Я – Кел.

– М-м-мадди, – представилась, вцепившись в рюкзак на очередном подкинувшем вверх ухабе. – Апельсиновый сок, если можно.

Поймала на себе еще один неприязненный взгляд водителя машины, потом проследила за тем, как Кел наклонился вперед, открыл холодильный ящик, покопавшись в запотевших от холода бутылках, достал апельсиновый сок. Я с радостью ухватила обеими ладонями за холодненькое, день и правда был жарким.

– Давай рюкзак в багажник закину? – предложил Кел. – Нам еще долго ехать.

Я подумала и нехотя согласилась – рюкзак полетел назад, возглавив кучу каких-то свертков и сумок. Сок оказался сладким, Кел дал мне трубочку, так что и в мчавшейся машине можно было пить спокойно – я

выдула все до дна, пустую банку отдала Келу.

А потом зазвонил неожиданно мой телефон. Музыка из фильма «Реквием по мечте» неестественно жутко прозвучала в несущейся на полной скорости машине. Оборотни разом посмотрели на меня, а водитель приказал:

– Включи громкую связь.

Как будто он уже знал, кто звонил. Я достала телефон из кармана, ответила на вызов и включила динамик. В машине раздался пробирающий до дрожи низкий хриплый голос:

– Манзи, куколка моя нежная, передай трубку Роутегу.

Водитель бросил взгляд на меня, кивнул Келу, тот взяв трубку у меня, поднес ее ближе, тот, чье имя, как выяснилось, Роутег, произнес:

– Я слушаю.

Это он приуменьшил, и сильно – слушали тут все. Мне особенно было интересно, о чем пойдет разговор. И он пошел. Он так пошел, что дурно стало!

– Роу, ты думаешь, что сумел мне отомстить? Или решил, что у меня настолько мало девок, что я буду сожалеть об очередной подстилке?

Я вздрогнула от омерзения, накатившей обреченности и ощущения, что меня макнули в грязь. Так противно стало. Нет, я ничего хорошего не ждала от Вихо, но чтобы так... Глянула в зеркало заднего вида и увидела, как широко и откровенно издевательски усмехнулся Роутег. Усмехнулся и промолчал. Это молчание являлось словно еще одним вызовом Вихо, и тот был вынужден оскорбление проглотить.

Не просто проглотить, но и сменить тон, произнесся значительно мягче:

– Она всего лишь девчонка, Роутег. Испуганная маленькая девочка, которую ты втягиваешь в мужские разборки. Верни ее, и давай поговорим.

То есть теперь мы начали давить на иное.

Но Роутег, продолжая вести машину, лишь улыбнулся. И промолчал. И это уже стало пощечиной тому, кто не привык к подобному отношению вообще.

– Ты хочешь войны, огонь? Ты ее получишь в полном объеме! Все знают, что бывает с теми, кто бросает мне вызов!

Еще одна усмешка водителя мчащегося автомобиля. Причем он усмехнулся, а мне от тона Вихо стало вообще не по себе. И да – Роутег промолчал. Снова издевательски промолчал. А вот Вихо не выдержал и, уже не сдерживаясь, проорал:

– Если с ее головы упадет хоть один волос... Если ты ее тронешь хоть пальцем... Если... Я вырежу весь ваш клан, истэка, я выпущу кишки

новорожденным детям, я оставлю тела ваших женщин ветру и птицам, я...

Роутег молча взял и выключил телефон. После чего опустил стекло, выбросил айфон, поднял стекло и продолжил путь.

Пораженная, я осталась сидеть, молча глядя вперед, где ничего, кроме песка, видно не было. Подумала, говорить или не стоит, решила все же сказать:

– Я бы прислушалась к словам Вихо.

Ответом мне было молчание и очередной неприязненный взгляд явно невзлюбившего меня водителя. Но он же через минуту холодно спросил:

– Что ты знаешь о клане степных койотов, Манзи?

– Маделин! – резко поправила я.

Насмешливый взгляд вместо ответа.

Кел, успокаивающе похлопав меня по коленке, задумчиво сказал:

– Представляю, как бесится сейчас Вихо.

И больше никто ничего не произнес.

Мы ехали, ехали, ехали... Сначала через песчаную бурю, затем по дороге между буйно растущей зеленью, потом прямо по степи, после по песку, какими-то замысловатыми зигзагами, в итоге я заснула.

Не знаю, сколько спала, проснулась от того, что машина снова подпрыгнула на каком-то ухабе. Открыв глаза, обнаружила, что во сне прилегла на колени Роутега, которого сменил за рулем второй сидящий на заднем сиденье оборотень, сам Роутег не отстранялся, но взглянул так брезгливо, что я мгновенно поднялась, посидела еще немного, почувствовала, как вновь смыкаются веки, и привалилась к плечу Кела.

– Спи-спи. – Он погладил по волосам.

Я же обнаружила, что меня даже укрыли, и вот ни секунды не сомневаюсь в том, кто позаботился.

– Спасибо, Кел, – прошептала, вновь засыпая.

Понятия не имею, сколько еще времени мы ехали, перед тем как машина, наконец, остановилась. И я уже хотела подняться, как мужчины заговорили между собой на непонятном мне языке, и из всего сказанного я уловила лишь «Вихо».

После меня попытались взять на руки.

– Не надо, я уже проснулась.

Села, потерла глаза, поправила волосы. Все сидели молча и ждали, пока я окончательно приду в себя.

– Все, норм, – заверила их.

Только тогда двери открылись. Роутег вышел, протянул мне руку. Но я уже знала, что с оборотнями лучше в принципе слабость не

демонстрировать, поэтому вылезла сама.

И попала в сказку.

Это был сказочно уютный, невероятно чистый городок – оазис посреди пустыни, которая простиралась куда ни глянь вокруг. Белые, обшитые деревянными досками домики с красными черепичными крышами, чистые, но словно из песка, дороги без намека на асфальт, повсюду деревья и зелень, деревянные террасы с белыми креслами-качалками, на которых так и тянуло посидеть и покачаться, глядя на горизонт, на севере за городком озеро, окруженное лесочком, фонтаны, гуляющие по лужайкам перед домами павлины... Красота!

Восторг от увиденного испортил Роутег, мрачно заявив:

– Слушай меня внимательно, Манзи.

– Маделин! – мгновенно разозлившись, поправила я.

Развернулась, встретила хищный стальной взгляд, выдержала его, не опустив глаза.

– Хо-ро-шо, – глядя на меня, четко, по слогам, произнес он. – Слушай меня внимательно, девка Вихо.

Я дар речи потеряла. Оборотень же удовлетворенно кивнул, явно довольный тем, что ответа не последовало, и продолжил:

– Это изолированная территория – дюны, что ты видишь вокруг, не просто пустыня – зыбучие пески. Не знающий об очень узкой тропинке между ними гарантированно погибает. Мне доводилось видеть, как беглецы тонули в песке в нескольких метрах от преследующего отряда. Не буду говорить о том, что помочь таким идиотам нет никакой возможности. Повторяю, девка Вихо, выйдешь за пределы города – сдохнешь. Ясно?

Я молча смотрела на него.

Роутег повернулся к городу и продолжил:

– В остальном можешь делать все, что тебе вздумается, ты здесь навечно.

После всего услышанного город несколько утратил в плане привлекательности. Но это не значит, что я от расстройств лишилась практического подхода к жизни.

– Где я буду жить? – поинтересовалась у оборотня.

Роутег скривился. Так скривился, как даже от лимона не кривятся. Затем взглянул в мои глаза, и... что-то в выражении его собственных глаз вдруг изменилось. Вообще, он вел себя достаточно типично для оборотня, в смысле, грубо и брезгливо по отношению ко мне, но я уже привыкла – по крайней мере, мои сторожа вели себя примерно так же, но вот то, как изменился вдруг его взгляд... Взгляд этого оборотня как-то отдаленно

напомнил мне взгляд Вихо. Причем глаза у них были совершенно разные – у Вихо они серовато-карие, окрашивающиеся желтоватым сиянием в полумраке или темноте, и они особо не выделяются на фоне загорелого, с жесткими чертами лица. Глаза Роутега были совершенно другими – серебристо-серые, с черной каймой по краю радужки, они являлись первым, что привлекало внимание на его открытом лице. Пожалуй, из всех оборотней, что мне довелось повстречать, Роутег чисто внешне понравился мне больше всех. В нем подкупало все: и открытый честный взор, и красивое лицо без печати превосходства и явного презрения к человеческому роду, и пропорциональная спортивная фигура с рельефной, но не перекаченной мускулатурой, и горделиво-ровная осанка без угрожающей сутулости...

В общем и целом он бы мне понравился, даже несмотря на отношение собственно ко мне, потому что ко мне все они относились одинаково, это уже даже не обижало и не напрягало. А вот то, как он вдруг начал смотреть на меня, заставило испытать неосознанную смутную тревогу. Оборотень смотрел исключительно в глаза – пытливо, внимательно, оценивающе. Но при этом весь его облик словно говорил о том, что Роутег безумно, бесконечно и абсолютно недоволен увиденным.

– Я вам не нравлюсь? – спросила прямо.

В принципе, не видела особого смысла молчать.

Роутег скривился снова. Затем нехотя произнес:

– Ты осознала, что бежать не имеет смысла?

Вообще странный вопрос. Более того – буду откровенна, возможность сгинуть в зыбучих песках пугала меня куда меньше, чем Вихо, так что сбегать я не стала бы в любом случае. Но в следующий миг до меня неожиданно дошло – Роутег приказал остановиться здесь и терпеливо ждал, пока я проснусь, только для того, чтобы внушить мне мысль о невозможности побега?! Серьезно?!

Несколько обалдев от осознания случившегося, я уже хотела было ответить, что таки да, все поняла, осознала, впечатлилась и бежать не планирую в принципе, но... Роутег, напряженный, чем-то крайне разгневанный и судорожно о чем-то раздумывающий, вызывал непреодолимое желание позлить его. Такое основательно непреодолимое, что я не удержалась и с самыми невинными глазами шепотом переспросила:

– То есть мне не сбегать?

– Нет! – отрезал он.

– Что, серьезно? – притворно изумилась я.

До оборотня дошло, что над ним банально измываются, но вместо грубости или запугивания Роутег неожиданно улыбнулся. Это была мимолетная улыбка, очень теплая и открытая... Но так продолжалось лишь мгновение. Одно очень краткое мгновение... В следующий миг его взгляд заledenел, черты лица хищно заострились, и оборотень насмешливо произнес:

– Хорошая попытка убогого флирта. С Вихо так же контакт налаживала? Залезай в машину.

Я изумленно посмотрела на него, откровенно не понимая – он это серьезно? Он серьезно подумал, что я с ним флиртую?! Глянула на остальных, оборотни отводили взгляды, но, судя по ухмылкам, решили так же, как и Роутег. Это вообще как? Почувствовала я себя премерзко. Неприятно, когда несправедливо обвиняют черт знает в чем, еще неприятнее, когда о тебе вот так вот думают, причем совершенно откровенно и не пытаюсь даже соблюсти малейшие законы приличия и скрыть собственное мнение.

– Поживешь пока в моем доме, – насмешливо и с презрением глядя на меня, произнес Роутег, – раз я НАСТОЛЬКО тебе понравился.

Что?!

– Ты мне не нравишься! – разъяренно проговорила я, испытывая дикое желание развернуться и уйти.

К слову, мысль о гибели в песках неожиданно начала казаться до безумия привлекательной.

Роутег усмехнулся и издевательски поинтересовался:

– Зачем же столь явно лгать, Маделин? Несколько мгновений назад ты вполне откровенно и с явным интересом меня разглядывала.

Что? Я... Щеки запылали, и это стало последней каплей в чаше моего унижения. Понимая, что здесь никому и ничего не докажешь, я решила просто уйти.

– Было очень неприятно пообщаться, мальчики, – с трудом выговорила я. – Спасибо, что похитили и все такое, но вот дальше продолжать наше общение у меня лично нет никакого желания. Отдельное спасибо некоторым излишне самовлюбленным за милостивое предложение пожить под его гостеприимной крышей, но я как-нибудь обойдусь. Лучше поживу пока на улице, благо тепло и не зима, или найду себе работу и смогу снять жилье.

С этими словами я повернулась к машине, залезла в нее, достала рюкзак, раскрыла, из него вытащила кепку, бутылку с водой. Кепку надела, бутылку просто взяла, рюкзак привычно перекинула за спину и потопала с

пригорка к сказочно красивому городу, возвращая ощущение волшебства и праздника в душе.

Жаль, с возвращением ощущения праздника не вышло, потому как позади раздалось:

– Склонность человеческих самок к театральным выпадам – это нечто.

И это произнес кто-то из тех двух оборотней, которые в машине не разговаривали. То есть еще и эти!

– Роутег, ты их лучше знаешь, чего это она? – спросил второй из ранее молчащих.

И главное, они совершенно, вот вообще не пытались говорить тихо, отчетливо понимая, что я все слышу.

– Играет в оскорбленную невинность, – с нехилой долей презрения ответил Роутег.

Я споткнулась. Остановилась, борясь с неистовым желанием вернуться и как минимум дать в морду. Потом поняла, что смысла нет – что бы я сейчас ни сказала, как бы ни поступила, эти все вывернут по-своему, у них ведь уже имелось на счет меня свое непоколебимое мнение. Обидно до слез. Обидно и горько. Да, Роутег мне понравился, просто симпатичный и приятный на вид, так что да, понравился, как человек... в смысле – оборотень. Не более. Какого он вообще все извратил? В общем, приятное поначалу похищение превратилось в очередное испытание для моей психики. Нет, я все понимаю, у них явно счеты к Вихо, но я-то тут при чем? У меня к нему тоже счетов хватает... а впрочем, какое им всем дело до этого.

Тяжело вздохнув, я вскинула подбородок, расправила плечи и постаралась выбросить из головы все мысли об оборотнях. В конце концов, мне как-то обустроиваться нужно, а не размышлять обо всяких с их ошибочными суждениями. Не уверена, что я в этом городке надолго, а зная Вихо, не приходится даже сомневаться, что он меня и тут достанет, но по факту сама мысль, что я его сегодня не увижу, безумно радовала.

И тут я остановилась и неожиданно совершенно четко осознала – я сегодня Вихо не увижу! Боже, в это было так трудно поверить. Трудно, но до чего же приятно осознавать, что моя жизнь еще продолжается! Это все равно что неожиданно получить отсрочку перед казнью! И несмотря ни на что, видит небо, как же я благодарна моим похитителям за эту передышку. Безмерно просто.

И я продолжила идти вниз по склону.

До города я спустилась минут за двадцать, и тут же мне навстречу выскочили собаки, рыжевато-серые, с умными остренькими мордочками, большими ушками и вообще забавные такие. Я остановилась, с интересом глядя на эту стаю, и уже когда налетели, начали обнюхивать, вспомнила, что, кажется, это как раз не собаки, а койоты. Протянула ладонь, погладила ближайшего – зверь зарычал, а потом неожиданно лизнул руку – так и познакомились. Затем вся стайка вокруг меня запрыгала, затанцевала, а после умчалась обратно в кусты и побежала, кажется, по параллельной улице. Я же решительно направилась к главной, благоразумно предположив, что именно здесь должны быть магазины, ресторанчики и тому подобные заведения, в которых я гарантированно смогу найти себе работу, а может, даже и жилье.

Городок и вблизи не терял сказочного очарования – очень уж был чистый, выбеленный и в целом невероятно уютный. Я прошла мимо явно административного здания, перед которым переливался и журчал круглый фонтан, прошла дальше, пока не узнала в третьем от начала города здании магазин, по крайней мере, витрина и масса выставленных в ней товаров недвусмысленно на это намекали.

Свернув с залитой солнцем дороги, я поднялась на порог, толкнула дверь, которая тут же отреагировала звякнувшим колокольчиком, и на звук из глубины лавки раздалось:

– Да-да, уже иду.

Я осторожно вошла в прохладное помещение, где тихо гудел кондиционер, оглядела странный магазин. Почему странный – я вовсе не увидела кассового аппарата. То есть тут имелась торговая стойка, огромные холодильники с напитками, молочными продуктами, яйцами, соками и прочим, стеллажи с крупами и другими товарами, а вот кассового аппарата не было...

И вдруг послышался топот ножек по ступеням, дверца со звоном колокольчика распахнулась, и в магазинчик вбежала маленькая рыжеватая девочка, крикнув с порога:

– Бабушка, в городе чужой! Ой... – заметила она меня.

– Привет, – сказала я, с интересом разглядывая ее короткое потертое платье с бахромой, пошитое, кажется, из кожи.

– Ой, – повторила малышка еще раз, пятась к двери. – Ой-ой...

Из двери, ведущей в служебное помещение, вышла высокая седая

женщина, в длинном платье, тоже с бахромой и, кажется, тоже кожаном, с прической, собранной в небрежный пучок, и передником, в котором словно что-то раскладывала. Она подняла голову, увидела меня и удивленно остановилась. То есть совершенно остановилась, без какого-либо движения, только крылья носа трепетали, выдавая тот факт, что оборотень улавливает мой запах. Я же с интересом смотрела на нее: говоря откровенно, впервые вижу женщину-оборотня так близко и без очков. Те, что доводилось видеть ранее, глаза обычно прятали.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась я.

Женщина все так же молчала, пришлось продолжить:

– Меня зовут Мадди, я в городе впервые, ищу работу и место для ночлега, умею делать практически все, что не умею – быстро научусь. Может, вам нужны помощники, или вы знаете кого-нибудь, кому понадобились бы расторопные и исполнительные работники?

Она выдохнула, затем посмотрела куда-то за меня.

Я, соответственно, тоже обернулась – за мной с самым скептически-раздраженным выражением лица стоял Роутег, который каким-то образом вошел, не потревожив колокольчик на двери. Оборотень, не глядя на меня, мрачно произнес:

– Уна, ты свободна.

И эта седовласая женщина, низко поклонившись, ответила:

– Да, Повелитель.

Повелитель... «Повелитель»?! Я не ослышалась?! Она сказала «повелитель»?! Что, серьезно? Нет, я уже как-то смирилась с тем, что Вихо у оборотней что-то вроде криминального босса мафии годов так тридцатых, впрочем, и называли они его босс, только на свой манер, собственно, поэтому он и Вихо, но «повелитель» – это уже как-то за гранью реальности. Или у мужика настолько проблемы с самовлюбленностью, что граничат уже с идиотизмом.

Я потрясенно посмотрела на Роутега, недоуменно покачала головой и уже хотела сказать, что он странный, как «повелитель» меня опередил, выдав:

– Ты показала свой нрав достаточно. Возвращайся в автомобиль, ты едешь в мой дом.

Да неужели?!

– Извините, не могу, – нервно ответила я, а затем язвительно добавила: – Боюсь, вы мне НАСТОЛЬКО понравились, что я на вас начну бросаться с недвусмысленными предложениями и навязчивым флиртом. А потом даже дойдет до страшного, и я начну вам глазки строить!

Роутег усмехнулся и издевательски ответил:

– Ничего, переживу.

Я задохнулась возмущением. Но ничего, вдох-выдох, и, старательно сдерживаясь, проговорила:

– Уважаемый самовлюбленный до немыслимой крайности «повелитель», я бесконечно благодарна вам за участие, но с преогромным удовольствием избавила бы себя от столь сомнительного удовольствия, как проживание в вашем доме.

Оборотень в ответ на мою тираду улыбнулся. Широко, насмешливо и да, явно издевательски.

Тут дверь снова открылась и вошел Кел. Посмотрел на меня, на Роутега, снова на меня и лично мне осторожно сказал:

– Маделин, возможно, ты обиделась...

Возможно?! Только возможно, да?!

Но Кел продолжил, не обратив внимания на мое негодование:

– Но ты добыча Роутега, так что обеспечивать твою безопасность и надобности обязан он, ну... – Парень неожиданно посмотрел мне в глаза и добавил: – Или могу я.

В смысле?!

– Сделать тебе подарок? – со смешком спросил Роутег.

Кел просиял улыбкой и кивнул. Повелитель усмехнулся, затем произнес:

– Если она согласна, я возражать не буду.

С этими словами оба посмотрели на меня. Вопросительно-издевательски Роутег и откровенно, с явной надеждой, Кел. Мило очень, да. Вот только крайне заинтересовал один момент:

– И что конкретно входит в обеспечение моих надобностей?

Кел неожиданно замялся. Взгляд отвел, как-то явно ища поддержки, глянул на Роутега. Тот, ослабившись, выдал:

– Я ей понравился явно больше. К тому же, сам понимаешь, я рангом повыше, что для таких девочек является решающим фактором. Ставлю байк на то, что в мою постель она прыгнет уже сегодня.

Сжав удерживаемую в руке бутылку так, что хруст раздался на весь магазин, я с трудом справилась с желанием все-таки съездить «повелителю» по морде. Погордилась собственной выдержкой, натренированной за последние шесть лет, и произнесла ледяным тоном:

– Ребят, тут, видимо, кто-то что-то не до конца понимает, и мне придется объяснить. Так вот, да, я девка Вихо, и это факт. И рано или поздно, Вихо меня вернет. Вы осознаете, что будет с тем, кто рискнет

попользоваться моим телом?!

Роутег мгновенно перестал улыбаться. На его лице словно судорогой промелькнула ярость. Затем подошел ко мне и произнес, глядя с нескрываемым презрением:

– Так говоришь, он расстроится, если я попользуюсь твоим телом? Звучит заманчиво.

Полностью повторив и его взгляд, и его позу, его же тоном ответила:

– Я думаю, он скорее разозлится, причем до такой степени, что разделает тебя на ремни для собственных брюк.

Роутег усмехнулся, выпрямился, вернул себе то же иронично-насмешливое настроение и устало ответил:

– Это вряд ли. Идем.

Мне лично вовсе не хотелось идти за ним, но, похоже, выбора особо не было. Уна так и не вернулась, а учитывая звание этого «повелителя», меня без его позволения явно нигде на работу не примут – к сожалению, у оборотней царит полное и абсолютное подчинение главарю. От всей ситуации стало гадко.

Автомобиль ждал нас у порога. Роутег галантно открыл заднюю дверцу и хлопнул, едва я села.

Сам сел за руль. В машине, кроме нас, уже никого не было.

«Повелитель» быстро промчался по главной улице, совершенно безлюдной кстати, я угрюмо смотрела в окно, подмечая по ходу движения магазины, магазинчики, лавочки, пекарню и в ней заметила веселую улыбчивую девчонку, приветливо махнувшую мне рукой, лавку мясника с худощавым высоким мужчиной, который разделывал мясо, потом несколько книжных магазинов и магазинов с видеодисками, потом Роутег свернул и притормозил перед фонтаном, который переливался высокими струями в центре голубого бассейна в форме индейского символа орла.

Обогнув водоем, Роутег повернул к дому... Белоснежное здание в колониальном стиле с шестью белыми колоннами на террасе утопало в зелени сада. К нему тянулась ровная дорога меж выстриженной густой травы, удивляли объемными стволами величественные деревья, манил тенью и обещанием отдыха сад...

– Я редко бываю в этом доме, – произнес Роутег, не оборачиваясь и снижая скорость.

– Это вы сейчас к чему сказали? Намекаете, что я не смогу активно бегать за вами? – не скрывая сарказма, поинтересовалась я.

Оборотень прекрасно видел, что я злюсь, но, все так же издевательски улыбаясь, ответил:

– Не переживай, малышка, у тебя будет достаточно времени, чтобы попытаться меня охмурить. Сомневаюсь, что получится, я все же предпочитаю менее меркантильных девушек, пусть даже и человек, но попытаться сможешь.

И он остановился. Затем, все так же посмеиваясь, вышел из автомобиля, обошел его, открыл дверцу для меня. Совершенно спокойно встретил мой гневный взгляд, протянул руку. Не имея ни малейшего желания прикасаться к оборотню, я выбралась из машины сама, рывком забрала рюкзак с заднего сиденья.

– Тяжелый? – поинтересовался Роутег.

– Не переживайте, у меня достаточно сил и для того, чтобы его понести, и на беготню за вами останутся!

Он расхохотался и пошел вперед по дорожке к дому.

Едва поднялись на террасу, оборотень произнес:

– Выберешь себе любую спальню на втором этаже. Дом в твоём распоряжении, весь, кроме моего кабинета. Продукты привезет Кел, если что-то понадобится – электрокар в гараже, лавки найдешь сама. Передвижение по городу со скоростью не выше двадцати пяти миль в час – здесь много детей. Через двенадцать дней наступит Ночь весенних песен, в это время вводится комендантский час, так что после заката носа из дому не высовывать.

Он остановился перед дверью, повернулся ко мне. Собственно, именно это помешало испепелить гневным взглядом спину оборотня. Нет, я, конечно, была благодарна за похищение, но вот все остальное было явным перебором. Роутег улыбнулся, явно потешаясь над моим гневом, затем произнес:

– На дверь посмотри.

Я посмотрела – нормальная такая себе дверь, с ручкой, но совершенно без замка или там отверстия для ключа... да даже электронного замка не было. Или тут вообще без замков обходятся?

Оказалось, что нет.

– Здесь уникальная система распознавания тех, кому разрешен вход. Дай руку, – произнес оборотень. – Нужен отпечаток твоей ладони.

Отпечаток так отпечаток.

Я перекинула рюкзак на другое плечо, вытерла ладонь о джинсы, протянула Роутегу.

Он протянул свою ладонь, прикоснулся пальцами к моей коже и... и тут что-то пошло не так. Что-то как-то совершенно пошло не так!

И я не просто поняла это – я почувствовала, потому что от

прикосновения его пальцев к моим у меня сжалось сердце. Всего на миг сжалось, уже в следующий оно неистово забилося, а вот у Роутега, кажется, нет. Оборотень замер, сузив глаза, тяжело дыша и сжав губы так сильно, что они побелели. А взгляд, который в упор был направлен на мои глаза, словно заledenел. И столько в нем было ненависти, что мое сердце повторно перестало биться. А затем накатило привычное недоумение – за что? За что они все настолько меня ненавидят?! Что Дик, Стэн и Грейг, что вот теперь эти нелюди. Мне всего двадцать лет, я в жизни своей не совершила ничего плохого. За что столько ненависти и презрения?

Тяжело вздохнув, опустила глаза, постояла несколько секунд, успокаиваясь. Мерзко, конечно, быть по жизни без вины виноватой, мерзко чувствовать себя жертвой, но хуже всего то, что я ничего не могу с этим сделать. Переубеждать кого-то в чем-то? Какой смысл? Люди Вихо ненавидят меня за то, что их главный решил сохранить мне и моим родным право на существование. Эти оборотни-кайоты ненавидят за то, что моя жизнь связана с Вихо... И те и другие считают продажной девкой. У меня просто не жизнь, а сказка. Страшная, правда, и с заведомо паршивым концом, но в общем и целом – сказка как ни крути. Про страшного серого волка по кличке Вихо и девочку, которой очень не повезло ему понравиться.

И вспомнив обо всем этом, я успокоилась. А успокоившись, поняла, что мы так и продолжаем стоять на ступенях, и оборотень все так же меня держит за руку, разве что еще сильнее побледнел. Интересно, долго мы еще вот так стоять собираемся?! Я посмотрела на свою руку, на дверь, на Роутега... на руку... на дверь... на Роутега. Взгляд мой был до крайности выразительным, потому как стоять тут мне уже надоело. Но оборотень все так же не реагировал, глядя на меня как на что-то вроде ископаемого червя, о котором все давно знали, что он благополучно вымер, не пережив очередного витка эволюции, и тут вдруг оп – и вылез. В смысле, я вылезла.

Устав бросать выразительные взгляды, я мрачно спросила:

– И сколько еще мы так стоять будем?

«Повелитель» не ответил, только глаза, его красивые серебристые глаза почему-то начали все сильнее светиться тускло-желтым. Что обидно – их даже вот такая подсветка не портила. Но я уже была на оборотня настолько злая, что даже сверкать глазками с его стороны было совершенно бессмысленно.

– Эй, – я чуть повысила голос, – я говорю – стоять мы тут еще долго будем?

Роутег не реагировал. Только его пальцы, обхватившие мою ладонь,

подрагивали от напряжения, словно он хотел сжать мою конечность до хруста, но неимоверным усилием себя сдерживал. Осознав опасность, я осторожненько высвободила свою руку, мне ее было жалко, у меня рук ограниченное количество – всего две, и комплектация от производителя не предполагает наличие запасных. Так что я ладонь опасливо отобрала, но Роутег продолжал стоять в той же позе, разве что его рука, утратив мое содержимое, сжалась в кулак. В такой не угрожающий кулак, то есть не агрессивный, а вполне себе пытающийся взять эмоции хозяина под контроль. Но кулак определенно не справлялся с задачей, потому что оборотень продолжал стоять столбом, вперив взгляд почему-то в меня. А я продолжала ощущать себя уже упомянутым ископаемым червяком, подло и коварно обставившим эволюцию. Да что там обставившим... Судя по взгляду Роутега, я над этой эволюцией еще и надругалась самым жестоким образом, потому что взирал он на меня с явным обвинением в чем-то вконец нехорошем.

Между прочим, крайне неприятное ощущение.

И может, стоило возмутиться, но когда на тебя так смотрят, даже с даром речи начинаются заметные трудности.

И все же я справилась, глубоко вздохнула и прямо спросила:

– В чем дело?

Роутег не отреагировал, разве что опустил сжавшуюся в кулак руку, но в остальном все так же стоял, глядя в мои глаза. Да сколько можно уже?!

– Слушай, если ты болен и у тебя приступ, то я пойду, а? – раздраженно предложила я.

Он ничего не ответил.

– И стоять нам так до скончания веков, – пробормотала с нескрываемым недовольством. Но затем, подумав, устало добавила: – Или пока за мной Вихо не явится.

Роутег отмер в то же мгновение. Его глаза сузились еще сильнее, обозначились желваки от с трудом сдерживаемого гнева, и оборотень прорычал:

– Я бы не стал на это рассчитывать!

Я бы вообще не хотела на это рассчитывать, но, зная Вихо, даже сомневаться не приходилось в том, что меня заберут отсюда, причем довольно скоро.

– Рассчитывай, не рассчитывай, но Вихо всегда получает то, чего хочет, – тихо сказала я.

Роутег вдруг улыбнулся. Правда, улыбка гораздо больше походила на оскал, но затем оборотень стал совершенно серьезен и хрипло произнес:

– Вихо не получит тебя. Никогда. Уже никогда.

Я улыбнулась. Я бы вообще рассмеялась, но были опасения, что смех перерастет в истерику и все закончится слезами и рыданиями, а я свое уже отревела, хватит с меня. Так что просто покивала, всем своим видом демонстрируя, насколько «верю» его заявлению, и совсем устало спросила:

– Зайти уже можно или как?

И тут Роутег неожиданно шагнул ко мне. Всего один шаг, но оборотень вдруг оказался пугающе близко. Его серо-серебристые глаза, полыхающие тусклым желтым сиянием, затмили огромный дом с колоннами, яркое синее небо, зелень прилегающего сада... Они затмили все, приковав мой испуганный взгляд и заставив сердце учащенно биться от неясной, практически неосознанной, но стремительно нарастающей тревоги. В этот миг время остановилось... И мир остановился тоже, растворившись на границе осознанности...

Внезапно с шумом упал мой рюкзак, больно ударив по ноге.

Я вскрикнула и отпрянула, Роутег остался стоять на месте и даже не пошевелился за все время, пока я подхватывала рюкзак, выпавшие из него три упаковки жевательной резинки, ручку и блокнот. И когда поднялась, вновь накидывая лямку на плечо, он все так же продолжал стоять на месте, будто громом пораженный.

Затем сглотнул и произнес:

– Дай руку.

– Еще раз? – скептически поинтересовалась я.

– Да, – голос Роутега прозвучал хрипло.

Делать особо было нечего, я протянула ему ладонь. Он осторожно прикоснулся к ней пальцами, лицо его при этом хранило каменное выражение, вот только глаза пытливно вглядывались в мои, словно оборотень искал в них ответ на какой-то важный для него вопрос. Искал и не находил. Судорожно вздохнув, потянул мою руку на себя, повернувшись, приложил ладонь плашмя к двери.

Та откликнулась серией механических щелчков и золотистым сиянием.

Роутег, отпустив меня, отодвинул и рывком распахнул дверь. Затем, старательно отводя взгляд, указал на вход. Гостеприимно, конечно, вот только хотелось бы мне узнать, что там делать. И я рот открыла, чтобы спросить, но оборотень с неожиданной яростью прорычал:

– Просто исчезни. Молча!

И так он это сказал, что я без разговоров влетела в дом. За моей спиной остервенело захлопнули дверь.

И кто мне объяснит, что это было?

Впрочем, вопрос не имел смысла – я уже точно знала, что никто мне ничего объяснять не будет. Совершенно никто и совершенно ничего. Так что следовало просто выбросить из головы очередную странность и сделать вид, что все в порядке. Ну психанул мужик, может, реально приступ накрыл, с кем не бывает?! И я тут же мысленно себе ответила – с людьми. А вот у оборотней странностей выше крыши.

Я постояла, ожидая Роутега. Походила из стороны в сторону, но оборотень, видимо, ушел и быть гостеприимным хозяином напрочь отказывался.

Внезапно вспомнилось, что три года назад примерно сходным, крайне странным образом себя повел Вихо. Я спускалась по лестнице, а он, стоявший на пороге нашего дома, вдруг застыл, глядя на меня, затем стремительно развернулся и ушел, остервенело хлопнув дверью. И после два года не появлялся в моей жизни, зато основательно нарастил в ней собственное удаленное присутствие, лишив меня даже призрачной надежды попробовать, что такое личная жизнь...

Это воспоминание вызвало горькое чувство, но я лишь усмехнулась, в очередной раз напомнив себе – происходящее всего лишь отсрочка. И вряд ли она будет долгой.

Но, как бы то ни было, я отправилась изучать дом целого «повелителя», мысленно прикинув, что это, наверное, даже круче, чем изучать дом главаря мафии, а ведь, если бы не похищение, примерно этим я сейчас и занималась бы. Точнее, Вихо начал бы мою экскурсию со своей спальни, как он и обещал. Меня бросило в дрожь при одной мысли об этом, по спине прошелся холодок, к горлу подступила тошнота от дикого панического ужаса. Это действительно очень жутко – отчетливо осознавать, что твоя жизнь кончена, так толком и не начавшись.

Запрокинув голову, подождала, пока высохнут проступившие слезы, успокоилась и пошла осматривать свое временное место обитания.

Дом Роутега оказался впечатляющим – огромный холл, красивая, ведущая наверх широкая лестница, внушительные широкие витражные окна, заливающие все пространство мягким светом, ковры на полу и на ступенях, все в классическом южно-американском стиле. Мне откровенно понравился этот дом.

В момент, когда я бродила по гостиной, распахнулась дверь, боком вошел Кел, неся внушительные пакеты, глянул на меня, улыбнулся и весело спросил:

– Ну как ты тут?

Памятуя о случившемся перед городом, да и в торговой лавке, с

вызовом ответила:

– Роутега жду. Буду на него бросаться с неприличными предложениями и всячески преследовать.

– А-а-а, – весело посмеиваясь, протянул Кел. – В таком случае тебе непременно нужно поесть, чтобы сил бегать за Повелителем хватило. Он, знаешь ли, быстрый, а ты с утра ничего не ела.

– Откуда ты... – искренне удивилась я.

Просто с утра я под надзором моих сторожей совершила два перелета на самолетах и одну поездку на поезде, то есть как бы на месте не стояла. Так что знать, ела я или нет, Кел определенно не мог.

– Я следил за тобой, Мадди, – просто ответил оборотень. – Точнее, лично я вел вас от Бостона, а до того тебя около года отслеживали наши.

У меня выразительно отвисла челюсть.

– Не поверишь, у нас была та же реакция, когда выяснилось, что трех своих лучших бойцов Вихо приставил охранять никому не известную человеческую девчонку, – усмехнулся Кел.

И направился, видимо, на кухню, выдав мне:

– Иди наверх, бросай рюкзак и спускайся, кормить буду.

Я снова осталась одна.

Постояла. Подумала. Поняла, что в очередной раз вопросов оказалось куда больше, чем ответов, и пошла наверх, выбирать себе спальное место. Выбрала поближе к лестнице, то есть первую спальню с краю. Интерьер даже толком не рассматривала, сразу бросила вещи на кровать и отправилась в душ.

Минут через десять, встряхивая влажными волосами, спустилась вниз, на ходу прислушиваясь к умопомрачительному аромату чего-то жареного, и так, практически исключительно по запаху, и обнаружила кухню.

А там танцевал Кел.

Ну не совсем, чтобы танцевал, но двигался он, пританцовывая, и стругал салат. А на плите жарилось что-то с мясом, на столе уже были готовые тосты и омлет, из скрытых колонок звучала какая-то мелодия с индейскими нотками, и... и я стояла и смотрела на Кела. Засмотрелась, если честно. Оборотень полурасстегнул рубашку, собрал волосы в хвост на затылке и босиком в темно-синих джинсах крутился по кухне, одновременно и салат готовя, и раскладывая по местам баночки со специями, маслами, салатными заправками, которые принес из лавки. И двигался он так плавно, четко, местами резко и молниеносно, с грацией хищника и в то же время как-то до крайности по-домашнему выглядел босиком и в полурасстегнутой клетчатой рубашке, которая открывала очень

мускулистую грудь, и...

Тут заработал кондиционер, окатив меня со спины холодом.

Кел вздрогнул всем телом, стремительно развернулся ко мне, прикрыв глаза, втянул носом воздух и выдохнул:

– Ты невероятно пахнешь.

Открыл глаза, смерил меня взглядом, сглотнул и хрипло добавил:

– Выглядишь так же. Как куколка.

– Качина, – проговорила я, скрывая внутреннее содрогание при этом слове.

– Знаешь наш язык? – удивился Кел.

– Частично. – Я прошла в кухню, откидывая назад влажные волосы.

Черные. Темнее, чем даже у Вихо, а он, как сам говорил, был единственным черным волком в стае, меня же оборотень называл редкостью – черные волосы и ярко-голубые глаза у волчиц встречались редко. Тот факт, что я не волчица, а человек, Вихо привычно забывал в наших с ним... пусть будет отношениях.

Кел проследил за каждым моим движением с отчетливо голодным видом, и я, не сдержавшись, заметила:

– Слушай, сомневаюсь, что у такого парня, как ты, имеется недостаток в женском внимании, так что прекрати смущать меня.

Усмехнувшись, Кел произнес:

– Ты очень привлекательная. Точно качина. Такая белая кожа, черные волосы, совершенно удивительные глаза цвета чистого летнего неба. И да – ты для меня редкость, среди наших девушек практически нет брюнеток.

Оставив неприятную для меня тему, я поинтересовалась:

– А что значит твоё имя?

– Кел?

Я кивнула.

– Воробей, – улыбнулся оборотень. – Я быстрый и неприметный, как воробей.

Никогда бы не подумала, что его имя имеет такое значение. Особенно если учесть ширину его плеч и выделяющуюся мускулатуру. Воробей... ну надо же, очень неожиданно.

Сев за стол и поглаживая пальцем мраморную столешницу, поинтересовалась:

– А Роутег?

– Огонь.

В сковородке что-то угрожающе зашкварчало, и Кел с невероятной скоростью метнулся туда, чтобы тарелку с омлетом, стоящую передо мной,

вскоре украсило что-то вроде бекона, но в перемолотом виде.

– Можно приступать к обеду, – пододвигая мне вилку и нож, сообщил оборотень и принялся накладывать это подобие бекона и себе.

Потом на стол был поставлен салат, заправки и кетчуп. Для меня Кел налил стакан апельсинового сока, себе воды, и мы начали есть.

– Омлет великолепен, – отдала я должное искусству повара, – мясо оригинальное, но тоже очень даже ничего.

– Знаю, – не без гордости ответил Кел. – Омлет – это то блюдо, которое я научился готовить в совершенстве. Один живу.

Я понятливо кивнула и набрала себе салата.

И тут Кел, прожевав, сложил руки и с явным сомнением, неверием и чем-то еще, мне не понятным, задал вопрос, который явно его мучил:

– Слушай, я все никак не могу решиться, говорить или нет... – Он взглянул на меня: – Мадди, а ты вообще знаешь, что у Вихо до тебя семь жен было?

Я промолчала, безразлично глядя на Кела.

– Это да или нет? – не понял он.

Я продолжала все так же молча смотреть на него.

– То есть знала? – продолжал допытываться Кел.

Я улыбнулась, подавив горькую усмешку, и вернулась к обеду. Оборотень молчал, все так же испытующе глядя на меня. Я закончила с омлетом и салатом, парой глотков допила сок и, поднявшись, сказала:

– Ты готовил, я мою посуду.

– Посуду моет посудомойка, – возразил Кел. – Чего ты молчишь?

– Я не молчу, что подтверждает сказанная ранее реплика про посуду, – ответила спокойно. – Посудомойка где?

Кел указал направление движения, я обнаружила агрегат, открыла и сообщила очевидное:

– Ею еще даже не пользовались. Тут внутри лежат инструкция и упаковка.

Кел подошел, взяв меня за талию, плавно отодвинул, присев, стал разбираться с посудомойкой и ворчать по поводу того, что ее еще даже не подключили.

– Схожу за инструментами, – вздохнул он.

Пока оборотень возился с кухонной техникой, я спокойно перемыла всю посуду под краном и перетерла обнаруженным в шкафу полотенцем. Открыв холодильник, разложила продукты, заодно проинспектировав, что тут, собственно, есть.

– Если что понадобится, берешь в любой лавке, – сказал Кел.

Тут я была вынуждена признаться:

– У меня с собой не так много наличных денег.

Кел, чья голова в данный момент как раз в посудомойке была, рассмеялся, высунулся и, глядя на меня, спросил:

– Ты серьезно думаешь, что их тут у тебя кто-нибудь возьмет? Ты под защитой Роутега, за все, что тебе понадобится, платит он.

Это было очень печально, потому как личных вещей у меня с собой имелось крайне мало, в смысле одежды и прочего, а позволять Роутегу платить за себя я не собиралась. С другой стороны, зная Вихо, меня отсюда заберут гораздо раньше, чем мне что-то понадобится.

Закрыв дверцу холодильника, я постояла, глядя, как Кел подключает посудомойку, и, собственно, по поводу нее и возник вопрос:

– Роутег здесь не живет, насколько я поняла?

Оборотень поднялся и принялся соединять шланги, ответив мне спустя пару минут:

– Не жил, да. В целом мы, свободные, редко бываем в Долине. Это место для детей и женщин.

Хмыкнув, продолжила за него:

– И стариков.

– Нет. – Кел что-то откручивал, активно пользуясь ключом. – Старики предпочитают Изнанку, там время течет иначе и процессы старения значительно замедляются.

Это обозначение я услышала впервые и поэтому переспросила:

– В Изнанке?

– Ааа-га, – напряженно, видимо прикладывая все силы к откручиванию чего-то, ответил Кел. – Там тоже есть наши изолированные территории... Да что ж ты никак... а, все, есть!

Он плавно поднялся, придвинул посудомойку обратно к стене, открыл дверцу и скрылся в агрегате.

Не желая мешать ему, я стояла молча и ждала, пока он закончит. Ждать пришлось недолго – Кел что-то там вправил, достал все ненужное, вставил решетки, взял из шкафчика рядом упаковочку с моющим средством, вскрыл, вставил в паз, повернулся ко мне и скомандовал:

– Все, давай сюда грязную посуду.

Молча указала ему на уже перемытые тарелки, вилки и стаканы.

– Шустрая ты, – поправляя рубашку, протянул Кел.

Безразлично пожала плечами.

Оборотень, чуть прищурившись, взял и вернулся к неприятному, вопросу:

– Так что там с семью женами?

Я снова промолчала, выразительно глядя на него. И должен был бы понять, что я в принципе не желаю развивать данную тему, но Кел положительно не желал с этим смириться.

– Слушай! – Он подошел к разделяющему нас столу, взялся за спинку стула и, с некоторым сомнением глядя на меня, продолжил: – Ты вроде нормальная. Я наблюдал, как ты ведешь себя с Диком и остальными, как реагируешь на витрины с украшениями в аэропорту, и в принципе отчетливо видел твое безразличие по отношению к модельного вида красоткам – ты на них даже не взглянула. Нетипичное поведение для трофейной жены, не находишь?

Оу, так они меня тут сочли трофейной женой, как мило! Можно было бы обойтись без столь обтекаемых определений и сразу обозвать продажной женщиной.

– Молчишь? – озвучил очевидное Кел.

Я улыбнулась, чуть насмешливо глядя на него.

– Не смейся, мне действительно интересно, – произнес он.

– Мне – нет. – Я вновь пожала плечами.

– Совсем нет? – поддел оборотень.

– Совсем.

Кел прищурился, затем усмехнулся и сказал:

– Наши наблюдатели сообщили, что ты с Вихо по своей воле. Они не заметили ни принуждения, ни насилия.

Еще бы! Смысл применять насилие или принуждать, если можно просто забрать жизнь и право что-либо решать в этой жизни. А так в целом да, ни насилия, ни принуждения со стороны Вихо определенно не происходило.

– Хочешь сказать, он тебя просто купил? – недоверчиво спросил Кел.

Я могла бы промолчать, но почему-то предельно честно ответила:

– В каком-то смысле да.

– Да?! – переспросил парень.

Недоуменно покачал головой и сокрушенно признался:

– Поверить не могу, что ты продажная...

Он оборвал себя, видимо не желая озвучивать мне в лицо шаблонное «продажная девка». Но я совершенно спокойно отреагировала и на его признание, и на испытующий взгляд после.

Горько, конечно, было, но если по факту, то:

– Все мы продажные, Кел. Вопрос лишь в цене.

Он неодобрительно покачал головой, помолчал некоторое время, затем

сказал:

– Видимо, твоя была крайне высокой, раз Вихо настолько тебя ценит.

И он снова посмотрел на меня, причем вопросительно посмотрел. Стало ясно, что Кел тянет информацию. Из любопытства или, возможно, он какие-то иные цели преследовал – мне было совершенно неясно, да и неинтересно.

– Знаешь, я думаю, будет лучше, если ты об этом спросишь у Вихо лично, – произнесла я.

Хмыкнув, Кел заметил:

– Не думаю, что представится такой шанс.

Я едва не расхохоталась. Мне, к сожалению, уже слишком хорошо было известно, на что способен Вихо.

Кел вдруг стал совершенно серьезным и так же серьезно сказал:

– У тебя глаза заблестели. И я так догадываюсь, что от слез.

Отвернувшись, стараясь просто держать себя в руках. Получалось же все последние дни, значит, и сейчас должна совладать с собственными эмоциями.

Кел деликатно помолчал, дав мне время успокоиться, затем тихо заметил:

– Может, ты и права, в том, что цена есть у каждого, но что-то мне подсказывает, что в твоём случае это были не деньги.

Усмехнувшись, я горько спросила:

– Да какая разница, Кел?

И посмотрела на него. Оборотень не отвел глаз, продолжая вглядываться в меня. И я устало пояснила:

– Деньги это были или не деньги, я принадлежу Вихо вся, целиком и полностью. Я принадлежу ему настолько, что, прикажи Вихо прыгнуть с моста, перерезать себе вены или лечь в его постель, я сделаю это. Я сделаю все, абсолютно все, что он пожелает, и без вариантов. Так что да, ты был совершенно прав, назвав меня продажной девкой. Я такая и есть. Что-то еще, Кел?

Он промолчал, опустив глаза. Затем вновь посмотрел на меня и уверенно произнес:

– Здесь Вихо до тебя не доберется, ты можешь даже не переживать об этом, Маделин.

Я расхохоталась. Смех, горький, едва прикрывающий мое отчаяние, вырвался из задрожавшей груди, неестественно и дико прозвучав в доме моего похитителя... Оборвала его на высокой ноте, подавив всхлип, развернулась и вышла из кухни.

Вихо не доберется, как же... просто ха-ха три раза и жесткое напоминание самой себе о том, кто я, почему живу и отчего мне не стоит даже надеяться на что-либо. Просто надеяться. Хотя бы надеяться...

– Мадди! – окликнул Кел.

Но я не обернулась, не желая ни продолжать бессмысленный разговор, ни выслушивать заверения Кела в том, что Вихо меня здесь не достанет. Вопрос не в том, доберется Вихо или не доберется, вопрос в том – когда. В смысле, быстро или очень быстро.

* * *

Побродив по гостиной, я обнаружила огромный телевизор за панелью из бамбука, нашла даже пульт, эту панель раздвигающий. На поиски пульта от самого телевизора ушло чуть больше времени, но, обнаружив искомый, устроилась на огромном коричневом кожаном диване, включила.

Практически сразу стало ясно, что с этим телевидением что-то не так. Различные кулинарные шоу, программы о воспитании детей, обучающие программы, масса фильмов времен так пятидесятых-шестидесятых годов про идеальных домохозяек в отутюженных и накрахмаленных платьишках с передничками, заботящихся о пышности пирога и сытности обеда. На всех каналах. Масса различных телевизионных программ прошлых лет. Вездесущий канал Дискавери. Никакой крови, насилия, ужасов и передач о террористах. Никаких современных новостей. Вообще никаких новостей.

Куда я попала?!

За два часа, прощелкав более сотни каналов, я отупела достаточно для того, чтобы задуматься о муже, детях и черничном пироге, который несомненно буду печь, когда выйду замуж и заведу детей. Значит, так, только завожу детей и тут же оп – и пирог! Несомненно. Вот как встану с родильного кресла, так сразу за пирог!

И вдруг, совершенно неожиданно, на одном из каналов я увидела бегущую внизу строку о том, что есть срочные новости на канале 214. О, с каким воодушевлением я его тут же включила! Оказалось, включила для того, чтобы узнать, что новости будут в десять. Глянув на часы, обнаружила всего-то начало восьмого.

Подумав, переключила на музыкальный канал и под успокаивающую классическую музыку заснула.

* * *

Тихий щелчок двери разбудил мгновенно, но вот подскакивать я не спешила. И лежала все так же без движения, прислушиваясь к звукам. Разговаривающих было двое, и одного из них я узнала по голосу.

– Спит, – произнес Роутег.

– Ты втянул нас в войну, Повелитель, – этот голос принадлежал явно пожилому мужчине.

– Нет, – уверенно ответил Роутег. – Она человек, соответственно, кровная месть невозможна. Ни один из кланов не сочтет похищение человечки достойным поводом. Войны не будет. Я обещал это, становясь во главе народа Истэка, я сдержу слово.

– Полагаешь, Вихо это остановит?

Я точно знала, что нет. Впрочем, мне было неизвестно ничего в принципе, что могло бы остановить Вихо.

Заговорив тише и как-то ожесточеннее, оборотни прошли куда-то в глубь дома, и голоса стихли.

Я приподнялась, глянула на часы – девять, сладко зевнула и снова заснула.

* * *

Проснулась от того, что дверь захлопнулась.

Обнаружила, что меня укрыли, когда и как – непонятно. Покрывало было совсем новое, даже этикетка сохранилась.

Села на диване, сонно моргая, глянула на часы – без трех минут десять. Торопливо включила телевизор, забралась с ногами на диван, приготовилась...

Шло очередное кулинарное шоу, в котором обсуждались различные способы приготовления яблочно-мятной шарлотки, что, по моему мнению, было скучно. Но уже в следующее мгновение скука испарилась без остатка!

Шоу прервали на полуслове. И на весь экран возникла моя фотография годичной давности. Я узнала это фото – единственное, которое сделал сам Вихо. Он сфотографировал меня на мое девятнадцатилетие в его очередном подарке – ожерелье из голубых бриллиантов под цвет моих глаз. Шикарная, я скромно сидела на краю стула и даже пыталась улыбаться. Улыбка удалась попытки с третьей, я отчетливо помню, как дрожали мои ледяные

от страха пальцы. Но фотография получилась отличная – в свете огней ночного клуба сверкали и моя улыбка, и глаза, и камни на шее. Это ожерелье я ожесточенно сорвала с шеи дома, отшвырнула от себя, а потом, испугавшись, что Вихо обнаружит повреждения на своем подарке, ползала под кроватью, доставая, судорожно проверяла, поднеся к свету... Бриллианты самые крепкие камни в мире, это меня и спасло. Я положила украшение в коробочку и больше к нему не притронулась ни разу. Оно и сейчас лежит все в той же коробочке в моем рюкзаке, и только я знаю, как сильно я была бы рада больше никогда к нему не притрагиваться.

Фотография висела на экране секунд пятнадцать, а затем на ее фоне появились очень сильно удивившие меня слова: «Манзи Маделин Вихо была похищена главой клана Истэка». Далее следовало: «За любую информацию о месте нахождения...» и так далее и тому подобное. Любому сообщившему сведения о месте нахождения меня полагались награда и «полная защита клана Волка для вас и членов вашей семьи».

В первый момент я не поняла даже, что так сильно удивило меня в этом объявлении, а после осознала – Манзи Маделин Вихо. Вихо! Не Маделин Эриэн Дейтос, а Манзи Маделин Вихо! И он меня не просто переименовал, он дал мне свое имя, фактически назвав женой!

И не то чтобы меня это напугало... В смысле, он не скрывал, кем я в итоге стану, но от чего-то сжалось сердце.

Вспомнилось услышанное:

«– Ты втянул нас в войну, Повелитель.

– Нет. Она человек, соответственно, кровная месть невозможна. Ни один из кланов не сочтет похищение человечки достойным поводом. Войны не будет. Я обещал это, становясь во главе народа Истэка, я сдержу слово».

Не сдержал. В смысле, втянул их в войну, потому что теперь я не просто человек, я жена Вихо, то есть член клана Волка, а за члена клана кровная месть объявляется безоговорочно. Значит, Роутег вернет меня обратно быстро. Очень быстро. Оно и правильно, я бы на его месте тоже не рисковала своим городом, в котором столько женщин и детей, совершенно не повинных в его желании за что-то Вихо отомстить.

Медленно вновь легла на диван, глядя в темный потолок – на улице уже была ночь, подумала о том, что каникулы выдадутся на редкость короткими. На миг мелькнула мысль сбежать куда-нибудь, чтобы вообще никто не нашел, но... Вихо все равно найдет, причем скорее рано, чем поздно. А я только обрадовалась... Даже появилась надежда, что завтрашний день рождения проведу без него, впервые с пятнадцати лет...

Меня затрясло. Надеюсь, от холода.

Поднявшись, обернулась в покрывало и побрела на кухню, думая о том, что надо найти управление кондиционером и выставить температуру повыше.

Обойдя весь первый этаж, так и не нашла термостат, зато на кухне обнаружила сверток, лежащий на столе. На свертке было написано одно слово – «Ужин». Надо же, обо мне, кажется, позаботились. Развернула бумагу – приготовленные явно на костре, ребрышки пахли очень вкусно, но мне сейчас больше хотелось чаю. Теплого, сладкого, чтобы согрел ладони и хоть немного отвлек от ледяного ужаса, сковывающего изнутри.

Порыскав по кухне, обнаружила много всего запакованного, от чашек до пиалок, чая не нашла. Посмотрела в пакетах, принесенных Келом, там тоже ни чая, ни кофе не было. Решила пойти прогуляться по городку, вроде никто не запрещал, заодно купить себе чай.

На мне были шорты и майка, кроссовки оставила у дверей, когда вошла, на том же месте и нашла их. Захватив с собой двадцать долларов, вышла из дома, закрыла двери. Подумала, что, наверное не заперла – попыталась открыть, но нет, дверь уже была закрыта. Приложила ладонь – замок щелкнул, открываясь. Интересный механизм. Вновь закрыв дверь, отправилась в город.

* * *

Особняк Роутега освещался наземными фонарями, бассейн перед домом тоже подсвечивался, а вот в самом городе было темно. Ни фонарей, ни толкового освещения, хорошо хоть в домах горел свет, так что дорога была видна довольно приемлемо.

Идя к лавке, я услышала, как сзади посигналили, – отскочила в сторону, мимо меня на скорости миль пятнадцать в час практически бесшумно проехал электрокар. Белый, открытый, то есть без боковых стекол, с навесом только. За рулем сидела женщина, на сиденьях подпрыгивали дети, которые развернулись и радостно на меня уставились.

Внезапно кар остановился, затем, сдав назад, подъехал ко мне, и женщина, невысокая стройная шатенка, приветливо улыбнувшись, спросила:

– Милая Маделин, тебе помочь?

– Добрый вечер, – изумленно поздоровалась я.

– Может, подвести? – продолжила женщина. – Ты куда идешь?

– В магазин, – ответила тихо, осознавая, что оборотень назвала меня по имени.

– В какой? – продолжила она.

– Ну, мне чай нужно купить, – пробормотала я, подходя и залезая на переднее сиденье электрокара.

– Чай... – Она задумалась, проворачивая ключ в зажигании. – Чай – это магазин Керука. Дети, ведите себя прилично!

Я обернулась, и оказалось, что трое сидящих позади меня малышей, придвинулись ближе и теперь заинтересованно меня обнюхивают, двое постарше, которые сидели дальше, тоже явно принюхивались.

– Мадди, прости, они у меня любопытные, – извинилась женщина, и мы поехали.

Потрясенная окончательно, я удивленно спросила:

– Вы знаете мое имя, откуда?

– Милая, ну, конечно, знаю, – сверкнула улыбкой моя собеседница. – Я, правда, только одного не могу понять – тебе известно, что ты восьмая жена у Вихо?!

Я промолчала.

Не интересующаяся моим ответом неведомая собеседница, увеличивая скорость миль до двадцати в час, продолжила:

– Многие считают, что ты стала его невестой из-за денег, все же Вихо – глава самого многочисленного из наших кланов, а вы, люди, отличаетесь меркантильностью, но я думаю, ты просто не знала. Как ты смотришь на то, чтобы поужинать с нами? Кохэна вернется к рассвету, так что мы с детьми решили съездить и поужинать на озере. Нет, обычно мы ужинаем дома и только потом едем на озеро, но сегодня захотелось поесть там. Там замечательно! Можно поохотиться даже... Ох, ты же не умеешь. А, да ничего, дети побегают сами, а мы замечательно посидим на берегу. Ты любишь озеро? Я взяла с собой яблочно-вишневую шарлотку, она замечательная! Правда, дети не едят ничего мучного, но выпечка сегодня получилась изумительная! Ты обязательно оценишь!

И она все говорила, говорила и говорила, а я, растерянно хлопая ресницами, как-то неожиданно поняла, что вопрос с моим согласием уже полностью решен, и да, мне предстоит оценить шарлотку и клубничный сок, а завтра Аяша, как, оказывается, звали женщину, приготовит малиновое пралине. И очень важная информация – самые вкусные булочки в пекарне у Ииска, я обязательно должна их попробовать.

Магазин Керука встретил меня благословенной тишиной, так как Аяша осталась на улице с детьми, воспитывать их по причине того, что

самый маленький под шумок ее непрекращающегося разговора все же обнюхал мои волосы, практически зарывшись в них носиком, от чего не удержался на сиденье и упал, стукнувшись лбом.

Так вот, в магазине было тихо, восхитительно тихо, и в этой прекрасной тишине на меня вопросительно посмотрели высокий оборотень, стоящий за торговой стойкой, и три женщины, перебирающие пищевые ароматизаторы. Кажется, они искали мятный. И если так, то явно для той самой яблочно-мятной шарлотки, о которой рассказывали в шоу, прерванном срочными новостями про меня.

– Добрый вечер, – несколько нервно поздоровалась я.

– Добрый вечер, Маделин, – неожиданно радостно поприветствовали меня все женщины.

Не «Манзи» – уже хорошо.

Я улыбнулась, прошла к пристально следящему за каждым моим движением оборотню и вежливо произнесла:

– Добрый вечер, Керук. Где я могу найти чай?

Мужчина, тоже слегка рыжеватый, как и все здесь, указал на дальний от двери стеллаж и ни слова не произнес. Таким образом, тишина из благословенной превратилась в весьма напряженную. Я прошла по магазину, подошла к стеллажу с чаями. Быстро выбрала первый попавшийся черный чай, ориентируясь на самую маленькую упаковку, вернулась к продавцу и услышала его задумчивое:

– Ты ему не жена.

– Простите? – честно говоря, возникло ощущение, что ослышалась.

Оборотень отрицательно мотнул головой, словно отмахнулся от моего вопроса.

Я молча положила на стойку выбранный чай и двадцать долларов. Керук смерил меня насмешливым взглядом. Достал из под прилавка пакет с символикой магазина, сложил в него упаковку чая и мои двадцать долларов, молча протянул мне.

– Простите, вы деньги не взяли, – сообщила я.

– Серьезно? – иронично поинтересовался Керук.

Всунул мне пакет, сложил руки на груди и продолжил нагло глядеть. Откровенно говоря, с такими взглядами спорить не хотелось. Поэтому я молча достала деньги, положила на стойку и, пробормотав: «Спасибо, доброй ночи», развернулась, чтобы уйти.

Остановила меня насмешливая фраза:

– У нас здесь совершенно другие деньги, Маделин. И женщины к ним не прикасаются, за все платят мужчины: сначала отец, после муж, в случае

смерти мужа – сын. Так что заберите ваши североамериканские доллары, все ваши покупки оплачивает Роутег.

Это все меня, откровенно говоря, сильно расстроило. С другой стороны, зная Вихо и учитывая имевшее место объявление, я здесь на крайне непродолжительное время, так что вполне обойдусь без чая. Я вернулась, взяла деньги, поставила на стойку чай, за который, как оказалось, не могу заплатить, развернулась и вышла. Почему-то появилось желание разреветься, но я уже давно научилась сдерживаться.

Я даже сумела улыбнуться встретившей меня вопросительным взглядом Аяше.

– Так ты ничего не взяла, – затараторила женщина. – Не нашла нужного чая? Оставь заявку, Керук привезет. Правда, в течение недели, но все же лучше, чем ничего. Садись, поехали, а то дети уже становятся просто неуправляемыми. Знаешь, с малышами всегда так – как восходит полная луна, так их вечерами в доме не удержишь. Хорошо, что есть лес, иначе я бы замучилась постоянно чинить царапины на мебели, они же вечно носятся, выпустив когти!

И еще много, много, очень много информации, за потоком которой я практически забыла о случившемся. Мы ехали еще минут двадцать, что не удивительно, учитывая скорость передвижения, и наконец подъехали к лесу, на стоянке возле которого уже находилось больше ста одинаковых многоместных белых электрокаров. И сразу бросился в глаза странный факт полного отсутствия номеров на машинах – как они тут определяют, где чья, совершенно непонятно.

Едва Аяша остановила электрокар, выбрав место на парковке поближе к лесу, как дети тут же, даже не спрашивая разрешения, с визгом выскочили и умчались – младшие помчались на четвереньках, те, что постарше, гордо убежали на двух ногах. Никак не отреагировав на это бегство, словно все так и должно было быть, Аяша заглушила двигатель, выпрыгнула и, на ходу рассказывая мне рецепт пирога с беконом, пошла открывать багажник. Из багажного отделения оборотница достала покрывало, я забрала его, чтобы хоть что-то понести, и объемную корзину с едой. Мне при виде размера корзины стало не по себе – я бы такое ни за что не подняла, но Аяша легко потопала к виднеющейся между деревьями дороге, продолжая посвящать меня в тонкости кулинарии.

Метров через четыреста, в дополнение к рецептурным частностям, начало раздаваться странное:

– О, а вот и Доли, махни рукой, нет, она справа. А там Кайини с детьми, два часа на юг, ага, правильно махнула. Имитеку! Привет, милая,

как ты себя чувствуешь? У нее живот огромный совсем, видишь, чую, принесет она Ригоху пятерых сразу, а не по одному. А это Кими, она, как и остальные девушки, ждет Ночи весенних песен, вот тогда бродить будет уже не с мамой, а с подругами. Ты где хочешь, в лесу или ближе к озеру сесть? Ближе к озеру? Да, там лучше всего. Комаров нет, не бойся. Ох, бесенята уже дичь подняли, слышишь?

Все, что я услышала, – это отдаленный вой, и ничего более.

– Кто-то крупный, – встревоженно произнесла Аяша, остановившись.

Но уже в следующее мгновение облегченно выдохнула и затараторила:

– А, Повелитель здесь, все в порядке, он разберется.

– С чем разберется? – спросила я, пытаюсь подстроиться под быстрый шаг женщины.

– Со всем, – беззаботно ответила она. – Это же Повелитель, когда он в городе, можно совершенно ни о чем не переживать. Вот, малыши уже завалили добычу. Идем.

Но идти дальше не получилось, потому что абсолютно беззвучно подъехавший мотоцикл перегородил путь.

– Садись, – холодно приказал мне Роутег.

Хотела было сообщить, что я лично предпочла бы прогулку, но, вспомнив увиденное по телевизору, догадалась, зачем он приехал. Молча передала Аяше покрывало, пожелала приятного вечера и забралась на сиденье мотоцикла, естественно, обняв водителя, как же иначе ехать.

Мотоцикл мягко завелся и бесшумно сорвался с места.

Ну вот и закончилась моя отсрочка.

Когда выезжали из парка, оборотень неожиданно прорычал:

– Не прижимайся ко мне!

Отпрянула.

– Держись, но не прижимайся, – произнес уже мягче.

Я могла бы промолчать, но была расстроена, и мне, откровенно говоря, было страшно, поэтому, откинувшись чуть назад и ухватившись за железную часть багажника, спросила:

– Ты настолько брезгливый или я настолько отвратительна?

Мотоцикл остановился. Мягко, но непреклонно. Затем Роутег повернулся, взглянул на меня сверкнувшими в свете полной поднимающейся луны глазами и глухо произнес:

– Я брезглив, это да. Но что касается тебя... – Он оборвал себя на полуслове, не закончив фразы. Затем продолжил: – Либо ты держишься за меня и мы, доехав до моего дома, спокойно поговорим, либо я усажу тебя впереди, но в этом случае разговора не выйдет, я внесу тебя в дом и уложу

на спину, в том самом смысле этого выражения, который предполагает интимный контакт.

Оторопев от услышанного, я замерла, все в той же позе, то есть откинувшись назад и держась за стальной багажник мотоцикла. Потом до меня дошло... и сказанное им, и намек, и... все остальное. Почему-то в этот момент больше всего перепугало только одно: «Будет война». Мысль о войне страшила сильнее, чем даже насилие надо мной. Особенно сейчас, когда я практически познакомилась с Имитеку, которая принесет Ригоху пятерых детей сразу, с Кими, которая ждет Ночи весенних песен, и с чудной Аяшей и ее пятью бесенятами... И все они, похоже, исключительно верят в то, что «Повелитель со всем разберется». А Повелитель, кажется, просто сошел с ума.

– Роутег, – я осторожно отодвинулась от него еще дальше, – послушай, я не знаю причин твоей ненависти к Вихо и, соответственно, ко мне, но я тебя очень прошу, подумай о своем народе и о последствиях, которые может повлечь твой поступок. Я не думаю, что...

Оборотень перебил меня злым:

– Просто держись за меня.

Я отпустила багажник, выпрямилась и тихо сказала:

– Хорошо.

Роутег вновь сел на сиденье, я схватилась за его куртку, мотоцикл бесшумно сорвался с места, и мы помчались по улицам пустого города. Не заняло это и пяти минут, потому что мчались так, что ветер в ушах свистел, а затормозили перед домом настолько резко, что я едва не свалилась, к счастью, оборотень поддержал. И отпрянул, едва понял, что я могу стоять на ногах.

– Пошли, – недружелюбно бросил он, устремившись в дом.

Мне ничего не оставалось, как отправиться следом.

Вошла, разулась, снимать джинсовку не стала – не хотелось раздеваться даже в малейшей степени.

– Иди сюда! – раздался окрик Роутега из кухни.

Когда я вошла, оборотень стоял с банкой пива в руках, бросил мне вторую, стоящую на краю стола банку, я ее едва поймала. Повелитель, мрачно глядя на меня, произнес:

– Садись, нам предстоит долгий разговор.

Я села. Поставила пиво на стол, отодвинула от себя. С удивлением пронаблюдала за тем, как Роутег открывает пиво, делает глоток.

– Чего так удивленно смотришь? – поинтересовался он.

– Разве оборотни пьют? – Честно говоря, не знала.

Усмехнулся и промолчал, пристально глядя на меня.

Пожалуй, так же пристально смотрела на Роутега и я. Еще тогда, на перроне, я обратила внимание, что он во время боя не перешел даже в частичную трансформацию, в отличие от других сражающихся оборотней. Сейчас неожиданно поняла, что у него в принципе гораздо больше отличий от представителей нелюдей. Он был значительно стройнее остальных оборотней, и его тело вовсе не напоминало бугрящиеся мускулатурой торсы тех же Дика, Стэна и даже Кела. Вихо тоже не выделялся раздутыми мускулами, но он был хищный матерый волк, одевался с изыском в дорогие, прекрасно подчеркивающие фигуру костюмы и в целом смотрелся все же внушительно. Роутег – нет. Джинсы, кроссовки, белая, без рисунка, майка-поло обрисовывали спортивную, поджарую фигуру. Каким образом этот Повелитель встал во главе стаи перекаченного зверья, мне было совершенно непонятно. Плюс волосы. У Кела и прочих здесь с рыжеватым отливом, Роутег скорее просто темный шатен. Но на этом «просто» в его облике заканчивалось – серебристые, глубоко посаженные глаза, выдающийся орлиный нос, плотно сжатые красиво очерченные губы, квадратный подбородок. Его лицо вызывало доверие, и ему действительно здесь все доверяли, достаточно вспомнить слова Аяши.

И тут Роутег насмешливо произнес:

– Обычно после столь внимательных взглядов я укладываю человеческих женщин на спину.

Я вздрогнула, с ужасом глядя на него.

– Забавная реакция. – Роутег снова отхлебнул пива.

И я поняла, что надо мной банально издеваются. Видимо, он и раньше, когда ехали на мотоцикле, просто поиздеваться решил. Отчасти это успокаивало, отчасти – злило.

– Забавный разговор, – пробормотала я, поднимаясь.

Сходила, налила себе сока, со стаканом вернулась назад, села. Вздрогнула повторно, осознав, что Роутег проследил за каждым моим движением, не отрывая взгляда. И кажется, не мигая даже. Это было жутко, и появились сомнения в том, что сказанное ранее было лишь издевательством. Когда издеваются, ТАК не смотрят.

– Знаешь, ты бы определился с отношением ко мне, – внезапно, даже для самой себя, высказала Роутегу.

Он вопросительно вскинул бровь, и мне пришлось пояснить:

– Мне больше нравится, когда ты откровенно ненавидишь, чем когда вот так вот на меня смотришь.

На его губах медленно появилась кривая ухмылка, и Роутег зло

произнес:

– Я бы определился. Возможно. Я бы даже смирился с тем, что ты практически человек и являешься оборотнем лишь на четверть. Но вот что меня откровенно злит, так это твое лицемерие.

Обвинение было столь нелепым, что я даже возмущаться не стала и просто спросила:

– И в чем же оно проявляется?

Повелитель усмехнулся, мол, все очевидно, и сделал глоток пива. Вновь посмотрев на меня, спросил:

– Ты знала о том, что Вихо собирается на тебе жениться?

Пожала плечами, спокойно ответила:

– Да, он не скрывал этого.

Роутег как-то странно отреагировал: скептически хмыкнул и уточнил:

– Он хотел затащить тебя в постель, пообещав жениться?

Разговор становился совершенно странным.

– Нет, – раздраженно ответила я. – Он собирался жениться и после этого затащить меня в постель.

Оборотень как раз вновь брался за пиво, но, услышав сказанное мной, передумал пить, сложил руки на груди и глянул, как на последнюю лгунью.

Скривился и сообщил:

– Маделин, малышка, я скажу тебе то, что является негласным правилом среди оборотней: мы не женимся на человеческих девках, как бы привлекательны они ни были. Исключение бывает лишь в одном случае, но это не ваш с Вихо случай, и в этом я теперь полностью уверен. Пойми, у нас жениться на подобной тебе, все равно что у вас заявить обществу – я гей. Такие союзы как бы может и допускаются, но не одобряются, являясь противоестественными. И уж тем более на подобное не решился бы ни один глава клана.

Настала моя пора сильно недоумевать. Не женятся, значит? Безумно любопытная информация. Особенно в свете того, что Вихо уже во всеуслышание объявил меня своей женой. Что меня лично не особо удивило, в отличие от Роутега.

– Слушай, – я устало вздохнула, – а зачем меня вообще похитили?!

Он промолчал. Я развела руками, демонстрируя, что действительно не понимаю, и объяснила суть своего непонимания:

– Вы следили за мной больше года, вы...

– Кел проболтался? – поинтересовался Роутег.

Я прикусила язык.

– Продолжай, мне уже интересно, какие еще любопытные выводы ты

сделала, – милостиво разрешил оборотень.

Ну, и продолжила:

– Вы следили за мной больше года, а значит, могли выкрасть и раньше.

Усмехнувшись, Роутег произнес:

– Могли. – Улыбнулся шире и добавил: – Но я не был уверен в том, что ты действительно нужна Вихо. Он прокололся лишь в том, что приказал держать твой приезд в тайне. Вот тогда и стало ясно, что он действительно ОЧЕНЬ дорожит тобой.

Потрясенно глядя на Повелителя, я спросила:

– Почему?

Роутег повел плечом, взял банку с пивом, отхлебнул и как-то устало ответил:

– Потому что Вихо больной, склонный к пафосу и театрализованным представлениям ублюдок. Но при этом он за семью печатями скрывает то, что ему действительно дорого.

Повелитель помолчал, разместив банку на столе и задумчиво ее покручивая, потом продолжил:

– Три года назад в клане Волка было неожиданно объявлено, что Вихо нашел свою волчицу, но представит ее всем... – издевательски усмехнулся, – вот сегодня.

Это я знала. И куда еду знала, и зачем, и о том, что Вихо уже предупредил «свой народ» о моем появлении. Но тут Роутег откровенно удивил, сообщив:

– Пятерых. Пятерых девиц в этот период времени взялись опекать оборотни Вихо.

– В смысле? – не поняла я.

Он объяснил:

– В смысле – охранять. В разных странах, и одну даже в Изнанке. Всех взятых под охрану волчиц отличало несколько характерных черт – красивые, свободные, нетронутые и из хороших семей. Для каждой был снят дом, назначена охрана. Их берегли как зеницу ока, Вихо навещал каждую, оставаясь по несколько дней с «избранницей» наедине. Как ты понимаешь, они очень быстро перестали быть нетронутыми. Ну и в завершение комедии – все пятеро прибыли сегодня в клан Волка, под охраной и с да, с пафосом.

У меня не было слов. У меня не было мыслей... я просто не понимала: ЗАЧЕМ?

Словно угадав причину моего потрясения, Роутег произнес:

– Из-за меня.

И непонимания у меня стало еще больше. Я даже не спрашивала ничего, просто в полном удивлении смотрела на оборотня. И Повелитель снизошел до объяснения:

– Несколько лет назад Вихо совершил огромную ошибку – решил подмять народ Истэка под себя. Антинэнко был старым оборотнем, потерявшим свою пару и потому стремительно обессилившим. Его сыновья оказались недостаточно сильными, чтобы, встав во главе клана, быть способными противостоять Вихо. И тогда Антинэнко обратился ко мне. Я не истэка, бросить вызов мне, основываясь на традициях давней вражды, Вихо не мог, и клан сохранил независимость. Бросить вызов лично мне без какого-либо обоснования Вихо не мог также – это против наших законов. Единственное, на что мог теперь претендовать глава клана Волка, – женщины кайотов. Волки сильнее, в битве за самку верх обычно одерживают они, но я создал Долину. Территорию, полностью изолированную для внешнего вторжения, таким образом перекрыв волкам доступ к нашим женщинам и при этом не нарушив ни одно из правил оборотней. В каждом законе есть лазейка, так у вас говорят?

Роутег почему-то совсем невесело улыбнулся. И я поняла почему, едва он продолжил:

– И на этом Вихо следовало бы утереть свой нос, но... он решил спровоцировать меня на войну иным способом. У меня была девушка...

– Невеста? – тут же спросила я, вдруг осознав, для кого готовился этот дом.

– Нет, – ответил Роутег, – человеческая девушка.

Его лицо потемнело, и, глядя на банку с пивом, оборотень сказал:

– Я мог бы взять любую из свободных женщин Истэка, но ждал свою пару... Наивное, как оказалось, ожидание. – И злой взгляд на меня. Безумно злой. Я себя даже виноватой почувствовала, только так и не поняла в чем.

Роутег помолчал, затем заговорил вновь:

– Человеческие девушки – неплохая временная замена нашим женщинам. Я выбирал себе подругу, заключал соглашение, оплачивая ее время, и получал доступ к телу. Когда началась конфронтация с Вихо, я забрал свою девушку сюда, причем исключительно из-за соображений экономии времени. Чтобы не мотаться во внешний мир. Ее это не особо обрадовало, но деньги решают все. В один день она напросилась съездить с Керуком навестить свою подругу. Естественно, я не возражал и не подозревая, что кто-то может даже подумать о мести мне через ту, с кем я делю постель... Я ошибся. Вихо ее убил.

Несмотря на то, с какой легкостью Роутег мне об этом рассказывал, я вдруг ощутила, насколько тяжело давались ему эти слова, хотя внешне... внешне он говорил с полуиздевкой, вот только непонятно, над кем издевался. Складывалось ощущение, что над собой.

– Я был в бешенстве, – продолжил он, глядя теперь на собственные напряженные руки. – Но бросить вызов Вихо не мог – она не являлась оборотнем, у меня не было права на кровную месть. По нашим традициям виновен в ситуации я – не уберег.

Он замолчал, словно переживая все случившееся снова.

– Я достаточно долго ждал – и дождался. Око за око, так у вас говорят?

И Роутег посмотрел на меня. Посмотрел так, что я неожиданно ощутила себя на пороге смерти... Ведь койот фактически произнес «Смерть за смерть». И он прекрасно понимал, что я быстро проведу аналогию. Провела.

Гулко сглотнув, хрипло спросила:

– Ты меня убьешь?

Ответ был издевательским:

– Это вариант.

Выдержал паузу. Затем, укоризненно глядя на меня, тихо произнес:

– Мы не убиваем женщин.

Подобная фраза явно подразумевала, что-то вроде «мы не Вихо, мы не убийцы». Убийцы или нет, в любом случае я оказалась в зависимости от мужчины, явно охваченного жадой мести, и мне было не особо весело. Мне было страшно и за себя, и за народ Истэка, который теперь, похоже, будет втянут в войну.

И, вспомнив об этом, я сказала:

– Вихо объявил меня своей женой. Значит, в соответствии с традициями ты должен меня вернуть, так?

Роутег улыбнулся. Это была откровенно злая улыбка, которая могла означать только одно – абсолютное «нет»! Это пугало. Потому что было прямым нарушением правил оборотней, а я уже знала, что подобное не обходится без последствий.

– Твоя очередь, Маделин, – глядя в мои глаза, произнес оборотень. – Я так понимаю, Вихо не сразу принял решение взять тебя в жены. Меня интересует, что было до этого.

А до этого был мой первый самый худший день рождения. Мои пятнадцать лет. День, в который праздник обернулся кошмаром. Потому что в тот миг, когда я собиралась задуть свечи на торте, дверь распахнулась и в окутавшей дом тишине прозвучало: «Манзи, я же сказал – не приглашай

гостей». И я сидела за столом, глотая слезы и глядя на догорающие поверх торта свечи, а подручные Вихо вышвыривали всех моих гостей из дома, не особо заботясь о том, не поранятся ли дети. В какой-то момент с хрипом упал на колени мой отец, который пытался остановить творящийся беспредел, и вот тогда я, закричав, подскочила с места. Но Вихо остановил меня, сказав: «Нет-нет, качина, не стоит беспокоиться о нем, никто не убьет твоего отца, я ведь пришел за твоей жизнью. Помнишь, ты мне ее обещала?» Никогда не забуду крик мамы, когда она это услышала. Но я не посмотрела на нее, я смотрела на Вихо. Он улыбался, ему безумно нравилось происходящее. «Идем, – сказал Вихо, – настало время прощаться с жизнью. Обещаю, я убью тебя быстро». И я пошла за ним, не взглянув на родителей, и потом всю ночь, в ожидании смерти, дико сожалея об этом. Вот только смерти не было. Был праздник в огромном магазине, было предложение выбрать все, что я только захочу, был невероятных размеров торт, вкуса которого я не ощутила, были вопросы обо мне, моей учебе, моих друзьях, о том, как я провела время с тех пор, как мы последний раз встречались. И было возвращение домой на рассвете, поцелуй в щечку и слова: «Я одолжу тебе твою жизнь еще на год, Манзи. Проведи его с пользой и не приглашай больше гостей».

Мне было пятнадцать, мне дали год на то, чтобы подготовиться к смерти.

И я достойно подготовилась к ней, проживая каждый день как последний. Чтобы не думать о том, что ждет впереди, и поменьше бывать дома, где у мамы случалась истерика за истерикой при одном только взгляде на меня, я усердно училась, ходила во все возможные кружки, занималась спортом. За этот год целая стена в моей комнате наполнилась наградами и грамотами. Меня утешала мысль, что после моей смерти родители будут с гордостью вспоминать обо мне.

На мое шестнадцатилетие из дома ушли все, я уговорила, и даже со всеми успела попрощаться. А потом я сидела одна в гостиной, ожидая своего палача и своей смерти. Я была готова умереть, но очень надеялась, что, увидев мое послушание, Вихо продлит мой срок еще на год. Мне было всего шестнадцать, я отчаянно хотела жить...

В шесть вечера к дому привезли перевязанный алым бантом безумно дорогой автомобиль, а затем вошел Вихо с ключами в руках, поздравил меня с днем рождения и сообщил, что от его подарков не отказываются, СМЕРТЕЛЬНО боясь его обидеть. Появилась надежда, что на этот раз Вихо меня не убьет. Так и случилось – у меня снова был пафосный день рождения, и на этот раз я даже ощутила вкус торта – миндальное

пралине... с тех пор ненавижу миндаль. А Вихо развлекался как мог, издевательски интересуясь моими планами на будущее. Это было жестоко, но в этом был весь Вихо.

К рассвету, проводив меня домой, Вихо с улыбкой поправил мои волосы, погладил по щеке и сообщил: «Продолжай наслаждаться жизнью. Я продлю срок твоей жизни, если и этот год ты проведешь как надо».

И он уехал, а я, эмоционально вымотанная настолько, что едва стояла на ногах, не могла понять, стоит ли мне радоваться или проще покончить жизнь самоубийством. Вот только что тогда будет с мамой, отцом...

Этот год я провела как предыдущий – учеба, спорт, театральный кружок и класс живописи, который мне пришлось покинуть, после того как преподавательница, «впечатлившись» моими рисунками, отправила меня к школьному психологу.

А за несколько дней до своего семнадцатилетия я влюбилась.

Он был из параллельного класса, капитан футбольной команды, очень обаятельный и добрый парень. Мы столкнулись в коридоре, и я нечаянно облила его соком, начала извиняться, парень стал убеждать, что все в порядке и вообще он всегда мечтал об оранжевом пятне на футболке... Мы проговорили несколько часов и даже не заметили, как пробежало время. Я пропустила все кружки, он тренировку. Именно его тренер и заставил оторваться друг от друга, в жесткой форме сообщив, что уже битый час ищет кое-кого.

Возвращаясь домой, я отчаянно поняла, что хочу жить. Пусть еще всего год, но теперь, когда я влюбилась всем сердцем, мне так нужен был еще хотя бы год. На следующее утро Стентон ждал меня возле школы, мы проводили вместе каждую свободную минуту.

На день рождения я надела свое первое «маленькое черное платье», распустила волосы и подкрасилась. Мне было семнадцать, я была влюблена, я неожиданно поняла, что хочу быть красивой. И я очень надеялась, что Вихо сжалится и подарит мне еще год жизни. И я буду со Стентоном, он уже купил для меня билеты на все футбольные матчи его команды, мы планировали каждые выходные проводить вместе, я была так счастлива...

Наверное, именно это меня и погубило.

Когда пришел Вихо, радостная, я сбежала по лестнице в гостиную, собираясь с ходу рассказать, что провела этот год как надо, так, как он и говорил, но... испуганно замерла, натолкнувшись на взгляд оборотня. Вихо стоял, странно ссутулившись и пожирая меня взглядом. Мне показалось, что он меня убьет прямо сейчас, в эту минуту, на глазах у родителей... Но

он молчал. Он молчал и смотрел на меня медленно загорающимися желтым светом глазами. Он был пугающе страшным в этот миг...

А затем Вихо швырнул Стэну мой подарок, развернулся и ушел, с остервенением хлопнув дверью. Дик вышел вслед за ним, вернулся почти сразу, кивнул мне и скомандовал: «На выход, Маделин». Сказать, что я испугалась тогда, – не сказать ничего, я шла за Диком на негнущихся ногах, споткнулась на лестнице, больно ударилась, садясь в машину. Это был день рождения в лучшем ресторане города, который весь был снят для меня, но Вихо не присутствовал.

Он позвонил мне утром, едва я проснулась, и хриплым голосом сообщил: «Мы изменим договор, Манзи. Ты будешь жить, смерти больше можешь не бояться, но твою жизнь я забираю себе. Всю без остатка. И правила игры отныне меняются, Манзи. Никаких других парней, я запрещаю тебе даже смотреть в сторону человеческих самцов. Никакого алкоголя, моя будущая жена не должна травить себя. Никаких человеческих друзей – люди слабы, а жена главы клана Волка не может позволить себе слабости. Живи, учись, не нарушай правила. В двадцать лет, когда взойдет полная луна, ты покинешь мир людей, чтобы целиком и полностью принадлежать мне».

Возможно, он сказал тогда что-то еще, но я не дослушала... Трубка выпала из ослабевших пальцев... Я с ужасом представила, как буду объясняться со Стентоном. Почему-то в тот момент я думала только об этом. И когда ехала в школу, думала об этом. И когда едва не врезалась в другую машину, увидев, что парень ждет меня, я тоже думала лишь об этом. И мне тяжело дался этот разговор, безумно тяжело... Тем больнее было услышать: «Твой любовник запретил тебе развлечения на стороне, значит?» Я опешила. И просто стояла молча, выслушивая, что, оказывается, всем давно известно, что я подстилка какого-то богатея. Моя дорогушая машина тому доказательство, и про то, что в мой день рождения был снят целый ресторан, все тоже знали. И про ресторан в прошлом году... И мое поведение все воспринимали как зазнайство, и я шлюха, а он, Стентон, напрасно всем не поверил.

Я не смогла пойти на занятия в тот день. Когда Стентон ушел, я просто медленно опустилась на асфальт и долго сидела, опираясь спиной о машину. В тот момент мне просто не хотелось жить.

Мне больше уже не хотелось жить...

Но выбора особо не было. Я отсиделась, успокоилась как могла, потом поехала домой. Жизнь в школе для меня стала невыносимой – насмешки, издевки со стороны друзей Стентона преследовали повсюду. К его чести он

их не поощрял и старался обрывать как мог, но когда их команда проиграла подряд три матча из-за его ошибок, а затем он перевелся в другую школу, в этом обвинили меня. Началась травля. В какой-то момент старшая сестра, не выдержав моего «призраковатого» вида, вытащила на вечеринку в колледж. Мне безумно хотелось отвлечься, и когда предложили, плюнув на все и решив, что не убьет же меня Вихо за бутылку пива, я ее выпила... Всего одну банку пива... Лично мне никто ничего не сделал, но уже утром на младшего брата напали и избили неизвестные. На его спине ножом вырезали одно слово «Пиво». Это было жестоким напоминанием о новых правилах игры с Вихо, и больше я никогда эти правила не нарушала.

А Роутег ждал ответа.

И не дождавшись, с нажимом повторил:

– Что было до того, как Вихо решил сделать тебя своей женой?

Тихо ответила:

– Он взял в залог мою жизнь, в обмен на жизнь моего отца.

На оборотня я не смотрела. Не взглянула и тогда, когда Роутег вновь спросил:

– Жизнь твоего отца принадлежала Вихо?

Пришлось объяснить:

– Папа – полукровка... из клана Волка.

Пауза, на этот раз довольно долгая, и ледяное:

– Полукровкам клана Волка запрещено иметь детей.

Я промолчала, Роутег догадался сам:

– Хочешь сказать, что твой отец сбежал?

Молча кивнула.

– Хм, – усмехнулся он, – что ж, это объясняет, почему Вихо собирался его убить, но тут два момента, которые вызывают мое сильное недоумение: первое – как твоему отцу удалось сбежать и второе – с чего Вихо согласился на этот странный обмен?

Я промолчала.

– Здесь что-то не так, – произнес, не дождавшись ответа, Роутег.

Он встал, сходил к холодильнику, вернулся с новой банкой пива и продолжил:

– Жизнь в обмен на жизнь – это бред. По законам клана Волка Вихо имел право убить вас всех для сохранения чистоты крови и твою мать – как посвященную в тайну о существовании оборотней. Понимаешь?

Я не понимала, но мне стало очень страшно. Я безумно испугалась того, что если правила соответствуют тому, что сказал Роутег, то моих родных и сейчас могут просто убить...

Повелитель Истэка открыл банку с пивом, глотнул, посмотрел на меня и произнес:

– Что ты знаешь о Вихо?

Я мало что знала, и чем больше узнавала, тем меньше в принципе хотелось знать. Роутег внимательно смотрел на меня, ожидая слов. Но я снова промолчала, и тогда оборотень продолжил:

– Рядом с Вихо ни одна наша женщина не выдерживает более трех месяцев. Человеческие практически лишены инстинктов и потому живут дольше – полгода.

Я невольно вздрогнула. О человеческих женщинах мне было неизвестно, Вихо говорил лишь о женах. На миг прикрыла глаза, затем посмотрела на сок в стакане. Оранжевый, с волокнами мякоти, привычный апельсиновый сок... не хочется думать о будущем.

– Хочешь знать, в чем причина? – поинтересовался Роутег.

Подняла взгляд на него.

– Страх, – глядя мне в глаза, сказал оборотень. – Все дело в страхе.

Приподняла бровь, выражая мрачное недоумение по поводу его слов. Глава клана Истэка усмехнулся, затем произнес:

– Даже среди людей существуют особи с особыми способностями. Среди нас также. Мы называем это «дар». Одаренных немного, но практически у каждого из глав кланов есть свой дар. Дар Вихо – страх. Безотчетный, неконтролируемый ужас, который он способен внушать окружающим. Родись он человеком – погиб бы еще в детстве, вы, люди, уничтожаете то, что вызывает у вас страх.

– У оборотней иначе? – тихо спросила я, не совсем понимая, о чем в принципе идет речь.

– Иначе, – подтвердил Роутег. – Страх вынуждает звериную сущность беспрекословно, безотчетно, бездумно подчиняться. Вихо – непререкаемый глава клана Волка.

Повелитель Истэка вдруг протянул руку над столом, и на белой каменной поверхности невероятным образом начали собираться крупинки красновато-рыжего песка, все больше и больше. Словно возникая из воздуха, они присоединялись к маленькому вихрю, танцующему под рукой Роутега.

От неожиданности я отшатнулась, но один взгляд Повелителя Истэка – и осталась сидеть, потрясенно глядя на происходящее. Нет, я уже смирилась с существованием оборотней, но это... Что это?!

– Мой дар, не нервничай, – сухо сказал Роутег.

Я не то чтобы нервничала, мне было и любопытно, и жутко

одновременно. За несколько секунд вихрь из незримого воздушного стал отчетливо видным – песчаным. Движение руки – и песок расплескался кляксой на столе.

– Клан Волка, – начал говорить Повелитель, и, словно повинуюсь его словам, песок ожил и схлынул по кругу, оставив на столе рисунок, изображающий голову волка, – всегда занимал особое положение среди иных кланов.

И вновь, словно повинуюсь его словам, песок, что ореолом окружал лик оскалившегося хищника, пришел в движение и отступил, оставляя изображение десятков животных – медведей, их было больше всего, соколов, воронов, сов, змей, черепах, койотов, лисиц. Это были анатомически точные изображения и изумительная техника песочного рисунка.

– Волки – хранители, они как никто другой способны к состраданию, они всегда готовы прийти на помощь, – и ко всем животным от изображения волка потянулись струйки песка. – Волки – проницательны, они ощущают все чувства и намерения.

И глаза у нарисованного волка слегка прищурились, словно сейчас этот волк смотрел на меня, пристально, внимательно, видя насквозь. Жутковатое ощущение.

– Веками, – хрипло выговорил Роутег, – веками Волки были основой нашего мира. Волки непредсказуемы и потому неуловимы... Мы противостояли любой угрозе, мы неизменно оставались непобедимы, сколь бы силен ни был враг...

Повелитель замолчал, я же, едва дыша, смотрела на песочный рисунок и думала о том, что он сказал.

Движение пальцами – и рисунок волка начал расплываться, словно размываясь.

– Теперь все иначе, – глухо продолжил Роутег. – С приходом к власти Вихо в клане изменилось все. Отныне Волки более не хранители Великой степи, но ее стражи и властители, вынуждающие кланы склониться. В данный момент независимое положение хранят лишь Змеи и Койоты, для остальных покориться власти Вихо оказалось единственным путем выживания.

Я молчала, потрясенно следя за тем, как расплывшаяся морда волка покрывает все остальные рисунки, словно вбирая их в себя. И вот на моих глазах создалась другая картина – оскаленная морда волка в центре и склонившиеся перед ней животные по краю... Покорно склонившиеся.

– Волки сильны, но осторожны и потому решительно действуют лишь

стаей. Стая подчиняется Вихо, волки не способны сопротивляться его силе, а все кланы не способны сопротивляться силе волчьей стаи.

Роутег сжал руку в кулак, и весь песок мгновенно собрался, став сначала песчаным холмиком, а затем... стеклянным шаром размером с кулак оборотня. Повелитель народа Истэка задумчиво начал перекатывать его по поверхности стола, затем, глянув на меня, движением руки отправил шар катиться ко мне. Я от неожиданности отдернула ладонь, шар со звоном стукнулся о мой стакан и остановился.

– Чего ты так испугалась? Это всего лишь песок, – усмехнувшись, сообщил оборотень.

У меня не было слов.

Я вспомнила стремительно налетевшую на перрон песчаную бурю, то, как песчинки мешали сторожившим меня оборотням, то, как песок заметал следы от автомобильных шин, стоило нам отъехать... Всего лишь песок, значит, да? Молча посмотрела на стеклянный шар, затем на Повелителя.

Роутег улыбнулся мне, вновь взял банку, сделал глоток, а затем, глядя куда-то поверх моей головы, тихо произнес:

– Мне не нравится, как изменился клан Волка с приходом к власти Вихо. Но я не вмешивался, дела клана Волка – это дела клана Волка, я теперь Истэка. Мне не нравится то, как племена и народы моего мира склоняются перед Вихо, но дела иных кланов – это дела иных кланов. Но когда Вихо отнял то, что принадлежало мне... – и он взглянул в мои глаза, чтобы с усмешкой спросить: – Ты, вероятно, ждешь, что я верну тебя Вихо?

– Это было бы логично, – ответила я. – Особенно теперь, когда он открыто назвал женой.

Роутег усмехнулся и откинулся на спинку стула, уверенно сообщив:

– Вихо не получит тебя.

Я лишь усмехнулась, не скрывая скепсиса. Помолчав, сказала:

– Не буду говорить, что я хорошо знаю Вихо – это не так, я знаю лишь то, что он захотел мне показать. Но этого было достаточно, чтобы полностью увериться в его способности получать желаемое. Не связывайся с ним, не стоит, ты втянешь в войну ни в чем не повинных лю... оборотней.

Роутег улыбнулся мне, его глаза медленно сузились, он хотел было что-то сказать, но не стал. Вместо этого поднялся, взял со стола обе пустые банки, вышвырнул в мусорное ведро и, направившись к выходу, бросил через плечо:

– Поверь, я последний, с кем Вихо следовало бы связываться.

С этими словами оборотень ушел.

Я осталась сидеть на кухне.

Мысли метались от магии оборотней до собственно оборотней и их разборки. Мне не понравилась уверенность Роутега, с которой он произнес «Вихо не получит тебя». За его уверенностью мне чудилась гибель Аяши и ее детей, сломанные дома и разрушенный город... Я знала, что оборотни скрывают свое существование от людей и потому в человеческих городах ведут себя наименее разрушительным образом, но это город оборотней... Что останется от него, когда сюда придет Вихо со своей стаей?

Внезапно дверь открылась, затем появился привычно бесшумно ступающий Роутег, и на стол передо мной легла пачка чая в знакомой упаковке. Сам оборотень, нависнув и поставив руки на столешницу по обе стороны от меня, прошептал у самого уха:

– Мадди, цветочек, давай расставим приоритеты в нашей игре.

То есть и этот играет. Внезапно появилась крамольная мысль, что все оборотни привыкли не жить, а скорее играть по правилам и без.

Роутег же переместился и прошептал уже в другое ухо:

– Ты в моем городе находишься под моей защитой, следовательно, все твои счета оплачиваю я. Демонстративно отказавшись от данного порядка вещей, ты унизила меня заботой о моем финансовом состоянии. В нашем мире, мой сладкий соблазнительный цветочек, мужчина, не способный обеспечить находящуюся под его защитой женщину, не достоин уважения.

«Мой сладкий соблазнительный цветочек»?!

– Роутег, – я бы очень хотела отодвинуться, но было некуда – позади он, впереди стол, – честно и откровенно, мне было бы спокойнее, если бы ты называл меня девкой Вихо. Обиднее, конечно, но действительно гораздо спокойнее, и я...

Замерла, услышав тихий, почти издевательский смех оборотня. Отсмеявшись, он шумно вдохнул аромат моих волос, скользнул губами по виску и прошептал:

– Мне тоже было бы... спокойнее. Но, боюсь, это не наш случай, витешна.

Сжавшись, я сипло переспросила слово, ранее слышанное от Вихо:

– Витешна?

– Девственная, – с усмешкой пояснил Роутег. И, продолжая губами касаться моих волос, прошептал: – Ты все поняла, кэтери?

Нет, я уже ничего не понимала. Совершенно. Я ощущала его прикосновения, его дыхание и самое страшное – его явный интерес ко мне как к... женщине. От осознания этого по спине прошелся холодок нарастающего ужаса. Я замерла, очень надеясь, что ошиблась.

– Перевести слово «кэтери»? – поинтересовался Роутег. И прошептал,

перекидывая мои волосы на правое плечо, а затем касаясь губами шеи над левым плечом: – Чистая.

Он усмехнулся и, продолжая целовать, прошептал с нескрываемой издевкой:

– Знаешь, что отличает избранную пару оборотня от всех остальных его женщин?

– Н-н-не знаю и знать не хочу! – дрожа от накатывающего ужаса, воскликнула я.

Его улыбку я ощутила кожей, затем Роутег еще раз скользнул губами от шеи к уху и прошептал:

– Кэтери совершенно определенно и точно не может быть женой.

С этими словами он отстранился, затем резким движением повернул стул, вместе с сидящей на нем застывшим изваянием мной, приподняв подбородок, заставил взглянуть в его стальные глаза и поинтересовался:

– Мы друг друга поняли?

Нет... Нет! Я ничего не поняла совершенно. Не поняла и не понимала. И решила, что будет лучше спросить сразу и прямо:

– Что происходит?

Оборотень вскинул бровь, улыбнулся и поинтересовался в ответ:

– В смысле?

«Да ты в открытую пристаешь ко мне!» – едва не выкрикнула я.

Но, сдержавшись, осторожно поднялась, стараясь как можно меньше соприкоснуться с тем, кто не сдвинулся ни на миллиметр, стоя впрытик к стулу. Затем, все так же напряженно глядя на оборотня, да просто-таки не сводя с него глаз, я отодвинулась вместе со стулом, и тот противно проскрежетал железными ножками по каменному полу, заставив меня в очередной раз вздрогнуть всем телом. И вздрогнуть повторно, когда взгляд пристально наблюдающего за мной Роутега плавно соскользнул с лица в район груди.

– В смысле, – обходя стул и практически выставив его между собой и оборотнем, начала я, – к чему эти индейские определения? И пассаж про «кэтери совершенно определенно и точно не может быть женой»?

Роутег улыбнулся.

Плавно шагнув ко мне, оборотень молниеносным и бесшумным движением убрал с пути стул и, подойдя вплотную, прошептал, положив ладонь на мое бедро:

– Приходил Керук, – ладонь Роутега плавно двинулась вверх, обрисовывая изгиб моего тела, – помимо истории с чаем, он сообщил так же об одном любопытном моменте, который я даже не проверял, и, как

оказалось, зря.

– И... что? – с трудом сдерживая желание развернуться и броситься прочь, спросила я.

Роутег медленно склонился к моему лицу и выдохнул, глядя в мои совсем перепуганные глаза:

– И я проверил. Керук был прав.

Выглядел Повелитель при этом крайне довольным, даже светился от счастья и руку от меня не убрал, словно ему в принципе нравилось прикасаться... хотелось прикасаться... и вообще возникло явное желание меня трогать, что меня жутко пугало. Еще пугали странности с озвученным им «Керук был прав».

– В чем прав? – Я медленно отступила в сторону.

Назад уже не могла – позади был стол, я отчетливо ощущала, как он упирается мне чуть ниже поясницы. И отвести взгляд от Роутега не могла тоже – оборотни в чем-то все же животные, опущенные глаза они воспринимают либо как знак полного поражения, либо как возможность напасть. И если раньше я воспринимала Повелителя Истэка больше как человека, то после акта обнюхивания моих волос акцент восприятия сместился. Он все же зверь.

На мои осторожные напряженные попытки отступить этот зверь поглядывал сначала с удивленной насмешкой, но затем с откровенным весельем. И так же несколько насмешливо оборотень спросил:

– Чего ты испугалась, Маделин?

Чего?!

– Ты серьезно спрашиваешь, или это очередная попытка поиздеваться? – напряженно уточнила я.

Роутег чуть сощурил глаза, затем медленно сделал два шага, настигнув пытающуюся по-тихому исчезнуть меня, прижал своим телом к столу, блокируя любые возможности отстраниться, и задал неожиданный вопрос:

– Я тебе противен?

Диалог зашел в тупик! Совершенно точно и определенно. Я стояла, оцепенев от ужаса, и судорожно пыталась понять, что движет Роутегом и какого черта вообще происходит?! Вспомнила поход в лавку Керука, его оценивающий взгляд и вынесенный вердикт: «Ты ему не жена». Мне тогда показалось, что ослышалась, да и в принципе не ясно, к чему было такое заявление: естественно, я еще не жена, мы должны были пожениться, как я понимаю, завтра, в день моего двадцатилетия. То есть да, на данный момент я еще, конечно же, не жена Вихо, и это, по-моему, должно быть совершенно ясно всем, кто способен мыслить логически. К чему вообще

какие-то проверки?

– Мадди, – ладонь Роутега скользнула по моей щеке, пальцы коснулись волос, – меня напрягает твое молчание.

Меня напрягает твое поведение! Жутко напрягает! Не говоря уже о том, как сильно пугает.

– Роутег, – я постаралась говорить ровно, не позволяя прорваться панике, плещущейся в сознании, – прости, пожалуйста, если я сейчас нарушаю очередное прокля... э-э... традиционное правило или по незнанию потрясаю устои вашего чертово... вашего нечеловеческого общества. Но не мог бы ты мне конкретно и точно сказать, что происходит?

На губах оборотня промелькнула снисходительная улыбка, и он поинтересовался:

– Что именно тебе не понятно, Мадди?

Его пальцы соскользнули вниз по прядям, оглаживая плечо, руку, проскользнули между моими пальцами, легко сжав их в итоге. Почему-то от этой непонятной ласки дрогнуло, словно его пронзило током, а затем забилось быстрее сердце.

– У тебя кардиостимулятор? – сипло спросила я.

Заметно удивившись, оборотень поинтересовался:

– От чего столь странное предположение?

– Ты иногда бьешься током, – осторожно разрывая соприкосновения наших рук, произнесла я.

Роутег улыбнулся, отпустил меня, отошел на шаг и спросил:

– Так что конкретно тебе не понятно, Мадди?

Сложив руки на груди, постаралась быть предельно честной и откровенно ответила:

– Твое поведение. Ты старался не прикасаться ко мне вовсе, демонстрируя брезгливость, и... мне было понятно почему – все-таки я девка Вихо.

При этих словах лицо Роутега дернулось, но он промолчал, и я продолжила:

– И вдруг после какого-то неясного заявления Керука ты полностью изменил линию поведения, надышался моими волосами и облапал все, что только мог облапать. Так вот мне лично безумно интересно узнать – какого дьявола?!

Я все же сорвалась на крик.

На мой возглас Роутег отреагировал, слегка поморщившись, затем спокойно произнес:

– Ты девственница.

Он это произнес так, словно одно это слово все объясняло. Оно, может, и объясняло, но вот явно не мне. Разведя руками, я молча продемонстрировала, что мне лично ничего не ясно. Роутег оценил мою пантомиму и пояснил:

– Ты правильно заметила – к девке Вихо мне было противно прикасаться. И когда стало ясно, что... Впрочем, не суть. Проблема в том, что я оборотень, и как оборотень, естественно, реагирую на запахи, поэтому старался не дышать тобой, совершенно не испытывая желания ощущать на тебе запах Вихо. Но ты девственница, более того – кэтери, то есть на тебе даже нет метки. Нет ничего удивительного в том, что меня это обрадовало.

Что?!

– В каком смысле «обрадовало», Роутег? – потрясенно спросила я.

Он странно посмотрел на меня. Так, словно я не понимаю очевидных вещей, но мне действительно было совершенно не ясно, о чем он и при чем вообще проблема моей девственности. Видимо осознав это, Повелитель Истэка произнес:

– Я бы в любом случае смирился с его запахом на тебе, у меня бы не было выбора, а когда нет выбора, Маделин, подарки судьбы радуют особенно.

И он улыбнулся. Эта улыбка смягчила черты его лица, даже блеск серебряных глаз словно стал приглушеннее, а затем Роутег добавил:

– Жаль, что ты человек в гораздо большей степени, чем оборотень, – приходится объяснять прописные истины и проявлять терпение там, где давно уже место иным, гораздо более приятным вещам.

– К примеру? – выдохнула я.

– Речь о сексе, – предельно прямо ответил оборотень.

После того как он это произнес, я несколько секунд молча смотрела на Повелителя народа Истэка. Да, после последней его фразы меня начало накрывать осознание причин изменения его поведения. И от этого стало откровенно тошно.

– Маделин? – позвал Роутег. – Тебе еще что-то непонятно?

– Ну почему же, – глухо произнесла я, – теперь мне совершенно понятно, что ты, узнав о том, что Вихо меня не попользовал, с радостью решил исправить это упущение.

Оборотень промолчал, но его глаза хищно сузились, взгляд стал привычно холодным. А я почему-то не могла молчать, очень боялась, что, стоит погрузиться в свои мысли, начнется истерика. Вероятно, поэтому и продолжила бессмысленный и дурацкий разговор:

– Чем девственница отличается от «кэтери»?

– Принадлежностью, – холодно ответил Роутег. – Когда оборотень выбирает пару, то есть жену, он оставляет метку, символ того, что женщина уже не свободна, она – жена.

– А на мне такой метки нет? – напряженно спросила.

– Как оказалось – нет. Полагаю, – он зло усмехнулся, – Вихо тебя не «попользовал» по одной-единственной причине – не хотел, чтобы о тебе знали.

С этими словами Роутег развернулся и направился к выходу. Уже покинув кухню и, кажется, даже открыв дверь в дом, он произнес:

– Ложись спать, Маделин. Я постараюсь тебя... не беспокоить!

Дверь захлопнулась с грохотом.

Я осталась стоять на кухне, не зная, что и подумать.

Убрала принесенный Роутегом чай в шкафчик, вытерла стол, помня, сколько песка на нем побывало, но так и не обнаружила ни единой песчинки. Даже пыли не осталось. А потом отправилась спать, стараясь вообще ни о чем не думать. Вообще ни о чем... Потому что я точно знала, что завтра Вихо появится сам или кто-то из его подчиненных.

Он никогда не пропускает мои дни рождения, никогда.

* * *

На следующий день мне исполнилось двадцать лет. Я отметила это, отсалютовав собственному отражению бокалом со все тем же апельсиновым соком, приготовила себе на завтрак омлет и тосты, после чего завалилась на диван перед телевизором. С одной стороны, я была искренне рада тому, что сегодня я проснулась не в одной постели с Вихо, как он планировал, с другой – день только начинался, и еще совершенно не ясно, чем закончится, так что радоваться было рано.

До обеда ничего не случилось, но я все-таки еще не радовалась: в мои дни рождения Вихо или его парни появлялись ближе к закату.

Закат встретила стоя у окна и нервно глядя на подъездную дорогу к дому... Никого.

Не смогла поверить.

Стояла, стояла, стояла... когда стемнело, вспомнила, что даже не пообедала, но есть и не хотелось, хотелось расхохотаться – Вихо не пришел! Не пришел, правда! Тянулись минуты, медленно, как патока, текли часы, и никого! Девять часов... Десять... Одиннадцать... Двенадцать я

встретила истерическим смехом, держась за гардину и медленно сползая вниз.

Потом долго сидела на полу, обняв колени руками, улыбаясь и чувствуя себя ненормальной. Вихо обещал, что в этот день подарит мне себя, в буквальном смысле и со всем из этого вытекающим. Он так его ждал, этот день, с нескрываемым предвкушением ждал, и вот – ничего. Потом накатило осознание того, о чем вчера сказал Роутег, и я поняла, что этот день еще вполне может стать началом моей взрослой половой жизни... только с другим оборотнем. Улыбка померкла.

О том, как овладеет мной в первый раз, Вихо рассказал в подробностях ровно год назад. Рассказал так, что я отчетливо представила себе и спальню с постелью, на которой оборотни редко занимаются этим, предпочитая иные места и жесткий пол, и позу на четвереньках... «Мы наполовину животные, Манзи, и поверь – так гораздо удобнее. Проникновение глубже, ярче и основательнее». Я в тот момент ощущала, как все сильнее душит бриллиантовое ожерелье и как же сильно я хочу... сдохнуть, причем желательно до того, как Вихо осуществит со мной все свои эротические фантазии.

И вот прошел год. Ночь, наступила практически уже полночь, а я не стою на четвереньках, угождая уроду, забравшему мою жизнь. И это шикарный, самый шикарный подарок на день рождения из всех, что делал мне Вихо.

Поднявшись, я направилась спать. Черт возьми, спать и ни о чем не думать... ну разве что о том, что сегодня мне невероятно повезло. Я еще не знаю, что будет завтра, но вот конкретно сегодня я практически счастлива!

И в этот момент я услышала шепот.

Тихий шепот в сумраке совершенно пустого дома.

Голос, будто знакомый и в то же время не узнаваемый. Голос, который звал, что-то повторяя.

Не поверив в первый миг, я остановилась на ступеньках, прислушиваясь.

И услышала тихое и словно отдаленное: «Мадди... Маделин... Мадди...»

Я схожу с ума? Не удивительно, конечно, но досадно. Дернула головой, словно пыталась отогнать этот навязчивый шепот, и он пропал, дом снова погрузился в тишину, не нарушаемую ничем.

Поднялась наверх, стараясь не оглядываться и не бояться, вошла в комнату, заперла двери. Этот дом пугал меня, но Роутег оказался гораздо страшнее, так что я была откровенно рада, что он здесь не ночует.

Устроившись в постели, закрыла глаза и провалилась в сон.

* * *

На следующее утро я проснулась одна. Девственная и чистая, вопреки всем гарантиям Вихо, что, несомненно, радовало. Не радовало другое – я вспомнила о случившемся позавчера разговоре с Роутегом, а после о явном приступе сумасшествия. Правда, появилась мысль, что это виноват дом и призраки, его населяющие. Вихо рассказывал, что в подвале его дома содержатся пленники, там же они и гибнут... Не хочется думать о том, что у Роутега все так же... Впрочем, я всегда могу проверить.

С этой мыслью совершила обход вверенной мне территории, подвалов и пленников не нашла, зато обнаружила книги на втором этаже в трех закрытых белой тканью стеллажах, выбрала историю о приключении ковбоев на Диком западе, и с книгой устроилась на кровати, намереваясь провести день за чтением. Делать что-либо еще смысла не было – дом не мой, жить в нем долго я все равно не буду, в город выходить незачем, еды... Ем я мало, а там еще помидоры остались и мясо, может, на ужин съем. В обед спускаться на кухню было откровенно лень, я повернулась на другой бок и продолжила читать, книжка попалась очень увлекательная.

К вечеру, когда я уже подумывала о том, чтобы перекусить, внизу раздалось раздраженное:

– Маделин!

Я замерла, осознав, что это Роутег вернулся.

Но затем прозвучал голос Кела:

– Она практически ничего не ела, в холодильнике все продукты, которые я принес, остались, и в город не выходила.

Он не успел договорить, как промчавшийся по лестнице и ударом ноги распахнувший двери в комнату влетел взбешенный Роутег. Увидел меня, резко выдохнул «Жива!» и вот после этого прошипел:

– Убью!

– За что? – резонно спросила я, внутренне сжавшись.

Роутег промолчал, испепеляя меня взглядом. Я так поняла, что он или не нашелся, что ответить, или собирался выдать основательную тираду, но не успел – следом за разъяренным хозяином дома поднялся Кел.

Он приветливо кивнул мне и поинтересовался:

– Что читаешь?

– Историю про ковбоев, – ответила, настороженно глядя на Роутега.

– Ты чего ничего не ела? – продолжил он.

– Не хотелось, – ответила вполне искренне.

– Слушай, Мадди, мы, бывает, по неделям пропадать можем, когда уходим в Изнанку, ты вот так же будешь сидеть в доме, не выходя в город и голодая, или это способ суицида такой замысловатый?

Я отрицательно покачала головой. Уже не первый раз слышу про Изнанку, интересно, что же это такое.

– Спускайся на кухню, так и быть, покормлю тебя своим коронным блюдом, – сказал Кел и вышел.

Роутег остался. Несколько секунд смотрел на меня, настороженно следящую за каждым его движением, затем демонстративно сложил руки на груди, будто намекая, что не собирается меня трогать, усмехнулся и произнес:

– Вчера был какой-то важный день?

– Почему ты спрашиваешь? – Я села на кровати, прикрывая одеялом ноги, потому что невероятным образом под взглядом Роутега ощущала себя голой, будучи при этом в майке и шортах.

– В Долину пытались проникнуть. Очень старательно, – сообщил Повелитель Истэка.

И он продолжал вопросительно смотреть на меня.

Отвечать совершенно не хотелось, но, судя по взгляду Роутега, он не собирался выходить отсюда до тех пор, пока не услышит ответ. Опустив глаза, тихо сказала:

– Вчера был день моего рождения.

– Хм, – восклицание с некоторой долей удивления. А затем, рассмеявшись, Повелитель Истэка добавил: – Судя по вчерашней активности Волков, Вихо явно стремился преподнести себя в подарок.

Все так же глядя в пол, мрачно выдохнула:

– Именно так... причем в излюбленной позе оборотней.

Роутег отреагировал молчанием. Я испуганно посмотрела на него и увидела выражение полнейшего недоумения на его лице.

– Излюбленной позе оборотней? – переспросил Повелитель. – Это как?

Я бы подумала, что он издевается, но Роутег был предельно честным в эмоциях, и вот то, что я видела сейчас, было точно удивлением. Прикрывшись одеялом вообще до груди, мрачно спросила:

– Ты не знаешь об излюбленной позе оборотней?

Глубоко вдохнув, Роутег медленно выдохнул, странно глядя на меня и словно успокаиваясь, а затем сказал:

– Маделин, не совсем понимаю, о чем ты, но если о сексе, то я тебя уверяю – излюбленных поз нет. В сексе вообще хороши все позы разом и по отдельности.

Я смотрела на него широко распахнутыми глазами и не могла понять, он шутит или прикалывается или еще что-то? После всех слов Вихо сказанное Роутегом просто ни в какие рамки не укладывалось. И вот, несмотря на то что тема была очень и очень скользкая, а под раздевающим взглядом оборотня я чувствовала себя крайне неловко, любопытство все же победило, и я осторожно спросила:

– А в первый раз?

– В первый раз чего? – не понял Роутег.

Я промолчала.

– В первый раз при занятии любовью? – уточнил он.

Кивнула.

И ожидала ответа, наверное, столь же предельно честного, как те, что Роутег давал раньше. Но оборотень, задумчиво посмотрев на меня, прошел, сел на кровать, пододвинув в сторону мои ноги, и, глядя на книгу, которую я продолжала держать в руках, начал объяснять:

– Есть разница, Маделин, между первым разом у оборотней и первым разом в межвидовой паре. И если говорить о межвидовой паре – то нет ничего сверх особенного, кроме разве что того, что партнер проявляет максимум сдержанности, пытаясь понять, что приятно партнерше.

Осторожно отодвинувшись, я все же дала волю любопытству и уточнила:

– А что особенного происходит у оборотней?

Он поднял взгляд на меня, посмотрел мне в глаза и хрипло произнес:

– То, что мне испытать не придется.

Затем резко выдохнул, явно успокаиваясь, и объяснил:

– Мы живем инстинктами. Там, где с человеческими женщинами приходится произносить много слов и проявлять... нечеловеческое терпение, наши женщины понимают и принимают все мгновенно. У отношений оборотней несколько этапов. Первый – взгляд. Оборотни реагируют на него в гораздо большей степени, чем люди. И если двое зацепились взглядами даже в самой шумной и суетливой толпе, они пойдут навстречу друг другу. Второй этап – запах. От запаха своей пары оборотень испытывает непреодолимое желание ощущать, трогать, прикасаться. Прикосновение – третий этап. И неважно, в какой ипостаси оборотни – первое прикосновение говорит о многом. Если от прикосновения обостряются чувства, если есть ощущение разряда энергии, пара сливается

в страсти, найдя ближайшее уединенное место. И никаких игр, никаких слов, никаких объяснений им не требуется. Видишь, все проще.

Я сидела, едва не приоткрыв рот и отчетливо представив себе, как двое встретились взглядами... почему-то не в толпе, а посреди песчаной бури... как медленно, не отрывая взгляда друг от друга, идут навстречу... как ветер бросает прядь ее волос на лицо парню, и он ловит ее аромат, прикрыв глаза... как соприкасаются их протянутые друг другу руки... и как они сливаются в поцелуе...

– Красиво, – прошептала я.

Роутег улыбнулся, глядя на меня так, словно ждал какого-то понимания, каких-то других слов, ждал и в то же время понимал, что их не будет. А меня еще кое-что заинтересовало:

– В межвидовой паре все не так?

– Нет, – он отрицательно покачал головой. – Весь кошмар межвидовых отношений заключается в том, что там, в абстрактной толпе, он замечает ее, застывает на миг и идет к ней через толпу. Один. Он подходит, вдыхает ее запах и не может удержаться от того, чтобы не прикоснуться... Теперь скажи мне, как отреагирует человеческая девушка на подобное?

Представила себе ситуацию и честно ответила:

– Скажет, что он псих и чтобы убрал от нее руки.

– Вот-вот. – Роутег улыбнулся, вот только это была грустная улыбка

И я не могла не спросить:

– С тобой такое случалось?

Посмотрев на меня с явным сомнением в моем здравомыслии, оборотень выговорил:

– Еще одно наше отличие от людей в том, Маделин, что мы создаем одну пару, и на всю жизнь. Так что «случаться» не могло, и нет – со мной такое не случилось, в моем варианте все оказалось хуже. Значительно хуже. Я пропустил первый этап и лишил себя второго, вляпавшись с ходу в третий... Впрочем, неважно.

Неважно так неважно, я задала наиболее нейтральный вопрос:

– А что происходит дальше с гипотетическим оборотнем, которого далеко посылает человеческая девушка?

– По ситуации. – Роутег снова невесело улыбнулся. – Кто-то проявляет настойчивость и добивается своего, играя по вашим правилам: период ухаживаний, знакомство с родителями, согласие на брак, рождение детей, и только после этого осторожное погружение своей пары в мир оборотней. Кто-то, особенно если речь о более молодых, то есть менее сдержанных оборотнях, получая отказ, действует жестче – похищает свою пару. А

некоторые... есть те, кто насильственно обрывает зов зверя, не желая признавать свою... человеческую ориентацию.

– Как это? – шепотом спросила я. – И... почему?

Роутег помолчал, затем тихо произнес:

– Очень сложно любить... без взаимности. И пожалуй, это главная причина. В остальном общество оборотней принимает человеческую женщину, если она является истинной парой оборотня. К ней будут относиться с опаской и некоторым недоверием, ее детей опекать больше, но в общем и целом брак принимают. Именно тогда, когда это истинная пара, а не попытка молодого оборотня пойти против правил в угоду своим эротическим фантазиям, бывают и такие ситуации.

Он вновь замолчал, глядя в сторону, словно взгляд его блуждал где-то там, вдали, а затем Роутег вернулся к разговору:

– Проблема в том, что чем сильнее зверь внутри оборотня, тем больше его притягивает более слабая пара. Природа любит работать по принципу компенсации. И чаще всего голову от человеческих женщин теряют наиболее матерые, опасные оборотни, разменявшие одну, а то и две сотни лет, особенно если уже потеряли свою первую пару. Нам известно об этом, поэтому древние стараются в принципе не покидать пределов территории стай. К чему я все это? Так вот, о чувствах... Если девушка резко негативно относится к тому, чьей парой является, оборотень способен разорвать связь. У вас говорят «Чего не сделаешь ради любимой», да? У нас не говорят, у нас действуют. Если ее ответ категоричное «нет», если ее тело не отзывается на его ласки, если он неприятен ей... то есть противен, и он уверен, что без него ей будет лучше, оборотень уходит.

Повелитель Истэка замолчал, а я была несколько в шоке от всего, что только что узнала о мире оборотней. Вообще от того, что услышала. Потом вдруг спросила:

– А если в паре оборотней женщина говорит «нет»?

Усмехнувшись, Роутег объяснил:

– В том то и дело, что в парах оборотней подобного не происходит – притяжение взаимно. Его чувства отзываются отголоском ее чувств, и наоборот. Именно поэтому пара вступает в связь практически сразу.

– Почему? – Я не могла не спросить.

Внимательно посмотрев на меня, он хрипло ответил:

– Потому что с момента первого прикосновения оборотень начинает испытывать желание к своей паре. Неизменно усиливающееся болезненное желание. От которого медленно, но верно сходит с ума, теряя контроль над чувствами и эмоциями.

Почему-то от этих слов захотелось сбежать побыстрее, и как можно дальше. Наверное, потому, что за всем этим ощущался какой-то намек, невысказанный, но от этого не менее явный. Давящий намек. И я осторожно выскользнула из-под одеяла, спрыгнула с постели и, натягивая майку пониже неосознанным жестом, пробормотала:

– Кел уже давно ждет... наверное.

После чего смылась из комнаты, не оборачиваясь даже. Волосы, расчесанные еще утром, пригладила рукой как могла и, сбежав по ступенькам вниз, вошла на кухню.

Кел творил омлет!

На столе находились уже порезанные кубиками помидоры, наструганные соломкой ребрышки, точнее мясо с них, сами кости лежали отдельной тоскливой кучкой, и покоцанные кружочком перцы, а оборотень, смахивая слезы, видимо, от жалости к себе, жарил лук.

– А лук зачем? – устраиваясь на стуле, спросила я.

– Он, – Кел снова вытер слезы, – придает особый вкус и сытость.

– И соленость... – улыбнулась я.

Бросив на меня хмурый взгляд, оборотень не согласился:

– Слезы я подтираю вовремя, ни одна в сковороду не упала. Подай перец.

Раскомандовались некоторые.

Я встала, пытаюсь примириться со странным ощущением внизу живота, возникшим после разговора с Роутегом. Словно там внутри что-то сжалось и теперь дрожало, испуганно и жалко, в смутном ожидании чего-то. Еще одним странным ощущением было ноющее сердце... Оно не то чтобы болело, хотя после всех стрессов, что мне пришлось перенести в юном возрасте, возможно, было и такое, но нет – оно сжималось и ныло. Неприятно очень и странно.

Но я меньше всего хотела бы, чтобы мое состояние кто-то заметил. Поэтому, продолжая отчаянно улыбаться, встала, подала досточку с перцем. Потом пришлось подавать все остальное и яйца разбивать, и перемешивать. А вот солить Кел мне не доверил, соль и специи отмерял сам, очень забавно делая это кончиком ножа.

– Все, теперь расставляй тарелки и нарежь хлеб, – снова скомандовал он.

– А ты? – задала я чисто риторический вопрос.

– А я буду восхищаться своим кулинарным талантом, – совершенно серьезно ответил оборотень.

И широко улыбнулся. Мол, в курсе, что наглет, но будет наглеть

дальше. Я, уже зная, где тарелки, достала их из шкафа, глянула на входящего Роутега и как бы мне ни хотелось пообедать без него, на стол поставила три блюда. Разложила столовые приборы, Кел положил всем омлета.

Ели молча, как-то стало ясно, что оба оборотня уставшие.

Внезапно Кел спросил:

– Кто будет сопровождать обоз?

– Я, – последовал краткий ответ.

Кел заметно потерял аппетит. Начал ковырять кусочки перца с видом сильно задумавшегося человека, затем открыл рот, явно желая что-то сказать... закрыл, вернулся к еде. Но не удержался и через несколько минут произнес:

– Я достаточно силен.

– Нет, – отрезал Роутег. И даже снизошел до объяснения: – Я не буду никем рисковать, и мне лучше сейчас держаться подальше от... – Взгляд на меня, усмешка и усталое: – От проблем.

Кел возразил:

– Я чего-то не знаю? – Затем бросил взгляд на вконец заинтересовавшуюся меня и уточнил: – Она к тебе уже пристаёт, да? Так я это сразу понял, поэтому и оставил вас в спальне наедине, но я думал, ты вроде не против, Повелитель, девочка притягательная очень даже. Что, совсем не понравилось?

Такого от Кела я не ожидала. Оборотень же, ничуть не смущаясь, мне улыбнулся, даже и не пытаюсь скрыть, что подшучивает уже в открытую. Я прищурила глаза, посмотрела на Кела, на вилку... Подумала, что нет, тыкать в гада вилкой негигиенично, ею же потом еще надо будет как-то есть, но и спускать не собиралась! Подумав, набрала немного омлета на вилку, развернула ее и с данной импровизированной катапульты запустила едой в оборотня! Кусок перца в яйце шлепнулся прямо Келу на нос. И мне сразу стало как-то приятнее и легче на душе.

Обалдевший Кел растерянно захлопал ресницами.

Роутег, бросив на меня мрачный взгляд, вернулся к еде, никак не прокомментировав случившееся. Кел сузил глаза. Взял собственную вилку, развернул, разместив катапульту самым опасным для меня образом, выбрал на своей тарелке кусочек лука, подвигал бровями, намекая, что конец мне.

– Ты не посмеешь! – заявила я, уверенная в собственной безопасности.

У оборотней женщина – это что-то неприкасаемое, это мне Вихо объяснил, так что...

Кел улыбнулся.

Шлепнул по ручке вилки. Катапульта сработала, лук взвился в воздух, я, естественно, увернулась! Но сам факт!

– Ребят, вы какие-то неправильные оборотни, – возвращаясь на место, заявила возмущенно. – Пиво пьете, сексом во всех позах занимаетесь, женщин не бережете. Что-то с вами явно не так.

И вот только села, мне в нос прилетел кусок омлета. Медленно повернула голову, пока кусок так же медленно сползал по лицу. Кел с самым невинным видом опять ел, но меня его вид не обманул ни на грамм.

– Все, это война, – заявила угрожающе.

– Считай, ты ее уже проиграла, – ответил оборотень.

– Почему это? – беря салфетку и вытираясь, поинтересовалась я.

– Боеприпасы на исходе, – совершенно серьезно, разве что в глазах смешинки прятались, сообщил Кел. – Так что есть два варианта: или ты принимаешь позорное и несмываемое поражение, или пояснишь мне момент на счет секса во всех позах. Ты знаешь, тебе удалось пробудить во мне зверское любопытство всего пятью словами.

– Свое любопытство будешь удовлетворять сам, – неожиданно резко произнес Роутег.

– Понял, – мгновенно согласился Кел.

Но смотрел он на меня при этом с таким выражением, что с ходу стало ясно – что-то явно не так.

Однако Кел справился со своим удивлением и невозмутимо вернулся к разговору:

– Кстати, Маделин, Роутег тебе электрокар зарядил, только учти – в городе передвигаться разрешено с максимальной скоростью двадцать пять миль в час, но вот лично тебе я бы посоветовал десять.

– Да проще пешком дойти, – пробормотала я.

– Правила есть правила. – Кел мне улыбнулся.

Я же припомнила один момент:

– Кое-кто мчал тут по территории со скоростью миль сто, не меньше, – выразительно указала пальцем на Роутега.

Но Келу и тут было что ответить:

– Мы – оборотни, у нас скорость реакции выше, у наших женщин ниже, у тебя вообще никакая, а тут повсюду дети бегают в обеих ипостасях. Так что десять, Мадди, не испытывай судьбу.

Я кивнула, даже не собираясь покидать дом и куда-то там ехать за продуктами, хотя... Идея покататься по городу, а больше того, по парку и вокруг озера неожиданно показалась крайне притягательной.

– В городе есть отменная пекарня, – продолжил Кел, – обязательно

съезди туда, там замечательные круассаны.

Кивнула, сделав вид, что совершенно и полностью согласна.

После обеда я осталась разбираться с посудой, оба оборотня ушли в кабинет – единственное помещение, которое запиралось в этом доме.

Спустя полчаса в дом стали приходить другие оборотни. Мне, на беду устроившейся в гостиной на диване с книгой в руках, кивали, приветствуя, но ни капли не приветливо, и шли в кабинет Повелителя. К двенадцатому появившемуся я устала изображать радушие и получать ноль эмоций в ответ, поэтому решила прокатиться по городу.

Гараж обнаружился в конце подъездной дороги, перед гаражом стоял белый электрокар, точно такой же, как и у всех здесь. Подумав, что ни за что не отличу его от чужих, подошла к ближайшему цветущему кусту, сорвала цветочек, прикрепила его на руль и, удовлетворившись тюнингом, села. Управление оказалось простейшим – поворот ключа, и все завелось. Два рычага, нажимаешь один, и транспорт движется вперед, второй – назад, направление движения задаешь поворотами руля – все просто, даже пятилетний ребенок справится.

Осторожно выехала на подъездную дорогу, неспешно направилась к фонтану.

А к дому продолжали приходить и приезжать оборотни. Передвигались в основном на все тех же совершенно бесшумных мотоциклах... Я решила, что это или магия, или они электрические. Одно из двух.

* * *

Выехав в город, двигалась со скоростью миль пятнадцать, по причине того, что тут действительно могли быть дети, но никого так и не встретила. То ли время обеденной сиесты, а зной стоял удушающий, то ли еще что, возможно даже связанное со сборищем оборотней в доме Роутега.

Осмотрев населенный оборотнями пункт минут за сорок, я направилась к парку. На стоянке моя машина оказалась единственной. Припарковавшись, вытащила ключи из замка зажигания и пошла бродить по местной зоне отдыха.

Лесопосадка оказалась на удивление ухоженной – по бокам дорожек росли цветы, словно отделяя тропинки от сплошного зеленого ковра, высокие деревья создавали густую тень, и здесь, несмотря на зной, было даже прохладно. Я шла, вовсю разглядывая лесок, и удивлялась тому,

насколько вокруг чисто, трава не примята, все веточки на кустах не сломаны, и в целом даже не скажешь, что вчера тут едва ли не под каждым деревом был импровизированный пикник домохозяек. Ни обедков, ни оберток, ничего! Словно я вообще первая, кто сюда пришел.

Где-то за час дошла до озера. Остановилась на пологом берегу, вдохнув всей грудью напоенный цветочным ароматом воздух, в очередной раз восхитилась. Озеро оказалось огромным. Настолько, что противоположный берег едва угадывался вдали. Чистая голубая, с зеленоватым оттенком прозрачная вода, зеленая густая трава, устилающая берег до самой кромки, деревья, сплетением ветвей придающие озеру сказочности. Я вообще словно в другой мир попала. В удивительно красивый, невероятно гармоничный мир дикой, но все же какой-то обузданной природы.

Спустившись ближе к воде, я устроилась на поваленном стволе дерева, искренне пожалев, что не захватила книгу с собой, и решила, что буду приезжать сюда, пока я пленница и вообще пока есть такая возможность. Здесь было удивительно. Забыв про все, я сидела и наслаждалась природой, потеряв счет времени, и в итоге несколько удивленно проследила за тем, как исчезло за деревьями заходящее солнце.

Вдруг ветви ближайшего куста раздвинулись, высунулась забавная острая мордочка, звереныш смерил меня внимательным взглядом и исчез. Всего через пару мгновений такая же забавная мордочка выглянула из-за дерева. Потом еще одна. И еще. И пока я сильно удивлялась, еще один койотик, гордо ступая и сжимая плетеную ручку в зубах, принес мне маленькую корзинку. И после долго стоял и недовольно фыркал, пока я не догадалась, что нужно ее взять, после чего удовлетворенно кивнул и так же гордо ушел. Донельзя удивленная, я, расположив корзинку на коленях, развернула бумагу и обнаружила красиво отрезанный кусок яблочно-мятной шарлотки, украшенный веточкой мяты. Выглядело до крайности аппетитно, так что, несмотря на продолжающие мелькать то тут, то там мордочки койотов, я с наслаждением и неторопливо все съела.

А когда вытирала руки, с берега спустилась Аяша со словами:

– Что же ты свой электрокар далеко так оставила? Ты же не оборотень, тебе столько пешком тяжело идти.

– Добрый вечер, Аяша, – поздоровалась я, поднявшись при виде женщины. – Спасибо, было очень вкусно.

– Да, удачный рецепт. Идем, ты замерзнешь тут с наступлением сумерек, ты же не оборотень.

И не успела я что-либо ответить, как Аяша уже тащила меня вправо,

метров на двести, где наверху, до начала спуска к озеру, бросила свою корзинку с покрывалом, но бросила она в потрясающем месте – отсюда открывался вид на маленький островок посреди озера.

– Люблю это место, – тараторила женщина, пока раскладывала еду на расстеленный нами плед, – озеро с этого места смотрится сказочно. А мы как приехали, я сразу Хаммину послала тебя найти, просто я в человеческом облике всяко медленнее малышей двигаюсь. Значит, понравилась шарлотка? Сейчас расскажу, как ее готовить.

Но я, тормозя этот поток речи, спросила:

– Вы знали, что я у озера?

– Ну конечно, – добродушно подтвердила она. – Все же слышали, как твой электрокар из города выехал.

Надо же.

А Аяша продолжала болтать:

– Как я скучаю по старым временам, когда у домов не было звукоизоляции, можно было даже не спрашивать у соседей, как дела, и так все было известно, а теперь... Ну да что жалеть, с Повелителем не спорят.

– Почему это? – устраиваясь на покрывале, спросила я.

Просто так спросила, мне даже любопытно не было.

Но Аяша в какой-то немыслимо короткий миг вдруг оказалась рядом, склонилась к моему уху и прошептала:

– Потому что это Повелитель.

После чего, вновь став смазанной тенью, переместилась обратно. Я потрясенно смотрела на ее тщательно завитые кудряшки, подведенные алой помадой губы и карие, покрашенные так, чтобы казаться более выразительными, глаза – идеальная домохозяйка пятидесятых, со скоростью движений, как у героев фантастических боевиков.

– У меня изумительно вкусный получился мясной рулет, попробуешь?

Почему-то я не рискнула сказать «нет», да Аяша и не ждала ответа, и вскоре в моей пластиковой тарелке было много чего на «попробовать». А женщина все рассказывала и рассказывала, причем нить ее рассказа я давно потеряла, особенно когда в лесу стали появляться другие женщины, также раскладывающие покрывала и обустривающие пикники. Некоторые устроились читать книги, несмотря на то что стремительно темнело, и я лично не смогла бы прочесть ни строчки, большинство ходили друг к другу в «гости», некоторые подходили к нам и вступали с Аяшей в беседы, имевшие целью обсудить кулинарные пристрастия, здоровались со мной и интересовались, как дела. Таким образом, к наступлению сумерек весь лес превратился во что-то вроде масштабных посиделок, а где-то вдалеке были

волки... или койоты?

И вдруг мирная до того обстановка резко сменилась напряженностью, оглушившей меня внезапной тишиной. Женщины замерли. Ни звука, ни шевеления, словно даже дышать перестали.

Я, глядя на застывшую Аяшу, тихо спросила:

– Что случилось?

– Чужой, – одними губами произнесла женщина.

Я затаила дыхание.

– Его встретили, – продолжила Аяша. – Везут к дому Повелителя.

У меня сердце остановилось.

– Не Вихо, – мгновенно успокоила она меня. – Для Вихо сюда пути нет. Видимо, кто-то из старейшин.

– Из старейшин? – почему-то шепотом переспросила я.

– Ага, – отозвалась какая-то женщина из темноты, метров с сорока от нас, и вообще непонятно, как она наш разговор услышала. – Видимо, Вихо прислал, ох и бесится же он сейчас.

– Еще бы, – раздалось справа, тоже со значительного расстояния, – после того как Керук сказал, что она витэшна, все заявления Вихо про их брак – смешны.

– А мой Ригои говорит, что она не только витэшна, но и кэтери...

– Быть не может!

Я как сидела, так и... и сидела, и только глаза округлялись так, что я это практически чувствовала. А женщины койотов радостно продолжали обсуждать меня, ничуть не стесняясь и говоря громко, видимо считая, что обсуждать меня шепотом или по крайней мере как-то потише будет неприлично. И отовсюду продолжали нестись возгласы и предположения:

– Видимо, Вихо боялся метку на ней оставить, чтобы Повелитель не узнал.

– Нашего Повелителя не обманешь!

– Это точно! Даром Вихо пять невест в клан вез!

– Целых пять? И даже метки им поставил?

– Говорят, что да, поставил.

– Мерзавец!

– Столько волчиц попортил!

– И ради кого – человечки?! – гневно воскликнул голос постарше.

Лес на миг погрузился в тишину, но затем еще какая-то из оборотниц сказала:

– Не ради человечки, Нита, ради своей пары. И Вихо неважно уже, кто она – человечка или оборотень, для него только его желания имеют

значение.

– Но она – человечка! – вновь все та же женщина, которую называли Нита.

– Она оборотень на четверть, – не согласился еще кто-то.

– А то, что Вихо пятерых волчиц попортил, невзирая на то что свободных самок в клане не хватает, это грустно очень, – сказал кто-то совсем недалеко от нас.

– Рассчитывает до наших дочерей добраться? Напрасно, Повелитель не позволит.

– Это да.

– Точно!

– Да только все старейшины с лап Вихо покорно едят! – судя по голосу, сказала совсем пожилая женщина. И добавила: – Давненько по Изнанке слухи ходят недобрые.

– Повелитель разберется! – выкрикнула какая-то девушка.

– Повода нет у Повелителя, – осаждала ее старушка. – А вот коли появится...

Я не стала слушать дальше, решив, что мне, пожалуй, пора вернуться. А сидеть тут и слушать инсинуации про себя, Вихо и прочее как-то не особо хотелось.

– Уже уходишь? – заметив, как я поднимаюсь, спросила Аяша.

Лес мгновенно затих.

– Да, – ответила я тихо, вот очень тихо, и еще тише добавила: – Схожу, узнаю, что там.

Откуда-то, метров со ста от нас, раздалось:

– Обязательно потом нам расскажешь!

Даже не нашлась, что ответить на это.

Поблагодарив Аяшу за потрясающий ужин, тихо сказала «Приятного всем вечера», получила многоголосое «Спасибо, и тебе дорогая» в ответ. И пошла прочь, подумав о том, что, наверное, зря я засиделась до темноты, теперь будет довольно не просто отсюда выйти. Так и оказалось – стемнело настолько, что я совершенно дорожки не видела, зато все присутствующие отчетливо видели меня, и из разных мест по мере моего движения доносилось:

– Правее.

– Левее.

– Дорожка в трех шагах от тебя.

– Осторожнее, ветка.

– Пригнись.

- Правее.
- Может, тебя проводить?
- Ровнее.
- Ветка.

Вот так вот я и добралась до парковки. Там не было тени от деревьев, зато имелся неясный свет от луны. И вот в лунном свете я узрела заполненную одинаковыми машинами парковку, и... на руле у каждого электрокара красовался цветок! Потрясающе! И как мне теперь искать свой транспорт?!

Резко выдохнув, я уже собиралась пойти и даже не знаю как искать свой, как из-за спины раздалось:

- Твоя машина первая с краю, мы передвинули.

Обернулась – на краю леса стояла миниатюрная девушка в цветастом платье, словно обнимающем хрупкую фигурку, кудряшки развевал ветер, глаза поблескивали золотом.

- Я, Винона, можно Вин.

– Очень приятно, – отреагировала на знакомство и переспросила: – Простите, что значит передвинули? Как? У меня ключи с собой.

– Не бери их больше, – посоветовала девушка. – Ты же человек, еще потеряешь в лесу. А передвинули просто, руками, машина же легкая. Ты поторопись, там старейшина уже полчаса как в доме Повелителя. И по городу можешь ехать быстро, все дети сейчас охотятся у озера.

– Спасибо, – пробормотала, направляясь к ближайшему электрокару. – Этот?

– Да, а с цветами ты хорошо придумала, красиво очень получилось, нам понравилось.

Это я уже поняла.

- Я рада, – ответила, усаживаясь.

Не с первого раза попала ключом в паз, в итоге завела, выехала с парковки, помчалась в дом Роутега со скоростью двадцать пять миль в час. Уже на подъезде к зданию снизила скорость, типа, вроде я все время ехала медленнее некуда, но обмануть никого не удалось.

– Я же сказал: скорость – десять миль в час, – произнес Кел, выйдя из-за колонны.

Спустился вниз, подал мне руку. Старательно проигнорировав ее, выбралась из электрокара самостоятельно и уже хотела, обойдя оборотня, подняться вверх по ступеням, но Кел загородил путь и тихо спросил:

- Что произошло между тобой и Повелителем?
- Прости, что? – переспросила шепотом.

Потом поняла, что бесполезно вообще шепотом, потому как эти все равно все услышат, и уже нормальным голосом уточнила:

– Ты о чем?

Кел промолчал, странно глядя на меня, затем медленно произнес:

– Роутег, не оправдывая свое имя, всегда держит чувства под стальным контролем. Всегда. Понять его настроение, определить эмоции – практически невозможно. Было. Но вот уже несколько дней он выглядит подавленным. Что между вами произошло?

Да вообще странный вопрос.

– Кел, – выразительно посмотрела на него, – а что, по-твоему, может произойти между похитителем и жертвой похищения?!

Оборотень задумался.

– Единственное, что могу гарантировать, – я его не обижала, не оскорбляла и не насиловала.

– Вот спасибо, особенно за последний пункт, – усмехнулся Кел. И тут же серьезно переспросил: – Точно ничего?

– Кел, а что в принципе я могла ему сделать?! – возмутилась я.

Самое невероятное – он задумался. Причем действительно заметно задумался. Повел плечом, словно отгоняя назойливые мысли, и отступил, пропуская меня.

Обойдя его, легко взбежала по ступеням, сделав вид, что вообще не заметила имеющихся здесь оборотней, штук восемь, не меньше, которые – вот сто процентов – все слышали.

Едва я вошла, меня окутал аромат леса, цветущих кувшинок, стрекот сверчков, пение ночных птиц, легкий ветерок, наполненный запахом листвы и ягод, холодок лесного ручейка, струящегося меж корней древних деревьев...

Замерла, зажмурилась, вдохнула всей грудью, откровенно наслаждаясь этим удивительным ощущением леса, открыла глаза и улыбнулась, встретив взгляд стоящего в дверях кабинета Роутега пожилого мужчины. Оборотень действительно был в возрасте, о чем свидетельствовали и морщины на лице цвета старой бизоновой кожи, и седые прямые волосы, спускающиеся до плеч, и кустистые брови, из-под которых на меня удивительно ясно взирали орехово-красные глаза. Глаза зверя.

– Как видишь, она ему не жена, – раздался голос Роутега.

Пришлый оборотень втянул носом воздух, прикрыл на миг глаза, распахнул и произнес:

– Здравствуй, Маделин.

– Добрый вечер, – ответила, делая несмелый шаг через порог.

– Какой запах витает в доме? – задал неожиданный вопрос пожилой оборотень.

Несколько удивленно ответила:

– Пахнет лесом.

– И ты это чувствуешь? – начал допытываться он.

– Да. – Я не видела смысла скрывать.

– Значит, обычный человек, – разочарованно протянул мужчина, – оборотень определил бы степь по запаху.

Старейшина улыбнулся мне, затем повернулся к Роутегу и произнес жестко, почти приказным тоном:

– Она кварталон, кровь больше человеческая, чем наша, ничего такого, ради чего стоило бы бросать вызов. Верни ее Вихо, девчонка лишь привлекательная пустышка, не более.

Вот тебе раз, а такой приятный был дядечка на первый взгляд.

Роутег, привалившийся плечом к дверному косяку и меланхолично на нас вззирающий, выразительно вскинул бровь и негромко, но практически угрожающе переспросил:

– Вы. Приказываете. Мне?!

Сказано было таким тоном, что лично у меня вдруг появилось желание развернуться и выбежать на улицу, а старейшина словно присел от с трудом скрываемого ужаса.

– Впустив вас, я пошел на уступку, Адэхи, – продолжил Роутег. – Не путайте уступку, проявленную в знак уважения к вашему возрасту и... прошлым заслугам, с готовностью принимать во внимание ваше мнение. Совет старейшин дискредитировал себя. Вы утратили право быть услышанными.

Адэхи выглядел псом, поджавшим хвост. Не то чтобы это так действительно смотрелось, но каким-то удивительным образом ощущалось. И все же старейшина попытался огрызнуться:

– Вихо назвал ее женой!

Усмехнувшись, Роутег издевательски поинтересовался:

– А если завтра Вихо придет в голову назвать женой вас, Адэхи?

Старейшина возмущенно выпрямился, гневно глядя на Повелителя Истэка. Роутег с нескрываемой насмешкой смотрел на него, я сама с трудом сдержалась от улыбки, представив себе этого иссушенного ветром Великой степи мужчину в подвенечном платье... Поймала на себе взгляд Роутега, попыталась скрыть улыбку, но ничего не вышло. Картинка Адэхи в свадебном платье намертво засела в воображении. Роутег неожиданно улыбнулся в ответ, и от его улыбки вдруг дрогнуло сердце. Я опустила

глаза, чувствуя, как краснею, и совершенно не понимая с чего бы, но смутилась жутко.

И в этот момент старейшина заявил:

– Она – женщина Вихо, Роутег. Женщина, на глазах всех кланов названная женой. Женщина, которую ждал клан Волка!

– Очень сочувствую и Вихо, и глазам всех кланов, и в принципе клану Волка, но вы не ответили на мой вопрос, уважаемый Адэхи.

Задыхнувшись возмущением, старейшина умолк. Но уже через миг заявил:

– Роутег, это не афишируется, но она его пара!

Это было очень патетичное и громкое заявление. И какое-то весомое, что ли. Я посмотрела на Роутега, но он не заметил этого, пристально и зло глядя на старейшину. А затем медленно, разделяя слова, произнес:

– С момента вашего появления, Адэхи, я ощущаю себя единственным зрителем театра препаршивого актеришки, пытающегося правдоподобно отыграть свою роль. Вы начали с заявления о необходимости сохранить мир и попытки убедить меня в том, что Маделин не стоит и волоска с головы любого представителя моего народа. Это была плохо завуалированная угроза, но я стерпел исключительно из любопытства. Мое любопытство вы удовлетворили сполна, для начала продолжив петь песни о никчемности девушки, а завершив насквозь лживым заявлением. Достаточно. Я уже в полной мере проникся осознанием того, насколько сильно вас прижал Вихо. Сохраните остатки чести и покиньте мой дом, Адэхи.

Старейшина замер, тяжело задышал, а затем почти умоляюще произнес:

– Не трогай девушку, Роутег.

Я всем телом ощутила ярость Повелителя Истэка еще до того, как Роутег заговорил. Зло. Раздраженно. Не скрывая гнева.

– Не трогать девушку? Ты просишь меня не трогать девушку?! А почему нет, Адэхи?! Потому что этого потребовал Вихо?! Так я могу поступить с ней так же, как он поступил с той, что делила со мной постель, – отдать на потеху всей стае, а после вернуть. Могу даже живой. Как тебе такой расклад, старейшина?

Я не знаю, как такой расклад старейшине, а у меня в глазах потемнело. Не желая и дальше быть свидетелем обсуждения моего неприглядного будущего, я развернулась и вышла. Закрыв за собой дверь, постояла растерянно на пороге.

Уютный сказочный мирок койотов вдруг стал мрачным, неприглядным

и страшным... И я стояла, с ужасом осознавая, что на самом деле случилось с девушкой Роутега... И ужас был, а удивление – нет, я ни на миг не усомнилась в том, что Вихо мог так поступить. Что он именно так и поступил. Что он способен на подобное... Способен ли так поступить со мной Роутег? Я не знала. И мне было страшно.

Внезапно из-за колонны появилась тень, материализовавшаяся передо мной Келом.

– Что с тобой? – спросил оборотень.

Я отступила на шаг, почему-то безумно боясь даже Кела... Хотя с чего бы?! Это же Кел... А если...

– Кел, – я посмотрела ему в глаза, – а насколько ты подчиняешься Роутегу?

– Безоговорочно, – мгновенно, не задумываясь даже, ответил он.

Мне стало еще хуже.

Пройдя к спуску с террасы, я медленно опустилась на ступеньки, села, обняв колени руками и уткнувшись в них подбородком. Внезапно поняла, что умереть я теперь тоже очень даже могу, причем совершенно жуткой мучительной смертью, и накатиł тот страх, что преследовал, пока я искренне была убеждена, что в следующий мой день рождения Вихо меня убьет.

– Мадди, ты чего? – Кел подошел, сел рядом на ступеньки. – Тебя старейшина обидел?

Если бы... а вот Роутег обидеть может, и еще как. Причем винить его я... даже не знаю смогла бы, учитывая то, как поступили с его девушкой. Потом вспомнила о том, как он обрадовался, когда понял, что между мной и Вихо ничего не было... «Я бы в любом случае смирился с его запахом на тебе, у меня бы не было выбора». И я отчетливо поняла, что Роутег переспит со мной. Просто чтобы утереть Вихо нос. Переспит совершенно точно, он этого даже не скрывал особо. Точнее, вообще никак не скрывал, достаточно вспомнить его поведение на кухне позавчера. А после этого отдаст на потеху стае? Получается, что так.

Мелькнула мысль: «Бежать».

Мелькнула и тут же исчезла – куда бежать? Здесь пески вокруг, а там... там Вихо, и я даже не знаю, что хуже – смерть здесь, пусть даже и такая жуткая, или жизнь там? Бежать некуда.

Медленно поднявшись, я сказала:

– Не могу так сидеть, тошно. Наверное, будет лучше, если проедусь.

И поплелась к электрокару.

По городу ехала с черепашьей скоростью, размышляя о том, что меня

ждет впереди. Забавное приключение перед принесением себя в жертву забавным быть переставало. И я откровенно не знала, что делать. Почему-то было стойкое чувство, что Вихо не откажется от меня, даже если Роутег... а не хочется думать, что может сделать Роутег. В конце концов, Вихо по крайней мере умел хоть иногда быть милым... Кого я обманываю? Он не умел. Как и Роутег.

Остановившись, закрыла лицо руками и долго сидела так, пока не услышала совсем рядом:

– Роутег приказал тебе вернуться.

Вскинула голову, увидела незнакомого оборотня на мотоцикле, который остановился рядом. И вот как он подъехал совершенно без звука?! Что это за мотоциклы такие?!

Ну, приказал так приказал, я развернула электрокар и помчалась к дому Повелителя... со скоростью пять миль в час. Медленнее эта хрень просто не ехала. Оборотень следовал за мной шагом. Он устал обгонять и возвращаться, плюнул, причем демонстративно, и теперь шел рядом, ведя своего стального коня за руль. Я ехала.

Но как бы ни растягивала время, наступил момент, когда все же подъехала к дому Роутега. Оставила электрокар, не вынимая ключей из замка зажигания, уныло пошла к строению, нехотя поднялась по ступеням, открыла дверь, вошла.

Надеюсь, он устал ждать и потому ушел, в смысле, Повелителя Истэка тут не было. И запаха леса больше не было. И даже свет нигде толком не горел. Нигде, кроме комнаты, в которой я поселилась. Предчувствуя малоприятное, поднялась по лестнице наверх, открыла шире дверь и... Роутег сидел на кровати, а перед ним лежали все мои вещи. Мои личные вещи. То, что я взяла из своего дома, отчетливо понимая, что больше никогда в него не вернусь. Это были мои личные вещи!

– Ты долго, – вытаскивая из рюкзака коробочку с ожерельем, подаренным мне Вихо, произнес Роутег.

– Я была бы очень благодарна, если бы ты не рылся в моих вещах! – Желание подойти и вырвать рюкзак из его рук сдержала с трудом.

Оборотень мрачно глянул на меня поверх моего же рюкзака, открыл коробочку, поднес к лицу, вдохнул, хмыкнул и произнес:

– Надевала всего раз. Забавно.

– Ничего забавного. – Я продолжала стоять в дверном проеме, с нескрываемой яростью глядя на него.

Роутег, словно впечатлившись демонстрацией моей злости, засунул коробочку обратно в рюкзак, небрежно отшвырнул его на край кровати,

после чего поднялся и сообщил:

– Ты понимаешь, насколько желанна?

Я не совсем поняла, к чему это было сказано, но оборотень объяснил все очень наглядно – он медленно подошел ко мне, пальцем поддел подбородок, вынуждая запрокинуть голову. С высоты своего роста заглянул в мои глаза, затем его взгляд, скользя по лицу, остановился на губах. Роутег с нескрываемым желанием глянул на них и снова посмотрел в мои глаза. Вопросительно посмотрел.

– Нет! – проговорила, отчетливо понимая, что, если он действительно этого захочет, на мой отказ не обратит ни малейшего внимания.

И от осознания своего полнейшего бессилия захотелось взвыть. Или забиться в истерике... или броситься прочь так быстро, как только смогу, или...

– Ты очень красивая, – хрипло произнес Роутег, его глаза мягко засияли серебром, – соблазнительная...

Большим пальцем он коснулся моих губ.

– Нежная...

Я дернулась, сбрасывая его руку с себя. Роутег усмехнулся, пристально глядя на меня совершенно холодными злыми глазами. Вожделение, интерес ко мне как к женщине? Как бы не так! Он если и затащит меня в постель, в процессе будет думать лишь об одном – как сильно это взбесит Вихо. И я бы позлорадствовала, вот только было очень горько и страшно. Очень страшно.

Несколько долгих, пугающе долгих секунд Роутег смотрел в мои глаза, а затем неожиданно спросил:

– Что привезти тебе, Мадди-цветочек?

– Ничего. – Я отступила на шаг, надеясь, что он сейчас просто уйдет, и все. Уйдет, и я останусь одна, мне безумно нравилось, к слову, быть одной... так безопаснее.

Роутег улыбнулся, а затем ледяным голосом приказал:

– Вернись на место!

Мне вдруг захотелось ощутить в ладони рукоять револьвера с разрывными пулями в стволе. Но его не было. Я была совершенно одна в доме с медленно звереющим оборотнем. Действительно звереющим – глаза Роутега по-звериному засияли желтым, на руках и груди резко обозначилась мускулатура, сам он чуть ссутулился. Затем вздрогнул, поднял руку, с некоторым недоумением глядя на нее... Резко выпрямился и молниеносно обернул трансформацию вспять. Снова взглянул на свою руку, затем опустил ее, пристально посмотрел на меня и хрипло произнес:

– Если я приказываю, ты должна подчиняться мгновенно. Уясни это сразу.

Я, едва дыша, смотрела на него, потому что, несмотря на обращенную трансформацию, его глаза продолжали тускло сиять желтым. А значит, передо мной сейчас практически зверь.

– Подойди! – хрипло приказал он.

– Р-роутег, – меня начало буквально трясти, – у тебя г-г-глаза... светятся.

Он нахмурился. Вновь поднял руку, внимательно осмотрел ее, сдавленно спросил:

– Сильно светятся?

Я кивнула. Он опустил ладонь, взгляд его метался по комнате, а потом словно прикованный остановился на мне.

И Роутега начало ломать.

Я не знаю, как иначе описать это, но, глядя на меня, оборотень вновь ссутулился, черты его лица заострились, мускулатура проявилась четко, тело стало напряженным, словно зверь готовился к прыжку. И взгляд... он, в отличие от тела, менялся медленнее, но становился заметно злее.

– Вернись на место, – с нескрываемой угрозой повторил Роутег.

Все, чего мне сейчас хотелось, – это развернуться и броситься прочь, сбежать, оказавшись как можно дальше, вот только я прекрасно понимала – догонит в считанные секунды. Или даже в одну секунду. А еще казалось, мне стоит только повернуться спиной, разорвать зрительный контакт, и зверь ринется в атаку.

– Я. Сказал. Вернись. На место! – прорычал монстр.

Очень медленно, не отрывая от него взгляда, сделала два шага вперед и замерла. Я подчинилась, сделала, как он и сказал, но почему-то именно моя покорность стала толчком для зверя. Стремительным плавным движением он словно перетек в пространстве, рывком настигнув меня, одной рукой обхватил за талию, второй, намотав волосы на кулак, заставил запрокинуть голову и, склонившись над вынужденной смотреть на него мной, прошептал, касаясь губами моей щеки:

– Ты пленница, – губы скользнули по скуле, – выказывать неповиновение несколько глупо с твоей стороны, ты не находишь?

Я уже ничего не находила, мне было просто безумно страшно. Все, что я успела в момент, когда он притиснул меня к своему телу, – это выставить ладони, в попытке его оттолкнуть, и сейчас я руками ощущала и его стальные напряженные мышцы, и хриплое дыхание, и биение мощного сердца.

– Вкусссная, – продолжил он, целуя теперь шею.

Нежно, едва касаясь губами, он целовал бережно, и это было диким контрастом в сравнении со стальным захватом волос, лишаящим возможности шевельнуться и вынудившим выгнуться дугой в его руках.

– Сладкая, – прижал к себе сильнее, намеренно давая ощутить, что движет им уже не только жажда мести, заставляя понять, насколько сильно он меня хочет, – кэтери... – коснулся языком ключицы.

И я не выдержала.

– Пожалуйста, – по щекам потекли слезы, – пожалуйста, не надо!

Роутег остановился.

Вмиг выпустил мои волосы, затем прекратил прижимать к себе, опустив руки. Я пошатнулась, но, едва он попытался поддержать, отпрянула в сторону, с трудом удержала равновесие, развернулась и бросилась в ванную.

Там, заперев дверь, включила душ и, как была в одежде, забралась под воду. Истерика накрыла уже там. Захлебываясь слезами, я смывала с себя все прикосновения, намыливая по двадцатому кругу лицо, шею, плечи, теряя кусок мыла и подхватывая его, чтобы уронить снова. Меня трясло, как в лихорадке, руки не слушались, и хотелось зареветь в голос, но я боялась. Боялась, что, если он услышит хотя бы всхлип, снесет дверь и ворвется сюда...

– Маделин! – голос Роутега донесся из-за запертой двери, перекрывая шум воды.

Я замерла, в очередной раз выронив мыло.

И вдруг...

Самым непостижимым образом я вдруг услышала будто совсем рядом, словно кто-то прошептал, касаясь виска: «Маделин... Мадди...»

Наверное, истерика достигла апогея, потому что, вместо того чтобы испугаться, я подавила очередной всхлип и тихо спросила:

– Что?

Ответил мне Роутег, зло сообщив:

– Я жду внизу. Пять минут. Спускайся.

От его тона, от мысли, что придется вновь оказаться рядом с ним, меня затрясло снова, задрожали руки, и тут...

«О, наконец вы меня слышите. Замечательно. Здравсуйте, Маделин, как самочувствие?»

Первое, что я сделала, – это посмотрела в зеркало. В нем отражалась совершенно мокрая и местами покрытая пеной я, на которую сверху лилась вода. Должна признать, я выглядела немного сумасшедшей, особенно если

учесть пену вокруг рта.

«Во-первых, должен сообщить – вы совершенно нормальны», – слегка иронично продолжил все тот же голос в моей голове.

– Правда? – Лично у меня в этом появились сомнения.

«Гарантирую. – Я услышала, как хмыкнул неведомый собеседник. – Во-вторых, что бы ни происходило сейчас, относитесь к этому проще, в данный момент мы не ставим целью вас вытащить, самостоятельно вам из петли не выбраться, ваша задача лишь обозначить для меня ваше местонахождение».

Нервно стерев пену со рта, я одними губами спросила:

– А вы... кто?

«Вампир», – последовал краткий ответ.

Наверное, я зря стерла пену – сумасшествие до меня явно добралось, а так с пеной оно выглядело... определеннее, что ли.

– Вампир, значит, – протянула, глядя на отражение в зеркале большими круглыми глазами.

«А вы полагаете, что кому-либо иному удалось бы наладить с вами ментальную связь?» – язвительно поинтересовался он.

– Нет, – я поднялась, выключила воду, – я полагаю, что вампиров не существует и происходящее сейчас – плод моего больного воображения.

«И оборотни тоже плод вашего воображения, Маделин?» – с интересом спросил он.

– Хорошо бы так...

«Полностью разделяю вашу точку зрения, можете считать меня расистом, но я и сам не слишком жалую „блохастых“. Где вы сейчас, Маделин?»

Идиотский разговор. Но почему-то я все равно ответила:

– В доме Роутега.

Секундное молчание – и сокрушенное:

«Это плохо, Мадди. Давно вы там?»

– С момента прибытия в этот город.

«Паршиво. Как вы себя чувствуете сейчас?»

Почему-то сказала правду:

– Мне очень страшно.

«Я понимаю», – в его голосе больше не было ни иронии, ни насмешки, тон совершенно серьезен.

А затем он спросил:

«Вам пришлось пережить насилие, Маделин?»

И я медленно сползла обратно в воду. Как же точно он охарактеризовал

случившееся, и как же больно от этого было.

«Не молчите, Маделин, – голос словно совсем рядом, кажется, стоит обернуться – и понимающий мужчина будет стоять за твоим плечом, – мне нужно знать ответ».

И я прошептала:

– Да.

«Я очень сочувствую вам. Он оставил укусы на шее или же на внутренней стороне бедер?»

Что?!

– Нет!

«Это радует. Значит, шансы вытащить вас остаются на прежнем уровне».

– И каковы же мои шансы? – поинтересовалась я.

«Один к двадцати на данный момент», – совершенно спокойно ответил мой неведомый собеседник.

Называть его вампиром язык не поворачивался.

– Звучит не слишком оптимистично, – была вынуждена признать я.

«Бывало и хуже. – Мне вдруг подумалось, что он где-то там улыбнулся уголком рта. – Если Адэхи действовал согласно плану, мы вытащим вас уже сегодня ночью. Но пока я не получил отчет от него, обнадеживать рано».

– Адэхи, – протянула я, вспоминая старейшину и его разговор с Роутегом. – Отчет я могу вам предоставить и сама – у него ничего не вышло... или вышло, тут уж как посмотреть – Повелитель Истэка согласился отдать меня только после того, как попользуется мной сам и устроит развлечение мной же для своей стаи.

На душе стало так горько.

«Что ж, этого следовало ожидать, – спокойно произнес мой собеседник. – Я искренне сочувствую вам, Маделин, но надеюсь, вы понимаете, что насилие – это не конец жизни. Постарайтесь успокоиться, я вытащу вас оттуда, и вы забудете о случившемся. Вы сильная девушка, вы сможете».

От его слов почему-то легче мне не стало.

– Вы рассчитывали, что Адэхи сумеет убедить Роутега вернуть меня?

Голос с готовностью ответил:

«Нет. У него была другая конкретная цель. Я жду отчета от него, но предпочитаю не полагаться на „блохастых“. Если бы действовал мой брат, результат был бы гарантирован. В любом случае я вас вытащу, Маделин, вопрос времени».

Звучало крайне профессионально.

– А вы вообще кто? – решила я повторить вопрос. – Опуская вашу... мм... расовую принадлежность.

«Специалист по решению проблем».

Ответ поразил.

Мой неведомый собеседник дал мне некоторое время на осознание сказанного им и иронично добавил:

«Делаю безвыходные ситуации решаемыми».

– Вы серьезно? – переспросила я.

«Более чем».

Я поднялась, вылезла из ванной, села на ее бортик и, глядя на устремившиеся от меня к сливу ручейки воды, задала вопрос, задавать который, если честно, не хотелось:

– И... на кого вы работаете?

«На себя. – Мне вновь показалось, что он улыбается. – Но иногда меня приглашают для решения наиболее сложных проблем».

– И... кто же пригласил вас решить проблему со мной?

«Мои услуги по карману лишь одному „блохастому“», – снова полуирония в голосе.

– Вихо? – мой голос дрогнул.

«Вы хорошо знаете мир оборотней».

То есть ответ утвердительный.

И в этот момент дом сотрясло громовым:

– Маделин!

Я вцепилась в края ванны, пытаюсь унять дрожь в руках. Разговор с... вампиром был увлекателен настолько, что я практически забыла про Роутега, жаль, он обо мне не забыл.

В следующее мгновение сильным ударом с петель была сорвана дверь! Она с грохотом рухнула на плитку, устилающую пол ванной комнаты, являя Роутега, стоящего в дверном проеме...

«Маделин, что происходит?» – прозвучал встревоженный шепот.

Оцепенев от ужаса, я затравленно смотрела на взбешенного зверя. В нем мало что осталось от Роутега, в нем не было ничего человеческого... Но если в первую секунду в желтых глазах светилась ярость, то стоило оборотню скользнуть взглядом по мокрой, облепившей мое тело одежде, как агрессия сменилась абсолютно другим инстинктом. И я совершенно отчетливо поняла, что насилия мне действительно не избежать...

«Я ощущаю ваш ужас, Маделин. И, учитывая ситуацию, догадываюсь о его причинах. Мне очень жаль. Я не могу в данный момент защитить вас от этого, но постараюсь уменьшить урон для психики. Закройте глаза», –

произнес мой ментальный собеседник.

Я не успела последовать его совету, да даже понять, о чем он, как вдруг накатилась тьма. Еще какой-то миг я оставалась в сознании и ощутила, как соскользнула с бортика ванны, как меня подхватил Роутег, как прижал к себе, прежде чем начал трясти, пытаясь привести в чувства...

А вот потом сознание действительно уплыло.

* * *

Переместилось!

И оказалось, что я сижу в укутанном полумраком кабинете за широким тяжелым дубовым столом, в уютном мягком кресле. В руке стакан с чем-то терпко-алкогольным, комнату наполняет запах новой кожи, за окном сияют огни большого города...

Дверь неожиданно открылась, и в помещение вошла женщина, бесшумно скользнув в объятия сумрака. Свет остался там, за дверью, но доли секунды хватило, чтобы заметить точеную фигурку женщины, мягкую волну волос до талии, изящные ладони с длинными пальцами и туфли на умопомрачительно высоком каблуке.

– Аделард? – позвала она, бесшумно и мягко ступая к столу.

Рука, которая до этого момента казалась мне моей рукой, поднялась, прижимая палец к губам, и я с изумлением поняла, что эта ладонь явно принадлежит мужчине.

– Аделард, – в ее голосе послышались ворчливые нотки с явно проскальзывающим недовольством, – ты все же взялся за это дело! Зачем?!

– Исчезни! – одним-единственным словом ответила я.

Не я. Тот, в ком я сейчас существовала.

Ужас сковал по рукам и ногам, а затем сумрак, окутывающий комнату, хищным зверем метнулся ко мне...

* * *

– Нет! – Я вскрикнула и распахнула глаза.

В первый момент не поняла, где я, пока не наткнулась взглядом на Роутега. Оборотень сидел на краю постели, с тревогой глядя на меня. А я – на него, с нарастающим страхом вспомнив все, что произошло.

– Успокойся, – потребовал он.

Я дрожала всем мокрым телом, в мокрой одежде, которая явно намочила и кровать. Роутег сгорбился, упершись локтями в колени, опустил голову и провел руками по волосам.

– Наверное, ты считаешь, что я должен извиниться, – тихо произнес он, – но извинений не будет. Я в своем праве... Единственное, что бесит, – не могу перестать ассоциировать тебя с Вихо. Для меня ты – его слабое место. Его душа. Его сердце... Мою женщину он отдал на потеху своей стае, своим... На ее теле не было живого места... Я с содроганием думаю о том, каково ей пришлось перед смертью.

Он растер лицо, помолчал, затем тихо заговорил:

– Я понимаю, что твоей вины в этом нет. Понимаю, что тебе страшно, ты ничего не знаешь о нашем мире, и... бесит, что ты оказалась... И ведь до тебя это даже не доходит... – Он поднялся, начал мерить нервными шагами комнату и продолжил: – Чисто теоретически – ты кварталон. В тебе четверть нашей крови, и, по идее, в момент прикосновения она должна была проснуться. Но почему-то этого не происходит.

Роутег остановился и зло спросил:

– Ты что-нибудь чувствуешь, глядя на меня?

Я испуганно вжалась в кровать.

– Что-нибудь помимо этого гребаного ужаса?! – вспыхнул оборотень.

Затем стремительным рывком приблизился, навис надо мной, упираясь руками в мокрое покрывало по обе стороны от меня, и прорычал:

– Должно же быть хоть что-то, Маделин! Симпатия, интерес, желание? Черт возьми, ты же оборотень! Оборотни чувствуют свою пару, Маделин, должны чувствовать!

Я едва дышала. И да, я чувствовала: дикий первобытный ужас, и этот ужас накрывал с головой.

– Маделин... – простонал Роутег, всматриваясь в мои глаза, ища в них что-то и не находя.

А затем резко, рывком, выпрямился, с бессильной яростью глядя на меня, и тихо произнес:

– Единственная причина, по которой ты еще не стонешь подо мной, – твоя кровь. Это тяжело выносить, мой самоконтроль летит к чертям, но... я все еще надеюсь, что твоя кровь откликнется.

Он развернулся и направился к дверям.

Остановился у выхода, обернулся и глухо добавил:

– Я не хочу, чтобы для тебя это было шоком, поэтому предупреждаю заранее – когда я вернусь, ты станешь моей. Прости, но я дал тебе столько времени, сколько мог.

И вот с этими словами Роутег ушел.

Я осталась сидеть, дрожа и от ужаса, и от холода.

Сидеть ровно до того момента, как услышала все тот же шепот в темноте:

«Маделин, вы меня слышите?»

Я ничего не слышала, сердце оглушающе билось, руки дрожали, а все мысли были даже не обо мне.

«Маделин?»

Я думала о той, другой девушке, что жила в этом доме. Для которой строился этот дом... Которая больше никогда не войдет в его двери... «На ее теле не было живого места»...

«Маделин, вы пугаете меня» – шепот, от которого дрожь прошла по телу.

– А почему вы взялись за это дело, Аделард? – тихо спросила я, зябко обхватив плечи руками.

Пауза, и я словно ощутила, как он делает глоток виски из стакана, который держал в руке. Мне показалось, что я чувствую запах.

«Та-а-ак, – протянул вампир, – вы были во мне?»

– Это так называется? – Я чувствовала себя раздавленной и растоптанной.

Он помолчал, затем ответил на заданный первым вопрос:

«Мне показалось это интересным».

– Почему?

«Вытащить вас – практически невыполнимая задача, я люблю сложные дела».

Забавно чувствовать себя «сложным делом». С другой стороны, меня хотя бы пытаются вытащить, а ее... Что было с ней?

«На ее теле не было живого места»...

Бедная девочка, бедная невинная девочка, за что с ней так?! Как можно было?! Хотя о чем это я – это же Вихо. Последнее, что его в принципе интересует, – жалость к кому-либо. Вот и ее он не пожалел... и меня не пожалеет.

«Маделин?» – вновь позвал меня специалист по решению проблем.

– Я не хочу к Вихо... – Наверное, только произнеся это, я поняла, что на самом деле сказала.

Мой собеседник помолчал, затем задумчиво произнес:

«Странно, заказчик информировал меня о том, что у вас как минимум шесть причин искренне желать воссоединения с ним».

Шесть причин? Какие же... И тут я поняла – папа, мама, двое братьев

и две мои сестры. Шестеро! Какого...

– Дьявол! – невольно выругалась.

О чем я только думаю? Как вообще могла забыть об этом?! Черт... черт, черт! Так, ладно, собраться и действовать.

И, решительно выдохнув, прямо спросила:

– Что я должна делать?

Аделард вновь взял паузу, на этот раз весьма длительную, я продрогла, пока ждала его ответа, а затем произнес:

«Моя задача – вывести вас из петли, в вашу реальность, Изнанку или Серые Грани, то есть в пределы досягаемости главы клана Волка».

Хорошая задача, ничего не скажешь.

– Здесь зыбучие пески вокруг, – сообщила своему «спасателю».

«Хуже, чем зыбучие, – они одушевленные».

– Даже так? – Я отправилась в ванную, на ходу расстегивая рубашку.

Мне хотелось сейчас расплакаться, но я понимала – это бесполезно. Бесполезно рыдать и страдать, моя жизнь в обмен на жизнь отца – правила не изменились. И от этого так тошно и страшно.

«Что вы знаете о мире, в который собираетесь вступить полновластной правительницей?» – спросил Аделард.

– Только то, что ничего знать о нем не хочу, – призналась я, остановившись на пороге ванной комнаты.

Дверь валялась на полу. Придется мыться так.

Шепот в темноте больше не раздавался достаточно долгое время. Я и не звала, потеряв к нему всякий интерес. Быть изнасилованной Роутегом, несомненно, страшно, но попасть в руки того, кто с легкостью угрожал всей моей семье даже сейчас, когда я в недостижимости для него, казалось еще страшнее. Я забралась под душ, включила воду и просто стояла, подставляя лицо струям воды, и позволяя им смыть глупые слезы. Хотя к чему плакать? Моя жизнь изначально принадлежала клану Волка, о чем Вихо однажды с усмешкой и сообщил мне. Как оказалось, в ту ночь они пришли не за жизнью моего отца – а за всеми нами. Полукровки клана могли находиться только в клане, и им, в отличие от чистокровных оборотней, было запрещено покидать его границы. Мой отец это правило нарушил, расплата за подобное – смерть, смерть полукровки и его потомства. Так что плакать не имело смысла.

«Маделин».

Я вздрогнула и обернулась. Боже, такое ощущение, что этот вампир говорит рядом со мной, стоя за левым плечом и нашептывая, касаясь дыханием шеи.

«Роутег покинул территории клана», – сообщил Аделард.

Я выключила воду и потянулась за полотенцем, предчувствуя, что вот сейчас и начнется экшн.

Не ошиблась.

«Я все еще жду ответа от старейшины, в любом случае выходите из дома и двигайтесь в сторону сада. Побег сегодня невозможен, но попробуем просчитать вероятность».

– Хорошо.

Из одежды у меня оставались только брюки и длинная, до середины бедра, майка, остальное нуждалось или в стирке, или в сушке. Развесила как могла мокрое в комнате, собрала волосы, надела мокрые кроссовки, в очередной раз обругав себя за истерику, и попыталась покинуть негостеприимный дом Роутега.

Выходов было два – через холл и через кухню, я предпочла второй.

На заднем дворе обнаружился огромный бассейн. За бассейном был небольшой сад с системой прудов, которые переливались один в другой посредством водопадов. Когда я перепрыгивала очередной прудик, из него мне радостно оскалился аллигатор. Не ограничившись обменом любезностей, он поспешил за мной, видимо желая продолжить знакомство, более того, перевести его в гастрономическую плоскость. Я же, пользуясь преимуществом пересеченной прудами местности, быстро увеличивала между нами расстояние, а когда сад закончился, мой чешуйчатый знакомец не сумел его покинуть, ввиду наличия стального ограждения, чем был сильно раздосадован.

Я тоже оказалась не слишком счастлива, так как едва, перелетев ограду, врезалась в даже не пошатнувшегося знакомого мне оборотня. Хотелось бы поверить, что это какой-то другой, просто блуждающий в темноте оборотень, но мужик голосом Кела произнес:

– Ты что тут делаешь?

Похоже, Роутег решил не оставлять меня без охраны. Предусмотрительно. Вцепившись в оборотня, я постояла, стараясь отдышаться, и сообщила:

– Совершаю вечернюю пробежку.

В ограду за моей спиной печально бился мой новый земноводный друг.

– Аллигатор? – удивленно спросил Кел. А затем – обвинительно: – Откуда?!

Так как меня все еще трясло и в целом нехорошо как-то было, я язвительно ответила:

– Мой. В рюкзаке притащила. И вот выпустила, в надежде, что сожрет кого-нибудь.

– Ха-ха, – иронично прокомментировал Кел.

После чего отодвинул меня с пути, просто взяв за плечи, подняв и опустив в шаге от того места, где я стояла, внимательно посмотрел на пресмыкающееся и задумчиво протянул:

– Никогда не ел аллигатора.

Зеленая образаина оказалась на редкость сообразительна, и через мгновение в темноте, стремительно удаляясь, поблескивал хвост улепетывающего создания. Кел, совершенно не обратив внимания на побег, поинтересовался у меня:

– А ты ела?

– Аллигатора? – уточнила нервно.

– Да.

– Конечно, – бодренько солгала я. – На вкус как курица.

Оборотень пожал плечами и произнес:

– Люблю курицу.

После чего направился в сад, кажется за «курятинкой». Из темноты крикнул мне:

– Иди в дом.

– Всенепременно! – крикнула я, делая шаг в совершенно ином направлении.

– В дом! – раздалось безапелляционное.

Обойдя сад по периметру, я миновала бассейн, тоскливо глянув на него, и вошла через дверь на кухню. Войдя, обнаружила на столе массу пакетов с продуктами и сырым мясом, подавила желание найти что-нибудь сунуть в рот, и, как выяснилось, правильно сделала. Потому что хлопнула задняя дверь и на кухню вошел Кел, неся зажмурившегося и явно молящегося всем своим богам аллигатора. Последний был футов в пять в длину, упитанный, зеленый, на удивление чистый. И да – перепуганный, как и я.

– Я еще не разделял аллигаторов, – произнес оборотень, швыряя нашего чешуйчатого друга на пол.

Земноводное шлепнулось с глухим звуком и застыло, притворяясь мертвым, видимо в надежде, что мертвичину никто есть не будет. Почему-то в душе шевельнулось что-то похожее на сочувствие.

– И ты его сейчас... – начала было я, глядя на аллигатора.

– Вполне возможно, что и сейчас, но лучше потом, – усмехнувшись, ответил Кел.

Затем подошел ко мне, ловко вытащил из моих волос прутик и пару листочков, выразительно глянул на кроссовки, облепленные травинками, заглянул в глаза и спросил прямо:

– Попытка побега?

Я выразительно развела руками, мол, жизнь и все такое и каждый крутится как может.

Укоризненно покачав головой, Кел произнес:

– Я просто принес продукты из магазина и сейчас еще в один заскочу. А вот о том, что ты в бодром темпе двигаешься через сад прочь от дома Повелителя, были осведомлены оба твоих охранника, и не вмешались они только потому, что не хотели тебя пугать и знали, что я иду. Это я к тому, что тебя охраняют, поняла?

Я все поняла и угрюмо кивнула.

– Скоро буду, – сообщил Кел, разворачиваясь и оставляя меня одну.

Точнее – не одну!

Едва оборотень вышел – аллигатор открыл глаза. В холодных очах хищника промелькнул зверский голод...

– Кел, – рывком забираясь на стол, крикнула я, вмиг растеряв всяческое сочувствие к образине, – так ты его скоро будешь разделять?!

Аллигатор повернулся ко мне. Внезапно стол перестал казаться достаточно высоким, а мое положение безопасным. Ко всему прочему, оборотень на мой крик не отозвался.

– Кел! – повторно крикнула я, едва кое-кто на полу зашевелился. – Кто-нибудь!

Тишина!

Нет, когда я пыталась сбежать, охранники это слышали, а сейчас ноль реакции. И тут аллигатор издал жуткий звук! Что-то среднее между лаем и утробным ревом! От этого рева стол задрожал! А монстр, держа пасть полуоткрытой, еще и двинулся в мою сторону.

Я не знаю, каким образом сработали инстинкты, но они сработали, и в крокодила полетел кусок мяса, выхваченный мной из пакета. Кусок был столь объемный, что мне лично хватило бы недели на две – скотиняка сожрал его за мгновение и вновь уставился на меня голодными глазами... Я снова потянулась к пакетам.

Минут за пять аллигатор сожрал все: мясо, булочки к чаю, большие сладкие перцы, кукурузу, какие-то лепешки, яблоки – все, что было! Когда уже ничего не осталось, сыто икнув, зарычал снова, после чего развернулся хвостом ко мне и потрусил к дверям, ведущим на задний двор.

– Нажрался наконец! – воскликнула, обрадовавшись, я.

– Нет, меня увидел, – раздалось меланхоличное от двери.

Я повернулась – в дверном проеме стоял раздосадованный Кел, за ним – несколько плечистых, явно в возрасте оборотней и еще какой-то седой мужик. Крокодил попытался незаметно смыться, но преграда в виде двери не поддавалась.

Виновато посмотрела на Кела, на кучу пустых, нервно выпотрошенных пакетов, снова на Кела. Тот, устало, на меня, после чего озвучил:

– Повторно за продуктами я не пойду, так что выбирай – или мы едим аллигатора, или ты готовишь ужин.

– Из чего? – спросила, пытаясь слезть со стола и примериваясь, как бы это попроще сделать так, чтобы не опозориться еще больше перед присутствующими.

– Это хороший вопрос, – отозвался оборотень.

Неловко прыгнула на пол, обреченно посмотрела на пустые пакеты, бросила злой взгляд на аллигатора, который, осознав, что смыться не получится, снова изображал смерть, на этот раз основательно сытую, и сдалась:

– Я готовлю ужин, ты не убиваешь аллигатора.

С этими словами прошла мимо посторонившихся оборотней, уныло думая о том, что придется опять навязывать хозяину лавки деньги.

Вышла на порог, Кел последовал за мной.

– Ты как? – спросил он меня, заодно и волосы рукой приглаживая.

– Замечательно. Ты вообще очень коварно смылся и на мои вопли не реагировал.

Кел промолчал, глядя на меня с улыбкой.

– То есть слышал? – догадалась я.

– Аллигатор тебя в любом случае не тронет, я это знаю.

Скептически посмотрев на него, задала резонный вопрос:

– Откуда?

Кел обезоруживающе улыбнулся, сверкнув белозубой улыбкой, и произнес:

– Видимо, старейшина предположил в тебе что-то особенное, вот и перенес сюда живность, наложив чары и поставив целью основательно и масштабно поугубить тебя, чтобы заставить или обратиться, или эти способности проявить.

– Способности?

Пожав плечами, оборотень пояснил:

– Никто не верит в то, что интерес Вихо к тебе бескорыстен, особенно

старейшины. Роутег полагает, что это не единственный сюрприз, и его бесит сама мысль, что кто-то применил магию на его территории, так что мы все найдем и уничтожим, не переживай.

Все любопытней и любопытней.

– Знаешь... ты мог бы как минимум предупредить, что аллигатор не нападет, – проворчала я, размышляя над тем, не было ли это сотворено старейшиной по приказу Аделарда.

Кел на это ничего не сказал, напротив, поинтересовался:

– Животину тебе оставить или все же попробуем его на вкус?

Я хотела было ответить, но в этот момент внимание привлекло движение на колонне... В следующее мгновение на Кела плавно опустился огромный черный паук...

Оборотень, заметив мое оцепенение, поднял руку, перехватил многоногое создание за паутину, паук и оборотень посмотрели друг на друга, разом скривились... нет, я не знаю, скривился ли паук, но Кел точно. После чего, тяжело вздохнув, мне сообщили:

– Вот и еще один, пойду посажу в коробку, поищу какую-нибудь. Ты, если что, не бойся, у них цель напугать, а не причинить вред.

Я потрясенно кивнула.

Оборотень ушел в дом вместе с паучком размером с его ладонь.

Я осталась стоять.

Вспомнила аромат леса, примерно так сообразила, что влияние старейшины, вероятно, распространилось на весь дом Роутега.

И вдруг вместе с порывом ветра до меня донесся уже знакомый шепот в темноте:

«Маделин, мне очень жаль, но факт о недопустимости доверия „блохастым“ подтвердился... в очередной раз. Адэхи использовал магию не так, как следовало. В результате в ближайшее время вы будете... атакованы многочисленными представителями фауны».

– Оч-чень своевременное замечание, – съязвила я.

Из дома донесся голос Кела:

– Мадди, ты с кем разговариваешь?

– С аллигатором, – да, повторно съязвила.

А мой собеседник неожиданно также съязвил в ответ:

«Лучше поздно, чем никогда, вы не находите?»

Или мне казалось, или же он улыбался сейчас.

«Вреда вам никто не причинит», – добавил уже гораздо серьезнее.

– Спорное заявление, – вспомнив о Вихо, печально ответила я.

И спустилась по лестнице.

Над городом койотов царила ночь, в небе сияли звезды, причем как-то излишне ярко сияли. Присмотрелась – такое ощущение, что мы переместились ближе к экватору. Странно.

– Маделин, ты собиралась за продуктами, – напомнил Кел. – Или мне приготовить аллигатора?

Последний, словно осознав, что над ним нависла угроза, заскрежетав когтями по полу, вывалился из дома и потрусил ко мне. Передвигался он очень шустро, так что я потопала, ускоряясь, прочь от опасного дома.

Аллигатор спешил за мной, двигаясь все быстрее.

Я побежала.

Аллигатор ускорился, нагоняя.

Я пробежала через весь город, миновав всяческие лавки и наплевав на необходимость купить продукты.

Аллигатор не отставал, не знаю, как на счет «не причинит вреда», а вот догнать очень хотел.

Я подумала и побежала дальше, решив предпринять попытку смыться из города с его щедрыми на сюрпризы старейшинами.

Аллигатор решил меня не бросать.

Я взбежала на пригорок, оглянулась – идеальный город уютно сиял огнями.

Аллигатор не оглядывался он преследовал.

Я помчалась по дороге прочь.

Аллигатор – за мной.

Дорога кончилась, оборвавшись на очередной дюне.

Я остановилась, аллигатор – нет.

Я побежала вперед, смутно припомнив про зыбучие пески, которыми угрожал Роутег. Оглянулась и заметила странность – аллигатор остановился.

В следующий миг моя нога по колено провалилась в песок, и я в ужасе отпрянула, потом и отползла от опасного места. Аллигатор стоял.

Я поднялась, подумала, двинулась вправо, обходя преграду, выглядевшую типичным совершенно неопасным песком.

Аллигатор пошел за мной.

Вдруг остановился, причем на моем пятнадцатом шаге.

Хм...

Подумала, сменила направление, пошла чуть влево.

Аллигатор – за мной.

Шагов через сорок резко остановился.

Я тоже остановилась, и тут... и тут до меня дошло – животное

чувствует, где зыбучие пески, и не идет туда!

В первый миг это было просто удивление, ну и радость от догадки, а вот затем я сообразила, что для меня означает это открытие!

– Аделард, – позвала тихо.

В ответ тишина и никакого шепота в темноте.

– Адела-а-ард...

Снова тихо. Ну, видимо, спасение утопающих – дело рук самих утопающих – все как всегда. Что ж, кое-что мне удалось выяснить, к примеру то, что сбежать отсюда можно, ориентируясь на поведение следующего за мной аллигатора. Последний, к слову, подошел ко мне, плюхнулся на песок у моих ног и угрожающе зарычал.

– Жуткий ты, – и пусть не вежливо, зато правда, – вот и будешь Жутей.

Жутя притих, видимо впечатлившись именем. Я же еще раз оглянулась на город, затем посмотрела на пустыню – ночь только началась, до рассвета времени порядочно, а задерживаться тут у меня лично нет ни резона, ни повода.

– Пошли, Жутя, нас ждут великие дела, – решила я.

И кто знает, как окончилась бы эта ночь, если бы не прозвучавший в темноте вопрос:

– Это какие?

В следующее мгновение подъехал Кел, передвигаясь на бесшумном мотоцикле, посмотрел на меня и весело поинтересовался:

– Продуктовый магазин ищешь?

– Ага, – соврала, догадываясь, что мне явно не дадут совершить побег века.

– Ты не поверишь, но все магазины у нас расположены в городе, а не вне его, – съехидничал оборотень.

– Что, серьезно? – Я тоже ехидничать умею.

– Представь себе. – Кел сверкнул улыбкой. – Ну что, возвращаемся или будешь продолжать попытку побега?

Я расстроилась.

Нет, ну правда, как-то расстроилась. Обидно просто, вроде только нашла способ определить, где зыбучие пески, а где нет, и тут это.

– Не грусти, – Кел протянул руку, – забирайся, покатаю. Тебе понравится, – пообещал он.

Решила поверить. Забралась позади него на мотоцикл, схватилась за Кела, и мы сорвались с места, направляясь к ближайшей дюне. Нам вслед что-то печально прорычал Жутя.

Взлет на гору из песка, и под мой испуганный визг падение в

пропасть... Ну не падение, мы съехали, но подпрыгнув, так что почти как падение. Кел рассмеялся и крикнул:

– Держись крепче!

И помчался дальше, еще быстрее! Ветер свистел в ушах, мы взлетали и падали, потом Кел повернул к городу, но вместо того, чтобы въехать в него, свернул к лесу.

– Мы к озеру? – перекрывая шум ветра, спросила я.

– Нет, но тебе понравится, – заверил оборотень.

Мы промчались по кромке леса и подъехали к массивным воротам, которые открылись, стоило мотоциклу приблизиться вплотную.

– Для детей и женщин этот путь закрыт, – сообщил Кел. – Но я покажу тебе то, что в принципе безобидно. Обещаешь держаться крепко?

Я прижалась к нему сильнее.

– Держись, – еще раз напомнил Кел.

И мотор, до этого работавший совершенно бесшумно, вдруг оглушительно взревел, а мотоцикл помчался так, что я, зажмурившись, вжалась в оборотня, боясь открыть глаза. И не зря – мы взлетели, и на этот раз свободное падение продолжалось гораздо дольше, как и последующие взлеты и, естественно, последующие падения. В какой-то миг я, приоткрыв один глаз, увидела в неясном свете луны крутые скалы, блеск моря вдали и гряды гор, но это показалось мне слишком фантастическим зрелищем, и все дальнейшее время я лишь замирала от восторга, прижимаясь к Келу и откровенно наслаждаясь безумной ездой.

А потом мы остановились, мотор стих, и Кел весело спросил:

– Ну как?

– Здорово, – отлипая от его спины, прошептала я.

– Так и знал, что ты оценишь. Давай посидим немного, нужно, чтобы мотор подостыл.

Я огляделась – мы находились где-то на утесе, на краю которого росло одинокое дерево, протекающий у корней исполина ручей срывался в пропасть. На небе сияло три луны...

Три!

– Не спрашивай. – Кел слез с мотоцикла, помог спуститься мне. – Смотри и наслаждайся. Знаешь, иногда стоит просто ловить момент.

Ловить момент?

Я, не отпуская сильной ладони оборотня и практически ведя его за собой, дошла до края утеса... заглянула вниз... Там, под горой, раскинулась огромная долина с реками-змеями, поблескивающими в свете лун, с городами и дорогами, с лесами, полями...

– Невероятно, – прошептала потрясенно.

– Территории стаи Северных Гор, – сообщил Кел, становясь за мной и обнимая за плечи.

Я не особо поняла, но решила уточнить:

– Это ваша... стая?

– Нет. – Кел притиснул меня к себе сильнее, так что мы как бы поменялись ролями, то я к его спине прижималась, то теперь он к моей. – У нас не стая, мы клан Истэка, у нас отсутствует полновластная третья ипостась, а впрочем, тебе это вряд ли интересно.

– Очень интересно, – заверила я. – Так если не ваша, то это стая Вихо? Парень рассмеялся, наклонился к моему уху и прошептал:

– Нет, клан Волка занимает Великую степь, а мы, как видишь, в горах. Да, похоже, я все еще очень мало знаю об оборотнях.

В этот миг внизу раздался громкий вой, отразившийся от скал и разнесшийся эхом по горам. Я прислушалась, Кел произнес:

– Начали обход территорий.

– Кто?

– Волки. – Дурацкий у нас какой-то выходил разговор. – Посидим здесь или поедем еще покатаемся?

Я бы предпочла передохнуть, поэтому осторожно отступила от края утеса, вынуждая и Кела совершить шаг назад. Отошла было от оборотня... подумала, вернулась, взяла его за руку, так как-то спокойнее и надежнее было, потянула к дереву, и там мы устроились на одном из самых крупных корней. Сняв кроссовки, дотронулась пальцем ноги до протекающего ручья... На удивление вода оказалась теплой, так что я беззастенчиво опустила обе ступни в воду. Запрокинув голову, посмотрела на луны. В зоне видимости сейчас были все три.

– Красиво, – выдохнула совершенно искренне.

– Мое любимое место, – поделился Кел.

Внезапно футах в двадцати раздался шорох, затем несколько камешков, покотившись, сорвались в пропасть. Я оглянулась в направлении шума и содрогнулась – три огромных волка стояли в полумраке отбрасываемой скалой тени и смотрели на нас. Нервно сглотнув, попыталась выдавить хоть слово, но оборотень успокоил:

– Они тут лишние, сейчас уйдут.

И действительно, волки отступили бесшумно и пятясь назад, но вот до нас донеслось ворчливое:

– До Ночи весенних песен еще десять суток.

– Именно поэтому я и простил вам вторжение, – тихо ответил Кел.

В темноте хмыкнули.

А потом неожиданно из мрака выступило трое монстров, при виде которых я интуитивно прижалась к Келу, и плевать, что веду себя явно нескромно. Монстры были огромны! Стоя на двух ногах, они поражали черной шерстью, человеческим торсом, также покрытым густой шерстью, человеческими мускулистыми руками и огромной волчьей пастью!

– Вторая ипостась, – меланхолично сообщил мне Кел. И враждебно спросил у явившихся: – Чего?

Монстры, несколько замявшись, переглянулись, и самый крупный произнес, словно ни к кому не обращаясь:

– Говорят, Роутег чужую женщину украл.

Испуганно напряглась, но Кел, незаметно обняв, вдруг взял и пощекотал живот, не так, чтобы щекотно, но как-то настолько по-детски, что я улыбнулась и напряжение отпустило.

– Кто говорит? – меж тем продолжил беседу Кел.

– Да все практически, – сообщил монстр.

– А я говорю? – поинтересовался оборотень, прижимая меня к себе чуть сильнее.

– Нет... ты не говоришь... – замялось чудовище.

– Тогда с чего бы вам у меня подробностями интересоваться? – Резонный вопрос, кстати.

У говорившего с нами сверкнули глаза, и он прорычал:

– Так не у Роутега же спрашивать!

– Мне ничего не известно, – ровным голосом соврал Кел.

Чудища другого мира переглянулись снова, хотели было что-то еще сказать, но передумали и бесшумно исчезли в темноте. На нас опустилась тишина, нарушаемая лишь шумом журчащей воды.

– Кел, а... – начала было я.

Но оборотень ловко закрыл мне рот рукой, наклонился и прошептал у самого уха, щекотно касаясь кожи губами:

– У оборотней невероятный слух.

Все ясно. Я решительно вырвалась из его ставших основательно чрезмерными объятий, отсела подальше... вспомнила, где мы, вернулась на место и начала задумчиво постукивать по дереву пальцами. Кел молчал. Я, соответственно, тоже. Потом взяла его за руку, поднялась, все так же крепко держась, начала разглядывать долину. А отпускать Кела боялась, потому что было такое ощущение, словно сделаешь еще шаг – и рухнешь вниз.

– Пора возвращаться, – произнес Кел и тоже плавно поднялся.

Обратила внимание, что отслеживаю его движения с каким-то внутренним чувством восхищения. Словно слежу за хищником. Оглянувшись на него – оборотень не сводил с меня тяжелого взгляда и в то же время как-то мечтательно мягко улыбался. Я улыбнулась в ответ и заметила:

– Ты ведешь себя так, словно у нас свидание.

Кел рассмеялся и тихо подтвердил:

– У нас свидание.

После этих слов захотелось вырвать свою ладонь из его ладони и принять гордый независимый вид, но... но мало что могло бы заставить меня отпустить здесь его руку, поэтому я слегка язвительно ответила:

– Надо же, я и не знала.

Он шагнул ближе, встав вплотную к моей спине, и прошептал, шевеля дыханием мои волосы:

– Я тоже не знал...

Коснулся губами щеки и добавил:

– Но как-то очень органично все перетекло в увлекательное свидание.

Можно было бы промолчать, но я тихо сказала:

– Боюсь, Роутег будет против.

Кел замер, напряженно переспросил:

– Ты уверена?

Но затем, не дожидаясь ответа, резко повернул мою голову к себе, наклонился и втянул носом воздух возле моих губ. Замер. После зверского поцелуя Повелителя Истэка я в истерике терла мылом и губы, и шею. Терла до покраснения. Мне казалось, что никакого запаха там остаться не могло... Но он явно был.

– Прости, – хрипло произнес Кел, решительно отстранившись от меня.

Только за руку он продолжал держать крепко, зная, что мне было бы страшно оказаться без его поддержки. Оглянувшись – Кел теперь смотрел на долину, но вид был какой-то... растерянно-грустный.

Вздохнув, перевела взгляд тоже на долину, тихо вздохнула.

– Возвращаемся? – спросил Кел.

– Возвращаемся, – грустно согласилась.

Он забрался на сиденье мотоцикла, придержал за руку, пока садилась я. Едва устроилась, сорвался с места, и мы снова помчались по горам, то срываясь вниз, то взмывая вверх, то перепрыгивая расщелины, перелетая преграды и стволы поваленных деревьев, скользя по грани и удерживаясь на ней. Я сидела, крепко обняв Кела и прижавшись щекой к его спине, и смотрела... смотрела... смотрела... Удивительный залитый серебристым сиянием трех лун мир проносился мимо, оставляя в душе грусть

расставания с волшебством...

Темный туннель, возникший будто в воздухе...

Дыхание теплого ветра...

Ветви деревьев заброшенного мрачного леса, в который мы въехали. Покореженные стволы, исполосованные когтями, покрытые опавшей листвой тропы, огромные камни, словно разбросанные по лесу, и отдаленный яростный вой.

– Мы теперь в другом мире? – спросила я, все так же прижимаясь к Келу щекой.

– Почти угадала, – тихо ответил парень, – это часть территорий Вихо. Я содрогнулась.

В довершение к жуткой картине неожиданно послышался полный ужаса человеческий крик, а следом многоголосый вой волков.

– Охотятся, – мрачно и с явным неодобрением произнес Кел.

Человек закричал снова, а мотоцикл сорвался с места, уходя вправо, прибавил скорости и понесся, преимущественно мчась по огромным стволам поваленных деревьев. Я держалась очень крепко, так крепко, как только могла, а мы летели вперед. И вдруг справа показался бегущий человек в разорванной одежде.

Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь бежал так быстро...

Так, словно от этого зависела его жизнь...

Молодой мужчина несясь, не разбирая дороги, перепрыгивая через поваленные деревья и громадные камни, прорываясь сквозь редкие кусты, срывая легкие и задыхаясь, не оглядываясь, не останавливаясь ни на миг...

– Как тебе? – поинтересовался Кел, давя на газ.

Я ничего не ответила ему, глядя на бегущего и с ужасом замечая тень. Серую тень, мелькнувшую в кустах лишь на несколько шагов позади парня... Потом заметила еще одну... и еще... и бегущую женщину с пастью волка, но с головой и телом человека... И серых теней становилось все больше, а от воя можно было оглохнуть...

– Держись крепче! – перекрывая вой, крикнул Кел.

Я вцепилась в него так, что, наверное, поранила ногтями, но сейчас думалось совершенно не об этом – из кустов на бегущего человека ринулась серая тень, оказавшаяся огромным волком... Стремительный полет, ликующий рык... и челюсть зверя смыкается на шее человека... Парень покатился кубарем и упал на спину, раскинув руки... В тот же миг настигшая его монстрообразная женщина своей жуткой пастью вцепилась в горло жертвы... Раздался его последний крик, заглушенный всеобщим ликующим воем стаи...

А мы нырнули в очередной темный туннель.

Кел остановил мотоцикл у кромки уже знакомого мне озера. Спрыгнул, повернулся ко мне и спросил:

– Ты как?

Я сидела оглушенная случившимся, растерянно глядя куда-то перед собой, и не могла даже пошевелиться...

– Мад, Мадди? – позвал оборотень.

Оборотень... За те пять лет, что я знакома с Вихо и знаю историю жизни моего отца, я уже как-то свыклась, примирилась с этим словом – оборотень. Мне, фактически квартирону, примириться было проще, чем вообще поверить в то, что оборотни существуют. Да и воспринимала я их скорее как бандитскую группировку, нежели существ, чем-то отличных от простых людей, хотя знала, что они сильнее обычного человека, посильнее даже любого необычного, включая спортсменов-олимпийцев. Еще мне было известно о несдержанности, взрывах агрессии, бешенстве, что иногда находило на того же Бешеного Стэна, но то, что я увидела сегодня...

– Прости. – Кел спокойно смотрел на меня. – Я решил, что тебе это будет поле... в смысле познавательно.

Эта оговорка заставила отвести глаза от какой-то неведомой точки впереди и взглянуть на Кела. Взглянуть с искренним непониманием. И я смотрела на него несколько мгновений, а потом вздрогнула, осознав, что это не было случайностью... В смысле, Кел не случайно привез меня на территорию Вихо в момент, когда стая оборотней устроила охоту на живого человека! И он не скрывал этого, он даже спросил «Как тебе?», безразлично пронаблюдав за тем, как там разорвали молодого парня... Разорвали, как дичь... И Кел мне это «просто показал»...

Внезапно тишину ночи прорезал вой. Радостный, залиvistый, многоголосый вой! Затем ощутимо затряслась земля! А после я едва не завизжала, увидев выскочившего на поляну зайца.

Это был невероятно странный заяц. Огромный, размером с овчарку. Красноглазый, и я могла бы поклясться, что это не мое зрение шалило. И не живой. Точно, не живой, потому как, когда заяц ринулся вперед, я расслышала металлический скрежет, да и живые зайцы не прыгают на три метра вверх, а после не мечутся между деревьями не просто как угорелые, а как метеоры!

– О, сегодня заяц, – прокомментировал случившееся Кел.

– А обычно кто, люди? – ровным голосом спросила я.

На самом деле меня трясло. Трясло так, что я не могла успокоиться.

– Нет, Маделин, мы никогда не используем людей для тренировки

молодняка, – отрезал Кел.

А затем приказал:

– Садись.

– Пройдусь, – ответила я и, развернувшись, попыталась уйти.

Кел перехватил за руку, удержал, даже когда я отчаянно вырывалась, рывком прижал к себе и держал до тех пор, пока я вырваться не прекратила. А вот когда прекратила, тихо сказал:

– Аделард.

Я замерла. Оборотень продолжил:

– Ты разговаривала с ним, с Тенью.

Он не спрашивал, он был уверен и в своих словах, и в том, что я действительно разговаривала с вампиром. Я промолчала.

– То, что Ад связался с тобой, – продолжил Кел, – может означать лишь одно: он взял заказ Вихо. Это паршивая новость, но вот тот факт, что ты решила ему помогать и пыталась сбежать сегодня, очень меня расстроил и... разочаровал. Так жаждешь вернуться к Вихо?

Развернувшись, посмотрела на оборотня. Кел нависал надо мной и в темноте казался даже больше, чем обычно. Но опасности я от него не ощущала, все же он не Роутег. И не Вихо. Но и не так прост, как хотел казаться.

– Зачем все это? – спросила я. – Прогулка, мир другой стаи, поездка на территорию Вихо?

Кел зло ответил:

– Я хотел показать тебе, что мир гораздо больше, чем ты думаешь, и если уж выбирать, то все, что угодно, кроме Вихо.

Несколько секунд я молчала, а затем тихо произнесла:

– Неужели ты правда думаешь, что у меня есть выбор?

Кел странно посмотрел на меня. Затем нахмурился, а может, мне лишь показалось – в ночном сумраке было видно плохо. А потом оборотень спросил:

– Что это значит?

Отвечать я не стала. Вообще, хотелось молча развернуться и уйти в лес, побродить, побыть одной, но вспомнила о том, где сейчас сидят все местные женщины, пока их дети «играют».

– Поехали обратно, – попросила Кела.

Он кивнул, помог мне забраться на мотоцикл, сел сам.

– И часто в стае... Вихо охотятся на людей? – преодолевая внутреннюю дрожь, спросила я.

– Часто, – ответил Кел.

И мы сорвались с места.

* * *

В дом Роутега вернулись не сразу, для начала Кел заехал в продуктовый магазин, я подождала на улице. Когда приехали, оборотень пошел готовить ужин, я молча вышла из дома и, сев у бассейна, обняла колени руками, глядя в воду. Перед глазами стояла картинка того, как в горло несчастного парня впиваются клыки... в ушах еще отдавался эхом его крик... Хотелось закричать самой, и в то же время я отчетливо представила на месте этого мужчины своего брата... Самое ужасное, я не знала сейчас, где моя семья. По договору Вихо не должен был их трогать, получив меня, но он не получил... Мог ли он привезти их к себе в клан? Мог. Не зря передал Аделарду, что у меня есть «шесть причин желать воссоединения».

– Мадди, – Кел вышел на порог, – идем ужинать.

– Не хочу, – отозвалась я.

Он подошел, присел рядом на корточки и, вытирая руки кухонным полотенцем, сказал:

– Идем, тебе нужно поесть.

– Не смогу...

– Прости, – в очередной раз извинился он. – Мне действительно жаль, но ты должна была это увидеть.

Не стала озвучивать, что я думаю по этому поводу.

– Я посижу тут, – сказала Келу.

Он постоял еще немного рядом, затем ушел в дом.

А я осталась сидеть, с ужасом думая о том, где сейчас могут находиться мои родные... И тут в ногу кто-то ткнулся – повернулась, увидела Жутю. Аллигатор рухнул рядом со мной, смешно растопылив лапы и, кажется, тяжело дыша. Похоже, набегался.

В следующий момент я услышала:

«Маделин».

Ничего не стала отвечать, не хотелось, да и боялась, что Кел услышит.

«Маделин, – в голосе Аделарда прозвучали странные тревожные нотки, – вы в течение этого часа посещали Серые Грани и территории клана Вихо?»

– Да, с Келом, – ответила, практически выдохнув.

Все равно услышал, даже несмотря на то, что находился в доме, и,

практически бесшумно подойдя, встал, сложил руки на груди и укориженно на меня посмотрел.

– Ты вообще знаешь, с кем разговариваешь? – спросил Кел.

– Откуда? – враждебно поинтересовалась я.

– Аделард – вампир, пославший к чертям все законы братства кровавых. Он ушел от них, предварительно изметелив главу братства. Чтобы ты понимала, в нашем мире это примерно то же самое, что в вашем... к примеру, пристрелить президента на глазах у всех. Понимаешь, что это значит?

Я вообще не понимала, к чему он мне это рассказывает.

– Кровосос – вне закона. – Кел произнес это так, словно сообщил мне о чем-то безумно страшном.

Но лично я ничего страшного в этом не увидела.

– Он же его не убил, – заметила безразлично.

Кел, нахмурившись, сел рядом и ответил:

– Нет. Но ты знаешь, у нас это фактически равнозначно – Кахир лишился клыков, братство распалось, дом Гастоа объявил умопомрачительную награду за голову Аделарда Стоу, дом Стоу готов дать больше тому, кто притащит им говорящего с сумраком живым.

– Дом Стоу? – Я толком ничего не поняла.

– Да, – подтвердил Кел, – этот кровосос и свой дом покинул. И обосновался среди людей, став легальным в твоём мире спецом по решению проблем. Любых. За очень большие деньги, которые предпочитает брать серебром, ценным в Серых Гранях, где вампир обретается под покровительством лорда Сонхейда.

– Лорда Сонхейда? – Я уже вообще мало что понять могла. – А это еще кто?

– Глава стаи Северных Гор, – таким тоном, словно это все объясняло, проговорил оборотень.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – откровенно удивленная обилием информации, спросила я.

Кел, нагнувшись и глядя мне в глаза, проникновенно ответил:

– Чтобы ты знала, кому пытаешься довериться. Мадди, пойми, Роутер тебя не отпустит. Я и раньше был в этом уверен, но после... Повелитель не отпустит тебя. И я бы в принципе сказал, что сбежать тебе нереально, но эта изворотливая пиявка... – Он глухо зарычал и зло добавил: – Вихо ведь вполне может приказать ему выпить тебя досуха, исключительно из желания досадить Роутегу. Подумай об этом.

Возле другого уха прозвучало насмешливое:

«Подумали?»

Аделард все слышал?!

«Да, я очень страшный, вы уже испугались?»

Почему-то я улыбнулась. Это разозлило Кела, который, поднявшись, пересел на один из расставленных возле бассейна лежаков, и явно развеселило и так потешающегося Аделарда, сообщившего мне:

«Да, я отслеживаю ваши эмоции, запах и в сумраке слышу то, что говорят возле вас. Практически полная настройка на объект охоты, в идеале по завершении настройки смогу определить ваше точное местоположение».

Я для него «объект охоты?»

И тут вампир сообщил:

«Я в вашей комнате, хотите вернуться домой?»

Не успела ничего ответить, только подумала: «Да. Да! Да!!!»

И в следующее мгновение меня окутало тьмой.

* * *

Я оказалась в своей комнате. Это была моя комната, та, какой я ее оставила в день отъезда. Я сказала маме, что они могут использовать ее или отдать Талли или сделать здесь кабинет для мамы, но все осталось по-прежнему. Все так же была застелена кровать, на покрывале лежал мой плюшевый мишка, на столе ручка, которой я написала прощальное письмо родителям, фотографии в рамочках, те, что не забрала с собой.

И тут я увидела, как рука, которая, судя по углу обзора, должна была быть моей, но была явно мужской, взяла одну из рамок, поднесла ближе, разглядывая...

– Мадди – отважная девушка, – послышался голос моего отца.

И тот, в чьем теле я сейчас каким-то образом оказалась, повернув голову, взглянул на него. Папа сдал очень сильно, седина, появившаяся на висках в ту страшную ночь, теперь захватила все волосы, широкие плечи поникли, грудь казалась впалой, под глазами залегли тени.

– Я уже понял, что Мадди отважная, но мне совершенно непонятно, как вы допустили ее фактическое принесение в жертву Вихо?

Папа вскинулся, а затем прорычал:

– Да если бы я мог...

– Вы могли, – безжалостно произнес Аделард, – могли бросить вызов Вихо, достойно сразиться с ним на совете клана и ценой своей жизни отвоевать жизнь своих близких. Могли ранее вернуться в клан и служением

Волку получить разрешение стать отцом. Вы могли, в конце концов, оставить семью и жить вдали от них, ведь вам было прекрасно известно, что вас ищут, именно вас, ваших детей они были бы не в состоянии отыскать. Но вы не сделали ничего. Гораздо удобнее было принести в жертву Мадди, не так ли?

Я оторопела. А папа, вдруг глухо зарычав, со стремительно увеличивающимися клыками, ринулся на вампира. И в следующее мгновение отлетел обратно на стул, сломав его и рухнув на пол у стены.

– Прекратите, – брезгливо тряхнув рукой, произнес Аделард. – Понимаю, что вы, «блехастые», народ эмоционально несдержанный, а правда штука неприятная, но не до такой же степени.

Он остановился, осматривая всю мою комнату, и спросил:

– Мне нужны еще ее личные вещи. Что-то, чем она дорожила, что часто носила с собой, на чем отпечаток ее личности. Мишка – мило, но лет с пятнадцати он для нее не более чем напоминание о детстве. Мне не подходит.

– Да я не... – начал было отец.

– Вы гарантировали Вихо полную готовность сотрудничать со мной и лишь на основании этого все еще находитесь здесь, а не в клане Волка.

Папа с трудом поднялся, скорбно посмотрел на сломанный стул и, прорывав «Ищите», вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Вампир, усмехнувшись, произнес:

– Что ж, поищем. Жаль, что все дорогие вам вещи вы захватили с собой.

«Вы ударили моего отца!» – Я была очень зла из-за этого.

– Всего лишь не позволил ему загрызть меня, – весело ответил Аделард. – Маделин, вы все оцениваете по меркам человеческого мира, это неправильно. И к слову – теперь вы знаете, что ваша жертва была не единственным выходом из ситуации. Но к делу: где еще здесь ваши личные вещи? Вы даже от одежды избавились.

От всего. Я знала, что не вернусь, поэтому избавилась от всего, что могло напоминать родным обо мне – одежда, обувь, постепенно я выбросила все, оставив самое необходимое. За день до отъезда выбросила последнее. Не хотела, чтобы мама плакала, прижимая мою старую футболку к груди...

«От всего избавилась», – подумала я.

– Придется довольствоваться мишкой. – Аделард взял игрушку, покрутил, рассматривая, и собственническим жестом запихнул к себе во внутренний карман.

Еще раз огляделся, глянул на часы и явно нахмурился. А затем вдруг язвительно поинтересовался:

– И как вам чувствовать себя жертвой обстоятельств?

Вопрос был более чем странным.

– Зато я выяснил, в чем заключаются ваши шесть причин желать скорейшего воссоединения с Вихо. Должен признать – вы меня удивили. Приятно удивили. Редко кому удастся действительно поразить меня, вам удалось. Погладьте Жутика и отправляйтесь спать, Мадди.

Меня снова накрыло темнотой.

* * *

Вернувшись в свое тело, обнаружила, что все так же сижу возле бассейна. Кел рядом смотрит на звезды, Жутя спит. Я как-то по инерции погладила аллигатора, встала, пожелав Келу доброй ночи, ушла спать. Оборотень ничего не ответил.

Проходя через кухню, увидела накрытый для двоих стол, стало очень неудобно, но извиняться не стала, просто пошла дальше.

Заснула, едва голова коснулась подушки.

* * *

А вот проснулась от ощущения пристального взгляда. Перевернулась на другой бок, но ощущение не оставляло, как и растущее беспокойство.

Распахнула ресницы, села и вздрогнула – рядом с моей постелью, развернув стул спинкой вперед и облокотившись на нее, сидел Роутег. На нем был джинсовый костюм и высокие спортивные ботинки, на запястье поблескивали массивные часы, в глазах плескалось бешенство. Сжавшись на постели, я не понимала только одного – почему он вернулся так быстро? Вроде обсуждалось, что его не будет несколько дней, а тут...

– Аделард! – произнес Роутег, пристально глядя на меня.

И все стало ясно.

– Удивительно, – с глухой, прорывающейся сквозь показную иронию яростью продолжил Повелитель Истэка, – твоя кровь никоим образом не пожелала ответить на мой зов, зато с легкостью отреагировала на зов вампира. Ты точно оборотень?

– Я – человек... – прошептала испуганно.

Он зло усмехнулся. Затем глянул в окно и задумчиво сказал:

– Что-то здесь не так. Что-то во всей этой истории не так. Это царапнуло в момент, когда ты наотрез отказалась от алкоголя, но чем дальше, тем больше даже не странностей – полунамеков на странности. И, учитывая дикий ужас, читающийся в твоих глазах при каждом взгляде на меня, я все больше склоняюсь к мнению, что ты не оборотень. Даже на четверть.

– Что? – сипло переспросила.

Роутег вновь посмотрел мне в глаза и хрипло пояснил:

– Ты боишься. Боишься меня. Это чисто человеческая реакция, будь ты оборотнем – инстинктивно чувствовала бы, насколько я для тебя не опасен. Не было бы в принципе ощущения угрозы с моей стороны.

Ничего не понимая, я натянула одеяло.

– Ты сообщила Аделарду, что я тебя не тронул? – прозвучал следующий вопрос.

– Н-н-нет... – вспомнилась тема про насилие.

– Это плохо. – Роутег нахмурился: – Вихо вполне мог отдать приказ убить тебя в случае, если ты больше не чиста для него.

Руки заledenели и начали дрожать, я попыталась скрыть это, цепляясь за край ускользающего одеяла. Мысленно вспомнила все, о чем говорил Аделард, и неожиданно осознала – я не чувствую угрозы с его стороны. Вообще никакой угрозы, более того – вампиру я доверяла. Чисто инстинктивно. И точно так же интуитивно ощущала, что он меня не убьет, каким бы ни был приказ Вихо.

Роутег вдруг замер.

Поднялся, глядя куда-то в стену невидящим взглядом. Затем резко развернулся и направился к выходу из комнаты, бросив через плечо:

– Попытаешься выйти из моего дома – наплюю на все принципы и изнасилую максимально болезненным способом. Ты ведь этого боишься, не так ли?

Застыв, промолчала.

Повелитель Истэка обернулся на пороге и хрипло приказал:

– Не смей даже пытаться!

– Я услышала, – ответила тихо.

Удовлетворенно кивнув, Роутег закрыл дверь и ушел. Одновременно с его уходом погас свет, оставляя меня в темноте.

Через мгновение над всем городом раздался звук сирены.

А затем в темноте раздался почти родной уже шепот:

«Проснулась?»

Все еще находящаяся в ужасе от случившегося, даже не смогла ответить на удивление довольному вампиру. И я поняла причины его самодовольства, едва он сказал:

«Я пришел за тобой. Вставай, одевайся, спустись на кухню и жди у двери. У тебя минуты три, не больше».

Предупреждение Роутега наглядно продемонстрировало, что Повелитель Истэка ожидал подобного, вот только у меня не было выбора. Стремительно поднявшись, я принялась метаться по комнате. Натянула белье, еще немного влажное, джинсы, рубашку, обулась, схватила рюкзак, замерла на мгновение, вспоминая, не забыла ли чего. Вспомнила про вещи, которые остались в ванной сохнуть после моей вчерашней истерики, решила, что они мне все равно больше не понадобятся, и поспешила выполнить команду Аделарда. Надеюсь, он успеет до того, как Роутег обнаружит, что я нарушила его приказ.

Выскочив из комнаты, я промчалась по лестнице вниз, свернула на кухню и замерла на пороге.

Роутег был там.

И Кел.

И еще несколько оборотней, одетых лишь в брюки и ботинки.

Роутег же сидел и кромсал ножом стол.

– Далеко собралась? – зло поинтересовался он.

У меня внутри все оборвалось. Просто ухнуло куда-то в безграничное отчаяние, а затем я испугалась. Очень сильно испугалась, и не за себя. За того, кто сейчас подставится, пытаясь меня спасти.

И почему-то за него мне было гораздо страшнее, и, наплевав на все, я закричала:

– Аделард, здесь за...

В одно мгновение Кел от противоположной стены, у которой он находился, переместился ко мне и, закрыв мне рот, прижал к себе, фиксируя руки. И я не успела предупредить Аделарда о засаде! Замычав, попыталась вырваться, но мои трепыхания Келу были нипочем.

– Плохо, Апони, – Роутег зло смотрел на обездвиженную меня, – очень плохо, моя хрупкая бабочка. Я надеялся, что страх убережет тебя от глупостей, а вампира от смерти. Я ничего не имел против Стоу, но теперь мне придется его убить.

Замерев, я вначале недоуменно посмотрела на Роутега, а затем недоумение сменилось осознанием. Глаза наполнились слезами... Я забилась снова, пытаясь высвободиться, пытаясь сказать, что у меня не было выбора, а у Аделарда просто заказ, я пыталась сделать хоть что-то...

Я не успела.

В следующее мгновение распахнулась дверь.

Тот, с кем я общалась столь странным образом, совершенно спокойно и даже расслабленно вошел туда, где его, несомненно, ждали. Обвел всю комнату внимательным взглядом темно-серых, почти графитовых глаз, весело подмигнул мне и насмешливо посмотрел на Роутега. Я же смотрела только на него, изумленно ища хоть что-нибудь, свидетельствующее о том, что Аделард не человек. Но ничего не было. Вампир был высок, немногим более шести футов, с коротко стриженными волосами, смуглой кожей, умным, классически правильным лицом, сильным, волевым подбородком. Одежда также не имела ничего ожидаемо-вампирского – короткая черная кожаная куртка, белая майка, черные джинсы и высокие армейские ботинки. Передо мной был мужчина, высокий, сильный, абсолютно уверенный в себе, но я бы в жизни не сказала, что он не человек.

– Господа, – вампир провокационно улыбнулся Роутегу, – предлагаю решить все мирно – я получаю девушку, вы не получаете увечья.

Повелитель Истэка, криво усмехнувшись, поинтересовался:

– Просто любопытно, с каких пор старейшины двуликого народа лижут пятки кровососам? Интересуюсь исключительно из желания услышать твою версию, я в любом случае узнаю все из первых... уст.

Аделард улыбнулся.

Теперь в его улыбке не осталось показной веселости, не было больше бравады – ничего, кроме движения лицевых мышц, в то время как взгляд стал внимательным, напряженным, улавливающим малейшие изменения в позах противников. Вампир готовился к бою, которого не ждал, – это стало понятно даже мне. Но он не отступил, несмотря на то что здесь был Роутег и еще шестеро его оборотней, помимо держащего меня Кела. А у меня в ушах набатом бились слова Роутега: «Я ничего не имел против Стоу, но теперь мне придется его убить», и что-то подсказывало, что действительно убьет.

Я замычала, пытаясь привлечь внимание вампира и уже практически рыдая от бессилия.

– Уведи ее, – приказал Повелитель Истэка.

В ту же секунду Аделард стал тенью!

И за то короткое время, пока Кел рывком разворачивался вместе со мной, чтобы вытащить меня из кухни, вампир разметал всю шестерку видоизменившихся оборотней и ринулся к Роутегу. Тот ответил не ударом – завесой песка, отшвырнувшей вампира к противоположной стене.

А больше я ничего не смогла увидеть, Кел развернул меня спиной к

происходящему и понес к лестнице. Я рвалась изо всех сил, сопротивлялась, упиралась ногами в ступени – но все мои попытки остановить его были тщетны.

Кел решительно занес меня на второй этаж, подтащил к другой, не той, в которой я провела несколько дней, комнате, втолкнул и запер дверь.

Я, ухватившись за ручку, рванула дверь на себя, изо всех сил стараясь открыть, и замерла, услышав звуки борьбы.

Совершенно дикие звуки какой-то запредельной схватки. Я не знаю, как в принципе сражаются вампиры и оборотни, но грохот стоял такой, словно от ударов рушились стены. И, наверное, так оно и было, потому что в следующий миг дом задрожал и частично обвалился. Стена с окном осела, треща и постанывая, а после вновь раздался грохот.

И все стихло.

Секунда, вторая, третья...

Три удара сердца...

И дыхание, задержанное мной...

«Отойди от двери!» – хриплый срывающийся шепот в полумраке пустой комнаты.

Не просто отошла, я отскочила, и в тот же миг дверь была сорвана с петель.

Выломана, а затем Аделард ее так же просто отшвырнул.

Я же замерла, в ужасе глядя на вампира – он был в крови. Весь.

Рваная рана на груди, насквозь пропитанная кровью некогда белая майка, изорванная куртка... Раны, явно оставленные когтями, на лице, сломанная, повисшая плетью правая рука.

И широкая лучезарная улыбка, портил которую лишь один факт – зубы не белели, они тоже были в крови.

– Готова? – весело прохрипел Аделард.

Я растерянно кивнула.

– Ну тогда иди ко мне, моя девочка, – радостно приказал он.

И стремительно прохромал ко мне сам. Крайне стремительно, но я все равно успела увидеть появившегося в дверном проеме Роутега, который уже просто не успел...

Стоило Аделарду прикоснуться, как весь окружающий мир вдруг подернулся дымкой...

Потемнел...

Стал негативом, где черное обернулось белым, а белое почернело...

Все пошло рябью...

И материализовалось сводами странного, фосфоресцирующего

зеленью грота, у входа в который билось море. Мы оказались где-то совершенно в другом месте, а может, даже и мире. Посреди слабо освещенной пещеры.

Но едва очертания этой пещеры стали реальны, Аделард, промычав что-то нечленораздельное, медленно, как в кошмарном сне, рухнул на камни.

Застыв, я несколько секунд потрясенно смотрела на него, а потом до меня дошел весь ужас ситуации – я непонятно где, неизвестно в каком мире с умирающим вампиром на руках и абсолютным незнанием того, где и как просить помощи.

* * *

Не могу сказать, что я с достоинством отнеслась к случившемуся. Нет, сначала я некоторое время дрожала, утирая слезы, и безуспешно звала вампира, но, взяв себя в руки, занялась его ранами. Последняя из моих маек была безжалостно разодрана на некое подобие бинтов, после чего я перевязала наиболее кровоточащие из ран Аделарда. На то, чтобы перевязать все его раны, у меня просто не хватило бы ткани. Затем, устроив его как можно удобнее, хотя на этих камнях сложно было бы даже сидеть удобно, не то чтобы лежать, я огляделась.

Грот был мрачен, громаден и пуст.

Я поднялась было, собираясь исследовать его, но, стоило мне встать, как Аделард хрипло произнес:

– Нет.

Остановилась, повернулась к нему, вглядываясь в истерзанного мужчину.

– Развернись налево, пятьдесят шагов, и увидишь ступени лестницы, ведущей наверх. Поднимайся, там дом... – Он захрипел, дернулся, но все же продолжил: – Выбери себе комнату... отдохни... я потом...

На этом он, кажется, снова потерял сознание.

Я не стала возвращаться и повторно биться в истерику, пытаясь привести вампира в чувства, просто молча прошла в указанном направлении и вскоре ощутила движение ветра, почти сразу после этого нашла и лестница.

Наверх поднималась стремительно, несмотря на то что приходилось идти почти на ощупь, а через несколько пролетов лестница стала винтовой. Идти пришлось достаточно долго, и когда я вышла на ровную площадку,

едва на ногах держалась. Тяжело дыша, осмотрелась – я находилась в горах, причем в данный конкретный момент практически на вершине одной из тех, что пиками устремлялись к ярко полыхающей кроваво-красной луне отовсюду. Но если остальные горы казались необитаемыми, здесь я увидела небольшой аккуратный домик в японском стиле. Каким чудом он тут оказался – даже представить не могу, но к жилищу я направилась уверенно, в принципе оно выглядело совершенно пустым, так что бояться, кажется, было совершенно нечего.

Подойдя, открыла раздвижные двери, вошла – тут же по всему домику включился свет, приятный механический женский голос произнес фразу на совершенно не знакомом мне языке, после чего послышался шум включаемых электрических приборов. Дом словно оживал.

Но я не стала задерживаться на пороге – быстро войдя в здание, прошла на кухню, остановилась на миг, оглядывая десятки шкафов и шкафчиков, и попыталась найти аптечку. Увы, через десять минут торопливого, но все же занявшего время осмотра обнаружила лишь кровь в специальном холодильнике. Несколько секунд потрясенно смотрела на пакеты с красной пугающей жидкостью, потом вспомнила, что Аделард вампир, и все стало ясно – взяла сразу два пакета, надеюсь, ему хватит, если нет, я вернусь. Потом нашла бутылки с водой, взяла пять, в надежде, что мне хватит, чтобы промыть его раны. А в одной из комнат, оказавшейся кладовой, хранилось постельное белье в упаковке. Захватила одну из наволочек, собираясь порвать на бинты. Там же обнаружила совершенно новый, тоже в упаковке, фонарик. Со всем нехитрым скарбом поторопилась обратно вниз.

Едва вышла из дома, все тот же голос задал какой-то вопрос; не дождавшись ответа, погасил свет в жилище и включил неожиданно праздничные огоньки во дворе. Атмосфера мгновенно приобрела оттенок новогодней сказки, но погружаться в нее не было времени.

На лестнице дважды едва не свалилась, удержалась с трудом и порадовалась, когда, наконец, спустилась вниз.

Зато стоило появиться в гроте, как вампир прохрипел удивленное:

– Маделин???

– А вы ожидали увидеть кого-нибудь другого? – включая фонарик и начиная выискивать лучом света своего нуждающегося в срочной помощи спасителя, поинтересовалась я.

– Нет... – едва слышно ответил Аделард.

– Я так и поняла, – заверила вампира и направилась к нему.

Правда, в свете фонарного луча местечко показалось мне гораздо

более жутким, чем прежде, но, как выяснилось, мы с Аделардом перенеслись на едва ли не единственный пригодный для нахождения участок – повсеместно вокруг камни были острыми, более того, между ними явно что-то было. Или кто-то... Может, мне и показалось, но, помоему, я заметила парочку гладких перекатывающихся черных тел. Змей? Жутко огромные для змей, если честно.

Но думать об этом сейчас я не собиралась. Быстро подойдя к Аделарду, голова которого лежала на моем рюкзаке, я опустилась на колени, придерживая фонарик, достала в первую очередь пакет с кровью.

– Неожиданно, – прохрипел Аделард.

– Кровь? – переспросила я. – Да, найти ее в вашем доме оказалось действительно неожиданным, но после я вспомнила, что вы все же вампир. Как ее открыть, чтобы вы могли выпить?

С этими словами я захватила фонарик ртом и взялась за пакет, с твердой решимостью оторвать уголок, чтобы некоторым пить было легче.

Но мужчина, освещенный зажатым мной в зубах фонарем, приоткрыл глаза, глянул на меня с каким-то странным выражением и хрипло спросил:

– Маделин, а что вы вообще знаете о вампирах?

Перехватив фонарь рукой, осторожно спросила:

– А что не так?

– Это моя кровь, – сипло сообщил Аделард. – Хранится в убежище на случай, если мне потребуется экстренное переливание.

– Ой, – только и сказала я, стремительно откладывая пакет и чувствуя себя последней... последней, в общем.

Вампир же, с глухим стоном вновь откинувшись, хрипло произнес:

– Для восстановления мне действительно понадобится кровь, но позже... когда смогу... если смогу поохотиться...

И он закрыл глаза, дыша тяжело и с отчетливо слышимым хрипом в легких.

Мне же хватило сказанного им «для восстановления мне действительно понадобится кровь», а потому, недолго думая, я закатала рукав рубашки, обнажая локтевой сгиб, и поднесла руку к губам вампира. И зажмурилась, потому что с детства боюсь крови.

Замерла, ожидая, когда вампир прокусит артерию... или вену... или что они там кусают.

Но ничего не происходило.

Секунду, вторую, третью...

Я не выдержала, приоткрыла один глаз и глянула на вампира. Как оказалось, Аделард смотрел на меня, вопросительно выгнув

неповрежденную бровь. И, заметив, что я глаза раскрыла, мрачно поинтересовался:

– Цветочек, ты осознаешь, что сейчас творишь?

Вздвогнув от этого его «цветочек», испуганно ответила:

– Да.

– И что же? – поинтересовался Аделард.

Не убирая руку, пояснила:

– Вы изранены, настолько, что, похоже, не можете встать. Мне же просто не хватит сил дотащить вас даже до лестницы, не говоря о том, чтобы поднять по ступеням, ко всему прочему, я боюсь, что потревожу ваши раны и причиню только вред. Вы сами сказали, что для восстановления нужна кровь. Возьмите мою.

И я готова была снова зажмуриться, едва вампир обнажит клыки, но Аделард продолжал задумчиво смотреть на меня. Затем, тяжело, с жутким бульканьем вздохнув, произнес:

– Маделин, идите в дом. На рассвете придет мой помощник и выведет вас отсюда. Поверьте, у вас нет никаких причин беспокоиться обо мне – я выполнил заказ, вас доставят к Вихо. Уходите, пожалуйста.

И он снова закрыл глаза. И выглядел он при этом... умирающим! Черты избитого лица медленно, но заметно заострились, грудь приподнималась едва-едва рывками, которые давались вампиру явно не просто, кровь продолжала сочиться из ран...

«Я ничего не имел против Стоу, теперь мне придется его убить»...

И что-то мне подсказывало, что Роутег слов на ветер не бросает, а значит... значит, вампир сейчас умрет?!

– Аделард, – сдавленно позвала я, – Аделард, пожалуйста, скажите, что я могу сделать? Аделард?!

Он медленно открыл глаза, взгляд его не выражал практически никаких эмоций, как и голос, когда вампир хрипло произнес:

– Уйти.

Я отрицательно замотала головой.

– Маделин, – говорил вампир все тише, – я на грани смерти и поэтому теряю контроль над инстинктами. Если вы думаете, что я сейчас вижу вас, – вы ошибаетесь, мой взгляд давно фокусируется исключительно на биении вашей сонной артерии. Единственное, что меня останавливает, – четкое осознание, что питания умирающего вампира вы можете не пережить. Уходите. Здесь есть живые существа, я постараюсь справиться. В любом случае вам беспокоиться совершенно не о чем, вас заберут утром...

Он захрипел и закашлялся, из разбитого рта по щеке вниз потянулась струйка крови.

Я вдруг подумала, что могу умереть здесь, в этом гроте, среди чудовищных странных змей...

Посмотрела на Аделарда – его дыхание становилось все более прерывистым, вампир умирал.

И я решила, что жизнь у меня все равно не слишком удалась, а у отца есть другой вариант спасти семью.

С трудом припомнив, где именно располагается сонная артерия, я молча убрала волосы с шеи, перекинув их на другую сторону, пододвинулась к Аделарду и нагнулась, стараясь сдержать дрожь.

– Что ты делаешь? – простонал вампир.

– Наверное, самую правильную вещь в своей жизни, – тихо ответила я.

Аделард хрипло зарычал, резко выдохнул, и я ощутила его дыхание кожей, а в следующее мгновение его губы прикоснулись к моей шее, оставляя мокрый, явно кровавый след. Я напряглась, ожидая укуса.

И боль оглушила!

Боль ослепила, заставляя выгнуться всем телом. И как я не кусала губы, пытаясь сдержаться, сорвала горло от крика.

А потом наступила тьма...

* * *

– Вампир, где она?

Я содрогнулась, услышав этот голос, но лишь внутренне, отдаленно... как-то странно, потому что мое тело, полное сил и энергии, отреагировало иначе – совершенно расслабилось, после я ощутила, как растянулись в насмешливой улыбке губы, затем неожиданно мужским тенором ответила:

– Вихо, ты дал мне семь дней.

– Где она? – прорычал глава клана Волка.

– Семь дней. Истек лишь один. До связи. – Эту фразу произнесла я... Аделард?!

Что происходит?...

«Очнулась?» – шепот, раздавшийся словно внутри меня.

* * *

Открыв глаза, я села на постели, затем огляделась. Я находилась в том самом домике на горе, в который поднималась вчера. Но как и когда мы вернулись, как я разделась и легла на постель, как заснула – не помнила ничего.

Открылась раздвижная дверь, являя стоящего на пороге Аделарда. На вампире не было ничего – ни ран, ни шрамов, ни следов от вчерашних ужасных повреждений, ни даже рубашки или майки. Аделард красовался накаченным мускулистым торсом, будучи одет лишь в одни льняные свободные штаны, и первой обращенной фразой ко мне было:

– Четыре или пять?

– Четыре или пять чего? – переспросила я неожиданно хриплым голосом.

Горло болело и саднило.

– Яиц для омлета, – невозмутимо пояснил он.

– Два, – ответила, закашлявшись.

– Хорошо. – Вампир лучезарно улыбнулся. – Полежи, сейчас принесу завтрак.

Лежать мне не хотелось, как и завтракать в постели, и, отбросив простыню, я попыталась встать.

Но стоило подняться – ноги подогнулись, и я непременно рухнула бы, не поддержи меня... хозяин дома. Причем долю секунды назад его не было, и вдруг сильные руки держат меня практически на весу.

– Как странно... – задумчиво прошептала я, явственно ощущая накатывающее на меня состояние обморока.

– Что именно? – поинтересовался Аделард.

– Ну ты... за миг и тут, – сообщила, испытывая сильную потребность полежать еще, и желательно на постели.

– Я вампир, – резонно напомнил он.

– Да я понимаю, – глаза закрывались, – просто это странно...

То место, куда я провалилась, было темным, мрачным, но очень теплым. Теплым, уютным и удобным. А вот причина мрачности стала ясна, едва это «место» зло произнесло: «Слишком много выпил».

Пить всегда нужно меньше, это факт.

* * *

Следующее пробуждение случилось на заднем дворике дома вампира. Более того, в горячей, странно пахнущей воде. Причем, несмотря на

высокую температуру в водоеме, мне было вполне комфортно, и сидела я, очень удобно устроившись на приобнявшем меня Аделарде.

– С добрым утром, – произнес он куда-то в мою шею.

Но, кажется, был вечер. Я это отчетливо видела – солнце склонялось за горные вершины, стрекотали кузнечики, листья на деревьях практически не шевелились, и все горные леса словно затихли в ожидании сумерек. Осмотревшись, обнаружила, что мы сидим в горячем источнике, неподалеку был еще один, но, видимо, гораздо горячее, потому что пар от воды шел столбом. В нашем же, помимо нас двоих, находились два больших валуна и плавающий поднос с едой.

– Завтрак подан, – сообщил мне вампир.

На плавающем подносе обнаружили... роллы и суши, а также яичница из двух явно давно остывших яиц, сашими, соусы, красиво порезанные фрукты, две чашечки кофе и один стакан с виски. Не то чтобы я с первого взгляда угадала в желтовато-коричневой жидкости этот крепкий напиток, просто запах витал над источником, эдакий аромат вонючего алкоголя, типичного именно для виски.

Аделард, окончательно убедившись в том, что я пришла в себя, ссадил меня, сам устроился рядом, пододвинув ко мне поднос.

– Тебе нужно поесть, Маделин, – сказал он.

Мне потом нужно будет еще и переодеться, а сейчас дрожащими от слабости руками я взяла чашку с кофе, поднесла ко рту, сделала глоток и прикрыла глаза от наслаждения – лучший кофе в моей жизни. В меру терпкий, чуть горьковатый, невероятно вкусный.

– Что произошло вчера? – спросила я, делая второй глоток.

Вампир слегка нахмурился, после повел плечом и признал:

– Роутег оказался на порядок сильнее, чем я полагал.

Интересная информация.

– И да – не было у тебя никакого насилия. – Аделард улыбнулся уголком рта и взял стакан с виски. – Ты чиста по всем законам «блехастых».

– Как сказать. – Я задумчиво посмотрела на соседний источник.

Не став комментировать произнесенное мной, вампир продолжил:

– Роутег странно сражался за тебя. Исступленно. Как за свою женщину. Голые инстинкты и невероятная мощь. Чем больше я думаю об этом, тем отчетливее понимаю – тут дело не в мести.

Мне не хотелось вспоминать о Роутеге. Мне ни о чем не хотелось вспоминать. Странное дело, я с сожалением отнеслась к факту своего выживания.

– Вы там внизу дом разнесли? – спросила, допивая кофе.

Специалист по решению проблем посмотрел на меня поверх бокала, улыбнулся и сменил тему:

– Так что ты знаешь об оборотнях, Маделин?

Взяв палочки,хватила кусочек ролла и, обмакивая его в соус, ответила:

– Практически ничего, Аделард.

– Ад, – поправил он меня.

– Провокационно.

– Люблю провокации, – улыбнулся.

Затем, потягивая виски, начал рассказывать:

– Про оборотней тебе необходимо знать следующее: стайные животные. – Аделард скривился, не скрывая презрения, затем продолжил: – Подчинение вожакам беспрекословное, самка вожака неприкосновенна. Запомни это.

– Зачем? – Мне вообще об этом думать не хотелось.

– Чтобы в следующий раз не боялась угроз. – Он посмотрел мне в глаза: – Роутег взял тебя в свой дом – фактически объявил своей, соответственно, он не отдал бы тебя стае.

Пожав плечами, я заметила:

– Роутег хотел отомстить.

– Хотел бы – отдал бы сразу. Как Вихо. Привез в клан и швырнул на растерзание.

Я содрогнулась.

– Звери, – усмехнулся Аделард.

У меня аппетит пропал. Отложив палочки, опустила руки в воду и тихо спросила:

– Ты был в курсе той истории?

Вампир ответил не сразу, задумчиво посмаковав виски, затем ответил:

– О том, какой плевок в морду Роутега отправил Вихо, знали все. Роутег в данной ситуации виноват сам – не уберег.

Почему-то вместо того, чтобы промолчать, я возразила:

– Он даже предположить не мог, что Вихо тронет ни в чем не повинную девушку!

– Ты его защищаешь? – удивленно спросил Аделард. И сразу же жестко добавил: – О подлости Вихо известно всем. Понятно, что Роутег встал во главе народа Истэка недавно, но как Правитель он должен был обеспечить защиту не только койотам, но и той, с кем пусть временно, недолго и за деньги делил постель.

– Ты говоришь о ней, как о шлюхе, – недовольно заметила я.

– Да она и была шлюхой. – Аделард обезоруживающе улыбнулся: – Элитной девушкой, оказывающей эскорт и не только услуги. Ты не знала?

– Нет...

Вампир, усмехнувшись, вдохнул запах виски, полуприкрыв глаза от удовольствия, и рассказал:

– Роутег неистово ждет свою пару. Уже много лет. А чтобы не давать ложных надежд женщинам из оборотней, покупает любовь у самых дорогих человеческих куртизанок.

Я потрясенно смотрела на вампира, откровенно шокированная открывшейся информацией.

– Естественно, в этой ситуации становится ясно, почему своей очередной любовницей Роутег особо не дорожил, с другой стороны, как я уже сказал – виноват сам.

Мне на это даже сказать было нечего.

Вздыхнув, перевела тему:

– У вампиров не так?

Аделард ответил с некоторой задержкой:

– У нас в принципе не мстят через женщин, это низко. Впрочем, если быть откровенным, и у «блехастых» ранее подобного не случалось... До появления Вихо.

Кивнула, принимая новую информацию.

«У нас», «У „блехастых“», «У вас» – сложная картина мира вырисовывалась.

– Что-то еще? – поинтересовалась, беря вторую чашку с кофе.

Аделард кивнул и продолжил:

– Еще много чего, Маделин. И тебе понравится далеко не все, но постарайся слушать внимательно и запомни, что я скажу. Итак, Вихо уже объявил тебя своей женой – ты получила высокий статус. И должна знать несколько важных правил: ты имеешь право смотреть в глаза другим оборотням, они тебе – нет. И да, твоей неопытностью попытаются воспользоваться, не игнорируй, не жалуйся Вихо, если кто-то из волков проявит дерзость, – бей сразу.

– Как бить? – не поняла я.

– По морде. Подойди и влепи пощечину, ты должна заставить уважать себя.

Скривившись, сделала глоток кофе.

– Не кривись, – наставительно произнес Аделард. – Это жизнь среди «блехастых», у нее свои особенности.

Я кивнула. Он был прав, мне придется жить среди оборотней, мне придется выживать среди них, так что лучше отбросить свое искреннее желание дистанцироваться от проблемы и вникать в суть происходящего. Выбора нет.

– В клане Вихо, – я решилась спросить о том, о чем было страшно даже подумать, – часто охотятся на... людей?

– Часто, – ответил Аделард.

В его тоне было непробиваемое спокойствие, но определить по интонации его собственное мнение на этот счет было невозможно.

– Ты не будешь участвовать, – продолжил он, – силенок не хватит.

Вопросительно посмотрела на него.

– Ты человек, – пояснил вампир. – Даже я не ощутил в тебе кровь «блохастых», ты человек абсолютно и полностью, соответственно, Вихо не допустит тебя к участию в кровавых развлечениях. Но кое-что неприятное тебя ждет.

Я подумала о том, что неприятного меня ждет масса, но все же переспросила:

– Что именно?

– Обряд демонстрации покорности. – Аделард слегка поморщился: – В принципе, ничего сложного – опускаешься на колени, ничком лежишь на землю и ждешь, пока Вихо взойдет на скалу.

– Очаровательно, – безразлично произнесла. – Мне одной предстоит так... отдохнуть?

– Нет, у тебя будет в компании вся стая. – Вампир отсалютовал уже практически пустым стаканом. – В замкнутых социальных системах весьма значительное внимание уделяется ритуалам, способствующим упрочнению положения лидера.

Появилось ощущение, что я отправлюсь куда-то в секту.

– И когда? – задала вопрос, ответ на который мне знать не хотелось.

– Через несколько дней, – глядя мне в глаза, напряженно ответил Аделард.

– Почему не сразу? – усмехнулась я.

– Возможно, было бы лучше сразу, – вампир слегка скривился, – люблю заканчивать дела в максимально короткий срок, но проблема в том, что... – Улыбнулся и весело сообщил: – Теперь я должен тобой питаться.

Наверное, мне стоило бы испугаться, но... страх давно ушел.

Расслабленно устроившись в горячей воде, я спросила лишь об одном:

– Это больно?

– Ты вчера что-нибудь почувствовала?

Я дрогнула, но решительно солгала:

– Нет.

– Врунишка, – улыбнулся Аделард. – Прости, в следующий раз я буду нежен.

– Звучит... заманчиво, – сыронизировала я.

Затем, подняв руку, прикоснулась к шее – никаких свидетельств имевшего место укуса там не было. Ни проколов, ни шрамов, ни ощущения болезненности, сопутствующего заживлению.

– Я не оставляю следов. – Аделард вновь сделал глоток виски. – И... твой поступок тронул меня.

Я искоса взглянула на него, вампир ответил кривой усмешкой и продолжил:

– Используем имеющееся время по максимуму, я попробую подготовить тебя к жизни в клане.

– Спасибо, – тихо поблагодарила.

– Пока не за что, – отрезал он. Затем добавил: – Есть еще один момент, Маделин, и я полагаю, тебе следует о нем знать.

Вампир допил свой виски, протянув руку, поставил стакан на плавающий поднос, после посмотрел мне в глаза и сообщил:

– Есть предположение, что Роутег бросит вызов Вихо.

Я смотрела на него с непониманием.

Аделард пояснил:

– Из-за тебя.

Это пояснение не добавило ясности ситуации.

– Я к тому, – хмыкнув, произнес вампир, – что еще не известно, в каком клане ты в итоге останешься.

– Это еще почему?

Пожав плечами, Аделард улыбнулся мне, как маленькой, и отрицательно покачал головой, недвусмысленно намекнув, что отвечать не будет.

– Ладно. Можешь не говорить, – прошептала я и попыталась выбраться из источника.

Пологий берег обнаружился за массивным валуном, скрывавшим выходящего или входящего от тех, кто находился в источнике. Там же на ветке дерева висело два полотенца.

– Можешь спокойно снимать мокрую одежду, я тебя не вижу, да и в любом случае отвернулся, – повысив голос, произнес Аделард.

Я почему-то не сомневалась в его воспитанности, но разделась лишь до белья, после чего, завернувшись в полотенце, повесила мокрую одежду

сушиться тут же на ветвях и отправилась в дом.

В этом странном горном мире невероятным образом наступало утро. Солнце, что еще минут десять назад, казалось, вот-вот скроется за горизонтом, сейчас вновь поднималось из-за ветвей, всюду пели птицы, подножья гор окутывал туман, вершины золотила заря. Несколько минут я стояла на пороге дома Аделарда и с интересом оглядывала горный пейзаж, отстраненно рассуждая о временной аномалии. Видимо, подзадержалась, потому что на дорожке, ведущей к дому, вскоре показался вампир, несущий мои мокрые вещи и совершенно не смущающийся ни солнца, ни его жарких лучей, да и меня, видимо, не особо, потому как полотенце его было не в пример меньше моего и едва держалось на бедрах.

– Извини, – он указал рукой на свой внешний вид, намекая, за что именно его стоит извинять, – остальные полотенца в стирке.

Он поднял руку, демонстрируя мои вещи, и сообщил:

– Тоже в стирку закину.

Несколько потрясенная, я недоуменно спросила:

– Тут есть стиральная машинка?

– И сушильная тоже, идем, покажу. – И он первым зашел в дом.

Я же припомнила, что никакой стиральной машины тут не видела, когда вчера искала аптечку, и вообще ничего подобного не видела.

– Идешь? – спросил он, не оборачиваясь.

Естественно, я последовала за ним в глубь дома, мне просто интересно было, где могла прятаться машина, которую, следуя за вампиром, я и обнаружила в странном дополнительном помещении, хотя еще вчера могла бы с уверенностью утверждать – здесь была стена.

– Дом одновременно затрагивает несколько миров, – начал объяснять Аделард. – В основном Изнанку, Серые Грани и Выси. Мы сейчас в Высях, переходим в Изнанку, она похожа на привычный тебе мир.

Я неуверенно шагнула вслед за ним и ощутила странные изменения, здесь словно было холоднее, и воздух казался более... сырым.

– Изнанка довольно неприятный мирок, – направляясь к двум внушительным современным агрегатам, стоящим у выкрашенной белой краской стены, сообщил вампир.

Затем кивнул на одностворчатую дверь в углу и предложил:

– Можешь посмотреть, если тебе интересно.

Интересно ли мне? Да безумно!

Ступая босыми ногами по холодному бетонному полу, подошла к двери, распахнула ее и замерла на пороге.

Там, за дверью, протекала широкая, полускрытая туманом река, по

которой проплывали потемневшие от времени и сырости длинные узкие лодки, неизменно с рулевыми, держащими длинные шесты. Лодки перевозили либо тюки, по старинке перевязанные бечевкой, либо пассажиров в странной одежде, более напомнившей мне период индустриального девятнадцатого века. Выглянув и осмотревшись, я увидела, что по этому берегу реки стоят дома. Огромное количество старинных каменных домов, от которых к реке вели дорожки с деревянным настилом, завершающиеся пристанями.

А в следующее мгновение я увидела то, что заставило стремительно отпрянуть от входа, из-за чего я врезалась в Аделарда, как оказалось, стоящего позади меня.

– Что? – даже не охнув, спросил он.

– Там Стэн, – прошептала испуганно.

– Где? – спокойно спросил Аделард, обняв меня поперек живота, и осторожно отступил от двери, увлекая за собой.

– В л-л-ло... – начала было я.

Хотела сказать «в лодке». Я вообще не знаю, как углядела его. Впрочем, нет, знаю, когда годами привыкаешь к поиску неизменных сторожей, учишься мгновенно выделять их из толпы. Вот так мгновенно я и увидела сидящего в лодке и курящего Бешеного Стэна.

И он был в лодке. Посреди реки. Лодке, управляемой рулевым. Он только что был там!

А сейчас стоял прямо напротив двери, в двух шагах от нас с Аделардом! Стоял, столь сильно затягиваясь, что сигарета тлела на глазах... тление вмиг дошло до самого фильтра.

– Тихо, – ладонь вампира осторожно накрыла мне рот, – он нас не видит.

Только после его слов я поняла, что это действительно так – глаза Стэна бешено вращались в попытке отыскать меня, потому что мой запах оборотень определенно учуял. Но, судя по выражению лица, хищному оскалу, подрагивающим мышцам, не находили.

Затем он торопливо полез в карман, извлек телефон, набрал номер, произнес ответившему на том конце собеседнику:

– Я чувствую ее запах. Она витэшна. Роутег не тронул.

Какой вопрос был ему задан, я не услышала, но вздрогнула от дальнейших слов оборотня:

– Вампир пил ее кровь.

Аделард сжал меня сильнее и, приподняв, мягко отступил, удерживая на весу.

Стэн же продолжал отвечать невидимому собеседнику:

– Нет, только запах. Она была здесь не так давно. Я бы сказал – за минуту до моего появления. Запаха страха нет. Запаха крови вампира нет, значит, уже восстановился. Да, понял.

С этими словами оборотень переступил порог и... пропал.

То есть вот только что он был здесь, а теперь его не было... Лишь в дверном проеме остался дымок от выкуренной сигареты, но и он медленно рассеивался.

Аделард же спокойно отпустил меня, деловито вернулся к стиральной машинке, снял с полки моющее средство, залил, закрыл крышку, насвистывая какой-то мотив, выбрал режим и запустил стирку.

– А... – мой голос дрожал, – где Бешеный Стэн?

– Тут, – беззаботно ответил вампир, – бродит по дому.

– П-п-по твоему дому?!

– Одному из них. – Он закончил, развернулся ко мне: – Идем, займемся твоей подготовкой.

Но я продолжала стоять, потрясенно глядя то на Аделарда, то на открытую дверь. Вампир улыбнулся мне, прошел, закрыл распахнутую створку, взял меня за руку и потащил за собой в дом.

* * *

Спустя четверть часа мы сидели во дворике перед домом Аделарда и, собственно, в Высях. На мне была выданная моим гостеприимным спасителем майка и его же новые, выданные мне прямо с упаковкой... В общем, нижнее белье. На нем имелись одни свободные серые штаны, и должна признать, меня несколько смущала как его, так и моя малоодетость.

Еще больше смущало то, что вампир сидел напротив меня, сложив ноги по-турецки, я в той же позе напротив него, и наши колени соприкасались, как и наши руки – мои ладони находились в крепких ладонях Аделарда.

– Первое, – глядя мне в глаза и загадочно улыбаясь, произнес он, – чему ты должна научиться, – это взгляд. Удерживать взгляд, выдерживать чужой взгляд, контролировать свой взгляд.

Я тут же отвела глаза и посмотрела на деревья, горы, птицу, спорхнувшую с ветки на ветку, и вообще куда угодно, кроме вампира.

– Нет-нет, Мадди, на меня, – мягко приказал Аделард.

Зажмурившись на миг, вновь посмотрела в его глаза. Почти черные,

затягивающие словно в омут, окутывающие тайной...

Глаза, от которых вдруг стало невероятно сложно оторваться.

– Ты почувствовала, не так ли?

– Почувствовала что? – спросила, ощущая вдруг, с какой нежностью его ладони сжимают мои.

– Взгляд, – пояснил Аделард, – мой взгляд. Знаешь, что он выражает?

– Что?... – голос куда-то пропал, и теперь я шептала.

– Вожделение, – спокойно пояснил вампир.

– Да? – изумилась я. – Менее всего я заподозрила бы тебя в подобном.

Теперь удивился Аделард. Улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами без какого-либо намека на клыки, и поинтересовался:

– Почему? Ты красивая девушка, мой сексуальный интерес к тебе вполне понятен.

С сомнением посмотрев на вампира, тихо сказала:

– Ты готовишь меня к жизни в клане Вихо. И прекрасно понимаешь, кем я буду в спальне Вихо... Так о каком сексуальном интересе может идти речь?

И его взгляд заледенел. Несколько секунд Аделард молча смотрел на меня, затем тихо произнес:

– Послушай меня, цветочек: я сделаю все, абсолютно все, что будет в моих силах, чтобы тебе не пришлось оказаться в спальне Вихо. Но ситуация такова, что в данный момент нет ни единого шанса на успех. Именно по этой причине я готовлю тебя к жизни в клане Вихо. Вчера ты спасла мою жизнь. Ты спасла мою жизнь, Маделин, меньшее, что я могу для тебя сделать, – научить выживать в том аду, на который тебя обрек твой отец.

Я даже не знала, что сказать на это.

– Ничего не говори, – словно прочитав мои мысли, сказал Аделард. – Возвращаемся к упражнению.

Он сделал глубокий вдох и начал объяснять:

– В мире оборотней взгляд имеет особое значение. Особое! Посмотри на меня.

Я подчинилась. Долю секунды смотрела в его темные глаза, холодные, изучающие, просматривающие будто насквозь... не удержалась, отвернулась.

– Твоя реакция говорит о неуверенности, страхе перед ситуацией, – вынес вердикт вампир. Еще раз.

Я снова посмотрела в его глаза. Содрогнулась, заметив, как он прищурился, словно глядя сквозь меня. Ощутила себя полнейшим

ничтожеством, недостойным даже внимания, ладони взмокли, захотелось скрыться, спрятаться, взгляд постоянно метался, то перебегая на траву, деревья, да все, что угодно, пока я волевым усилием не возвращала его обратно.

– Суетливый бегающий взгляд свидетельствует о том, что ты не в состоянии бороться, слаба, не способна концентрироваться и, в общем и целом, не стоишь внимания.

Совершенно верная характеристика... Я, запрокинув голову, несколько минут смотрела в небо, щурясь от слепящего солнца. Вампир не выпускал моих ладоней, едва ощутимо поглаживая их большими пальцами, и просто давал мне время успокоиться. Успокоилась.

Вновь посмотрела на Аделарда, он улыбнулся мне и произнес:

– Да, это тяжело. Особенно тебе. Но именно в тебе я уверен, как ни в ком другом – ты справишься.

Я криво улыбнулась в ответ.

– Давай, Мадди, сегодня тренируем твой взгляд, завтра перейдем к более простым вещам.

– Взгляд – самое сложное?

– Да.

Он положил мои ладони поверх моих колен, тыльной стороной к небу, коснулся скользящим движением, разорвал контакт и вновь посмотрел мне в глаза.

На его лице не дрогнул ни один мускул, но появилось ощущение, что вампир весь подобрался, как хищник, а затем глаза чуть прищурились.

– Что ощущаешь? – спросил он.

– Ты готовишься к нападению, – ответила, замороженно глядя в его глаза.

– Нападению на тебя? – Он явно подавил улыбку.

Я продолжала смотреть в его глаза еще несколько долгих секунд, затем ответила:

– Нет.

– Правильно. – Аделард улыбнулся: – Отлично, ты способна различить направление агрессии, это уже хорошо.

– Чем же?

– Свидетельствует о существовании у тебя чувства самосохранения. Но мы отвлеклись. Смотри мне в глаза и слушай. В мире обратной взгляд имеет две основные функции – он выражает агрессию или же транслирует сексуальное влечение.

– И все?

Усмехнувшись, вампир произнес:

– Поверь, этого достаточно. Более чем достаточно.

Пристально посмотрел на меня, дождался, пока кивну, позволяя продолжить, и произнес:

– Агрессия – ключевой инстинкт, причем не только у оборотней. Агрессия – тот показатель, который демонстрирует готовность индивида бороться за то, что принадлежит ему: кость, место в пещере, собственность, положение в обществе. Тебе предстоит стать альфа-самкой отнюдь не по праву рождения, а значит, придется столкнуться с агрессией практически всех самок клана Вихо.

– Ты говоришь странные вещи.

– Реальные. Ты окажешься в обществе, смеющем бросать тебе вызов только взглядом, большего Вихо им не позволит, но если ты проиграешь, не сумеешь выдержать взгляды агрессивно настроенных самок... Продолжать нужно?

– Нет.

– Отлично. Смотри мне в глаза.

Ненависть. Гнев. Раздражение. Ярость. Готовность убить. Вампир транслировал все эти эмоции, я чаще всего не выдерживала и отводила глаза, он заставлял смотреть снова. Много... много часов. Раз за разом.

– Прищурь глаза, смотри словно сквозь меня. Я должен быть всего лишь одним из объектов пространства, смотри в перспективе всего окружающего. Ты должна видеть, ответить уверенным взглядом и в то же время не уделять мне достаточно внимания.

Смотреть на человека как на пустое место? Я научилась часа за два.

Окрашивать взгляд ненавистью? Научилась тоже.

Давать отпор агрессии? А вот это оказалось сложно.

– Твоя проблема в том, что ты не считаешь место возле Вихо своим, не осознаешь свой высокий ранг, – разозлился в конце концов Аделард.

Застонав, я откинулась назад и просто легла, глядя в медленно темнеющее небо, на котором уже проявлялись звезды.

– Маделин? – Небо заслонило лицо склонившегося надо мной вампира.

Я с тоской посмотрела на него. Аделард, глянув на меня с неммым укором, мягко произнес:

– Понимаю, ты устала.

– Ты сегодня будешь мной питаться? – спросила я, желая поговорить о чем угодно, только не о взглядах и прочем околооборотническом.

– Хотелось бы. – Он отвел взгляд.

– Твоя реакция говорит о том, что тебе некомфортно от ситуации, – язвительно сообщила я.

Аделард рассмеялся, посмотрел мне в глаза и произнес:

– Мы начали с вожделения, помнишь?

Я напряглась, пытаюсь понять, к чему он клонит. Как оказалось – все к тому же.

– Ты должна научиться определять вожделение в глазах оборотней. Определять мгновенно, четко устанавливать степень вожделения и реагировать соответственно.

– Как? – тут же спросила я, поднимаясь и вынуждая его тоже подняться и вернуться на свое место напротив меня.

– Как реагировать или как определять? – улыбнулся вампир.

– И то и другое... – прошептала, подумав о том, что в принципе это не имеет значения, учитывая, что быть мне самкой Вихо до самой моей смерти... надеюсь, довольно быстрой.

– Мадди, – позвал Аделард и, едва я посмотрела на него, сказал: – Мы отработаем последний навык и на сегодня закончим. Но это важно, соберись.

Я собралась, даже постаралась улыбнуться, демонстрируя, что все ОК и я в порядке и вообще готова к подвигам... наверное... возможно... но скорее нет, чем да... мне же все равно конец, какая разница, как определять и реагировать на звериное вожделение оборотней...

– Первое, – начал вампир, вновь беря меня за руки и заставляя сосредоточиться на его словах, – как только ты становишься альфа-самкой – никаких улыбок другим самцам при наличии зрительного контакта. Ты можешь улыбнуться, скользнув по нему взглядом или сосредоточив взгляд на чем-либо ниже его глаз. Но улыбка и взгляд прямо в его глаза – провокация.

– В каком смысле? – не поняла я.

– В прямом, – серьезно глядя на меня, пояснил Аделард. – У оборотней альфа-самки вправе выбирать себе и других самцов, помимо альфы. Но тут две оговорки – альфа-самка по праву рождения, а это, естественно, не ты, и... Вихо не допустит подобного. Просто знай: любая провокация подобного рода – фактически смертный приговор для того, на чей вожделеющий взгляд ты ответишь улыбкой.

Мне стало как-то очень нехорошо.

– И второе, – продолжил Аделард, – если при взгляде на тебя глаза оборотня начинают светиться тусклым желтым светом, ты должна мгновенно и без сожалений сообщать о подобном Вихо.

– Почему? – выдохнула я, все еще пребывая в шоке от вышеозвученной информации.

– Потому что это прямое свидетельство того, что желание обладать тобой затронуло зверя, а значит – оборотень пойдет на все, чтобы получить тебя. Абсолютно на все. Теперь отрабатываем навык, сосредоточься, твоя задача – не смотреть мне в глаза. Выбирай предмет или часть лица ниже глаз и концентрируйся на этом, держа мой взгляд в поле зрения, и в то же время помни: ты не должна смотреть мне в глаза.

* * *

На ужин было мясо. По вкусу говядина, по привкусу – баранина.

– Что это? – ковыряя вилкой соус, в котором было выложено каре, спросила я.

– Местный зверек, что-то вроде косули. – Аделард съел все быстро и теперь потягивал свой неизменный виски, поглядывая на меня поверх стакана.

Я к ужину опоздала, предпочтя для начала принять душ, и теперь сидела в банном халате и с мокрыми волосами.

– Поймал утром, пока ты спала.

– Поймал? – Не то чтобы мне было интересно. После девятичасовых занятий с Аделардом я чувствовала лишь усталость и апатию и вообще с удовольствием бы легла спать, но вампир сказал, что поесть необходимо.

– Поймал, – подтвердил он, делая глоток.

У меня глаза закрывались, и потому, лишь кивнув, я вернулась к еде. Наклола кусочек мяса на вилку, изваяюкала в соусе, поднесла ко рту... глаза закрылись...

– Теперь нужно в рот засунуть, после желательно прожевать, – весело проинструктировал Аделард.

– Угум... – ответила я, решив, что вот еще пару секунд посижу с закрытыми глазами и вот потом...

– Ладно, – донеслось до меня сквозь туман, – спать так спать.

– Тебе еще мной питаться нужно, – напомнила я.

– Я бы не забыл, – сухо произнес вампир.

– Почему? – роняя вилку с кусочком мяса обратно на тарелку, спросила я.

– Сложно забыть о том, что является предметом безостановочных мечтаний весь день... – каким-то странным тоном ответил Аделард.

Приоткрыв глаза, удивленно взглянула на него, после, махнув рукой, поднялась и, непрерывно зевая, пошла спать.

Я не помнила толком, как дошла до постели, но вот то, что меня на нее опустили, почему-то отчетливо запомнила. И тяжелое дыхание склонившегося надо мной мужчины...

Почему-то больше ничего не запомнилось.

Зато приснилось...

Приснился старейшина с лицом, иссушенным ветрами степей, седыми длинными волосами и в... свадебном платье. Адэхи стоял на вершине какого-то странного возвышающегося над толпами оборотней утеса, и его властно и по-собственнически держал за руку Вихо, кажется, объявляя всем, что он теперь его жена. Но я почему-то и не взглянула на Вихо и Адэхи, я перенеслась в дом Роутега, в его гостиную, и смотрела на Повелителя Истека, а он с улыбкой на меня. Так, словно только мы вдвоем понимали, насколько действительно забавной была фраза Роутега: «А если завтра Вихо придет в голову назвать женой вас, Адэхи?» А потом вдруг мне вспомнилось то, что Аделард сказал про взгляд в глаза и улыбку, сказанное им «это провокация», и... не смогла отвести взгляд от серо-стальных глаз Повелителя Истэка... не смогла перестать улыбаться... Там, в доме, расположенном в скрытом ото всех песками городе, несмотря ни на что, мне было спокойнее и лучше... особенно когда Роутег улыбался так, словно я никогда не была девкой Вихо, а он был просто мужчиной, от улыбки которого мое сердце билось быстрее...

* * *

Проснувшись утром, я села на постели, ощущая странное чувство тоски и сожаления. Смутно припомнила, что в моем сне Вихо женился на ком-то другом... поняла источник сожаления – я искренне сожалела о том, что это был лишь сон. Но в то же время вдруг вспомнила, что мое ищущее спасение подсознание нередко подбрасывало мне сны, в которых Вихо забывал про меня и женился на других, но ранее такие сновидения не оставляли щемящее чувство тоски в груди... Это странно.

Второй странностью стала темно-синяя майка, надетая на меня. Это при том, что спать я легла в банном халате.

– Аделард? – позвала, собираясь выяснить, как вообще я умудрилась переодеться.

В ответ тишина.

– Аделард?!

Я поднялась. Босыми ногами прошлепала к двери, открыла – на кухне, точнее в той ее зоне, где располагалась столовая, был накрыт завтрак на одну персону. Судя по всему, на меня. Подойдя, плюхнулась на стул, сняла крышку с тарелки – омлет был еще горячим. Гранатовый сок в стакане с сильно подтаявшим льдом, хлеб с хрустящей корочкой, круассан с шоколадом.

А вот вампира нигде не было. Я, подняв руку, коснулась своей шеи, не обнаружила там ни единого следа, как и вчера, и, пожав плечами, принялась за завтрак. Уже доедая омлет, заметила лежащую на столе записку. Потянулась, взяла, развернула. Там значилось:

«Потренируйся без меня перед зеркалом».

Застонав от мысли о тренировке, я доела завтрак, подумала и пошла изучать логово вампира.

Дом в целом оказался одноэтажным весь, в некоторых комнатах температура значительно менялась, кроме двух спален, причем во второй кровать оказалась нерасстеленной и вообще будто не тронутой, в остальных наружные стены были в основном полностью стеклянными, словно просто вставили стекло в вычурные деревянные рамы. За одним из таких стекол я увидела... Париж! Это совершенно точно был Париж – Эйфелева башня, виднеющаяся над крышами пятиэтажных домов, приметные кафешки, гуляющие пары, ресторанчики... Некоторое время я стояла, удивленно глядя на это чудо, затем пошла искать дверь, ведущую наружу. Нашла. Она также являлась полностью стеклянной, но, как я ни пыталась ее открыть, ничего не вышло.

Постояв и еще немного полюбовавшись Парижем и его улочками, я уже собиралась уйти, но одна фигура внизу почему-то приковала мое внимание. Мужчина вышел из внушительного черного автомобиля и остановился посреди тротуара. И странное дело, поток пешеходов начал опасно огигать его, словно люди неосознанно боялись столкновения с тем, кто, излучая ауру мрачной готовности убивать, ждал кого-то.

И я сразу поняла кого, когда увидела Аделарда, вышедшего из такси с двумя внушительными бумажными пакетами в руках.

А вот то, что ожидающий его – это Повелитель Истэка, осознала лишь, когда позади вампира стеной взметнулся песок!

А в следующий миг по пожарной лестнице рывком поднялся Кел.

Я оцепенела, глядя то на отчетливо видевшего меня через стекло оборотня, то на застывших в парижской улочке Аделарда и Роутега. То на Кела и... Аделарда.

Вампир появился позади Кела каким-то невероятным образом, словно перенесся в пространстве. Он совершенно очаровательно улыбнулся мне и похлопал оборотня по левому плечу. Тот стремительно обернулся, но вампир легко обошел его справа, порывом ветра распахнул дверь, вошел, закрыл дверь, и в тот же миг Париж за окном исчез вместе с разъяренным Келом.

Париж сменили туманные реки Изнанки.

А Изнанку – знакомые горные вершины Высей.

– Хотел бы я знать, как ему удалось, – мрачно произнес Аделард.

– Удалось что? – напряженно спросила я, все еще ощущая испуг после случившегося.

– Найти меня. – Видно было, что ситуация вампира не обрадовала вовсе.

Он постоял, задумчиво глядя на пейзаж за стеклом, затем напряженно произнес:

– Роутег оказался опаснее, чем я ожидал.

И Аделард посмотрел на меня. Я же тихо спросила:

– А как ты... внизу и потом раз – и... и тут?!

Улыбнувшись, вампир тихо рассмеялся, подался ко мне и прошептал:

– Волшебство.

– Ты шутишь! – возмутилась я.

– Почему сразу шучу? Я вполне серьезен, это волшебство. И ты знаешь, у меня есть еще одно волшебное умение!

– Это какое? – мрачно поинтересовалась я.

– Удивительное, – направившись к комнате, в которой я спала, ответил он. – Невероятное, полезное и очень нужное волшебное умение – я способен превращать хорошеньких девушек в вампирш одним ловким движением кредитной карточки. Идем, покажу, что я тебе купил.

Я с сомнением посмотрела на него.

– Мадди, – позвал Аделард, направляясь к двери, – поторопись, мне нужно на важную встречу, и ты идешь со мной.

– Зачем? – но поторопилась к нему.

И упустила из виду. Вот Аделард уходил в терракотовой майке и узких темных джинсах, а вот уже через мгновение вампир стоит перед зеркалом, поправляя серый галстук, идеально сочетающийся с серо-стальным строгим костюмом.

– За помощью в нашем с тобой нелегком деле. Если все сложится, твоя семья получит защиту от Вихо. – Он весело подмигнул затаившей дыхание мне. – Переодевайся.

Естественно, после услышанного я даже не подумала об отказе. Торопливо подошла к столу, на котором лежали бумажные пакеты из магазинов. Из большого достала сначала квадратную коробку – в ней оказались черные туфли на высоком каблуке, во второй – высокие черные перчатки, в третьей – набор косметики, четвертой – кружевные красные стринги и подвязки для чулок, затем чулки, после – ювелирные украшения – серьги и браслет, и самым последним я достала практически невесомое платье. Развернула – и к полу хлынул поток алого, как кровь, шелка.

– Уау... – только и произнесла я.

– Впечатлена? – прошептали у самого моего уха.

Оказывается, Аделард давно стоял позади и с интересом наблюдал за тем, как я распаковываю все это.

Обернулась, глянула на него.

Вампир обезоруживающе улыбнулся, наклонился ко мне и сообщил:

– Макияж должен быть ярким, подчеркни глаза и губы. Никаких румян, тени естественных и темных оттенков. Справишься?

Почему бы и нет.

Я забрала вещи и ушла переодеваться в спальню. Оделась быстро и даже накрасилась – проблема возникла лишь с креплением чулок к поясу. Провозившись некоторое время, поняла, что мне требуется помощь.

– Аделард! – позвала, придерживая платье.

– Можно просто Ад, – отозвался он, открывая дверь.

И замер на пороге.

Несколько секунд его взгляд изучал меня с головы до ног, отмечая все детали, а затем вампир подошел, опустившись на одно колено, с явным знанием дела пристегнул чулки к резинкам, опустил ткань моего платья и, взглянув снизу вверх, тихо сказал:

– Если все пройдет успешно, уже сегодня ты окажешься в полной недостижимости для Вихо.

– Ты серьезно? – откровенно не поверила я.

Вампир улыбнулся, поднялся и подал мне руку.

* * *

Мы покинули дом, выйдя в странном мире. Здесь были высокие горы, не такие, как в Высях, а величественные, серые, с заснеженными вершинами и обширными долинами. Они сильно напомнили мне ту территорию, на которой мы катались с Келом, но там на небе сияли сразу

три луны, здесь было всего две... Правда, я допускала мысль, что третья еще просто не возшла.

– Время, – напомнил Аделард, отрывая меня от созерцания прекрасного гармоничного мира.

Мы сели в припаркованный у здания серебристый автомобиль, по дороге, спиралью высеченной в скале, съехали вниз, промчались в тумане, столь плотном, что пути совершенно не было видно, и въехали в поселок у моря, укутанный сизым туманом, расцвеченный тусклым сиянием огней.

Здесь Аделард снизил скорость до минимума, некоторое время ехал по дороге, затем резко, так что завизжали шины, свернул в проулок. Выключил мотор. Повернулся ко мне, его лицо едва ли было видно в сумраке, и сообщил:

– Для начала у меня важная встреча с лордом Сонхейдом. Как я уже говорил, возможно... скорее даже вполне вероятно, что мне удастся договориться о покровительстве стаи Серых Гор для твоих родных. После мы отправимся к Асаме, хочу кое-что узнать о тебе.

Там, в доме, я не задавала вопросов, сейчас не удержалась:

– Объясни мне, пожалуйста, к чему все это может привести... Что будет с моей семьей, если этот Сонхейд согласиться? И для чего ты... – я так и не смогла спросить, для чего он это делает.

С улыбкой глядя на меня, Аделард ответил:

– На твоём месте я бы скорее поинтересовался, почему так важно узнать о тебе.

– Узнать обо мне? – Я удивилась.

Вампир кивнул.

– Мог бы просто спросить, – отстегивая ремень безопасности, отозвалась я.

– Сомневаюсь, что ты сама знаешь об этом, – усмехнулся он и вышел из автомобиля.

Обошел машину, раскрыл дверцу с моей стороны, галантно помог выйти. И провел к двери, выполненной из камня, которая открылась при нашем приближении.

И мы оказались на балконе бального зала!

Несмотря на то что здание снаружи казалось серым, неприметным и весьма небольшим, внутри с легкостью разместилась бы и половина Лувра. Мы подошли к балюстраде, за которой открывался вид на весь бальный зал, заполненный кружащимися в такт вальса парами. Женщины были исключительно в ярко-алом, мужчины – в строгих черных костюмах.

– Вампирская вечеринка, – с улыбкой сообщил мне Аделард,

приобнимая за талию.

Я с интересом следила за танцорами, их синхронными движениями, головокружительными поворотами и очень отработанной техникой танца. Создавалось ощущение, что это профессиональный танцевальный коллектив и вообще какое-то выступление, настолько слаженно они двигались.

– Красиво, – прошептала я.

– Средне, – отозвался Аделард, выглядывая кого-то среди танцующих.

И, словно ощутив его взгляд, одна из девушек вскинула голову, посмотрела на него и чарующе улыбнулась.

– Моя помощница, Валери, – почему-то поставил меня в известность вампир.

В следующий миг девушка что-то прошептала одними губами и вернулась к танцу. Зрителей на балюстраде, кроме нас, больше не было, Аделард взял меня под локоть и повел в глубь зала.

Мы вышли на лестницу, спустились вниз, и оказалось, что тут, отделенные аркой от зала, располагаются многочисленные столики. За ними сидели в основном мужчины, лишь в углу, полускрытом сумраком, я заприметила красное платье сидящей женщины. Еще одна странность – на каждом из столиков стояло по свече, которые, пылая живым огоньком, между тем совершенно не освещали лица сидящих, словно задачей этого освещения было исключительно отвлекать внимание от посетителей. Но один из мужчин внимание не просто привлекал – приковывал. Он сидел в центре, один за столиком, и по кругу от него ряд столиков был пустым, словно все боялись сесть к нему ближе. При нашем появлении мужчина повернул голову... я физически ощутила его взгляд на себе, а затем он вновь отвернулся. И вроде все, но рука Аделарда на моей талии напряглась.

Затем вампир повернулся и взглянул в зал с танцующими парами. И практически сразу из бального зала к нам подошел мужчина, одетый в черный строгий костюм, как и остальные, с бледной кожей, волосами до плеч и совершенно темными глазами. Подойдя, слегка склонил голову, приветствуя, Аделард ответил тем же, а после незнакомец произнес:

– Рад видеть, шеф. Могу я позволить себе пригласить вашу спутницу?

Аделард вежливо ответил:

– Не имею возражений. Маделин?

Я не знала, что ответить, откровенно растерявшись, но вампир решил все за меня:

– Наслаждайся вечером, – произнес он, отпуская меня.

После чего, поклонившись на прощание, не оборачиваясь, поспешил к

тому самому мужчине, что сидел за центральным столиком.

– Лорд Имар Шенр, – тем временем представился знакомец Аделарда, увлекая меня в бальный зал.

– Маделин, – ответила я.

– Маделин? – Он ввел меня в ряды танцующих, и те расступились, освобождая пространство для нас. – Красивое имя для красивой девушки. Вы умеете танцевать?

– Несколько запоздалый вопрос, вы не находите? – проговорила я, располагая свободную руку на его плече, так, как это делали дамы в окружающих нас парах.

– Своевременный, – улыбнулся вампир, сверкнув слегка выдающимися клыками. – Расслабьтесь, Маделин, поведу я.

И мы закружились по залу. Имар вел, я ощущала себя тростинкой в его руках, мелодия захватывала все сильнее, а на губах моего партнера заиграла улыбка, немного восторженная, откровенно приятная. Я улыбнулась в ответ, и мы закружились в новом вираже, абсолютно синхронно с другими парами. Это было совершенно удивительно – я не знала движений, мне был незнаком этот танец, я и вальс никогда не танцевала, но здесь и сейчас тело будто само подчинялось мелодии, легко и свободно, словно было создано именно для этой музыки, для этого танца.

И для следующего.

– Вы очень чувственны, Маделин, – произнес Имар, едва мелодия сменилась, и он обнял меня крепче, как обнимают партнера в танго. – Удивительно чувственны для человека.

Я хотела сказать, что не совсем человек, но не стала и лишь ответила улыбкой.

– И восхитительно прекрасны, – продолжил он.

– Общение на балу предполагает комплименты? – поинтересовалась я.

– Балу? – переспросил Имар. Улыбнулся и, опрокидывая меня на свою руку, пояснил: – Вам известно, где вы сейчас находитесь?

Я прогнулась, едва не коснувшись волосами пола, затем, повинувшись мелодии, поднялась и, падая на вторую руку вампира, выдохнула:

– Нет.

– Долина Туманов, – ответил он. – Серые Грани, территория, подконтрольная стае Северных Гор. Это пристанище изгнанных вампиров, место встреч и тайных бесед.

Я выразительно огляделась, намекая, что происходящее – сто процентов бал, и никак иначе.

Имар рассмеялся, остановился, так как стихла мелодия.

А вот едва начался следующий танец, он ухватил меня за руку, крутанул, прижав к себе спиной и развернув лицом к паре, что танцевала рядом с нами – высокий вампир с платиновыми волосами и изящная брюнетка с тоненькой хрупкой фигуркой.

– Леди Минора, убийство супруга на брачном ложе. Объявлена в розыск в Изнанке, – прошептал мне на ухо вампир. – Ее спутник – лорд Хамори, финансовые махинации, объявлен в розыск в трех мирах.

После чего, вновь вернув нас в исходную позицию, закружил по залу, поглядывая на меня и загадочно улыбаясь.

Я же смотрела на него широко распахнутыми глазами, не в состоянии понять происходящее. И больше всего меня заинтересовало следующее:

– Леди Минора убила супруга на брачном ложе? Почему?

– Как и все, – Имар закружил меня по залу, – не пожелала стать очередной игрушкой.

Мне лично это ничего не объяснило. Миры, вампиры, оборотни, Изнанка, Серые Грани – информации было, с одной стороны, крайне много, с другой – она была обрывочной, неполной, рваными кусками.

Внезапно мой партнер остановился, отпустил меня, отошел на шаг, поклонился. И почти сразу на мою талию скользнула уже знакомая рука, Аделард одним движением развернул к себе и повел меня в танце. Вид у вампира был крайне задумчивый, но кое о чем он решил просветить меня сразу:

– Лорд Сонхейд согласился.

– Согласился с чем конкретно? – уточнила я.

– Принять в стаю твою мать, братьев и сестер.

Я споткнулась и, несомненно, упала бы, но вампир держал крепко, а вел в танце уверенно.

– Услуга за услугу, – произнес он.

Затем подхватил меня за талию, закружил, как и все, вновь вернул в исходную позицию и продолжил:

– А вот на счет тебя договориться не удалось.

– Аделард, – то ли я начала уставать, то ли из-за волнения, но дыхания теперь не хватало и говорила я с перерывами, – про моих родных... это действительно правда?

Вампир посмотрел на меня, улыбнулся и...

И в следующий момент я услышала уже ставший до боли знакомым шепот:

«Ты отдала мне свою кровь добровольно и спасла мою жизнь. Меньшее, что я мог сделать для тебя, это ликвидировать „шесть поводов

желать вернуться к Вихо“. Пока что удалось разобраться лишь с пятью. Проблема в том, что твой... хм... отец дал клятву клану Волка. Без отречения он не может перейти под покровительство стаи Северных Гор».

А затем Аделард, галантно обнимая меня, продолжил:

– Ты не спросила, почему мне не удалось договориться на счет тебя.

– Лорд Сонхейд не желает связываться с Вихо? – предположила я, переживая совершенно о другом – об отце.

– Нет, – вампир рассмеялся. – Ты мало знаешь об иерархии оборотней, Маделин, Сонхейд – что-то вроде князя, Вихо – мелкий барон. Проблема абсолютно в другом... – Он помолчал, словно подбирал слова, и в итоге произнес: – В тебе нет крови оборотней, соответственно, у Сонхейда нет повода брать тебя под покровительство.

Я изумленно посмотрела на Аделарда, и он пояснил:

– Сонхейд подтвердил то, что я заподозрил, еще находясь в твоём доме, Мадди, ты не дочь своего отца. Именно поэтому «отец» так спокойно отнесся к факту твоего принесения в жертву. В ином случае он бросил бы вызов Вихо и погиб, защищая своего ребенка. Как любой нормальный оборотень. И как любой нормальный оборотень, пусть даже полукровка, он уже с начала беременности твоей матери знал, что в тебе нет его крови.

Я едва ли могла танцевать дальше. Потрясение оказалось настолько сильным, что я медленно теряла связь с реальностью, двигаясь как марионетка, не слыша и не видя ничего вокруг, ощущая растущую пустоту внутри...

– А... м-м-мой настоящий от-тец... кто он? – срывающимся шепотом спросила я, глядя на то, как мир вокруг медленно подернулся радужной пленкой слез.

– Не думаю, что он жив, Мадди, – сочувственно произнес Аделард. – Тот, кого ты считала отцом, хоть и наполовину, но все же оборотень – с его обонянием отследить того, кто спал с его женой, минутное дело. Скрывая тайну своего происхождения, он ничего не стал говорить твоей матери, но вряд ли оставил в живых ее возлюбленного. Это в том случае, если был факт измены.

Я пошатнулась.

– В общем и целом предположение об измене твоей матери логично, но... но только для человеческих пар, а в мире оборотней женщины всегда сохраняют верность партнерам, исключение лишь альфа-самка, при условии, что она сильнее своего альфа-самца... Конечно, можно было бы допустить, что твоя мать искренне любила какого-то человека, вступила с ним в кратковременную связь и родилась ты, – продолжил Аделард, все

так же крепко, бережно и уверенно поддерживая меня. – Но есть одно маленькое «но», и даже не одно – целых два. То, что насторожило меня при установлении контакта, и то, что я испытал при ощущении вкуса твоей крови. Говорить об этом Сонхейду я не стал – слишком опасно. Мои подозрения мы проверим у Асами. И если я прав, у нас еще есть шанс познакомиться с твоим настоящим отцом и выяснить тайну твоего рождения.

– Тайну моего рождения? – переспросила дрожащим голосом.

– Полукровкам достаточно сложно покинуть территорию Великой степи, Маделин, – задумчиво отозвался Аделард. – Без помощи – практически невозможно. А значит, твоему «отцу» помогли. Кто, зачем и какова была цена расплаты? И не стала ли ты следствием оплаты за услугу?! Интригует, не правда ли?

– Пугает, – прошептала я.

– Относись к этому проще, как и следует относиться к уже свершившимся фактам.

Он подхватил меня на руки, закружил под мелодию заигравшего вальса, отпустил и закружил вновь, обнимая, а затем с улыбкой произнес:

– Расслабься, улыбнись, наслаждайся танцами, в конце концов, я неплохой партнер, согласишься.

Говорить я была не в состоянии, поэтому лишь жалко улыбнулась в ответ.

– Расслабься, – настоятельно повторил Аделард.

Его совету было крайне сложно последовать. Я думала об отце... об отцах... о маме, о своем детстве, о Вихо... Почему-то именно о Вихо – он ведь тоже должен был сразу понять, ощутить, что я не оборотень даже на четверть. А впрочем, почему «должен был»? Он ощутил. Сразу. Вероятно, к этому и относилась его издевательская фраза «хороший отец». Тогда почему Вихо согласился принять мою жизнь за жизнь отца? К чему это было? И как получилось, что я... я... А мама? Могла ли я, пусть даже на секунду, представить, что мама любила кого-нибудь, кроме отца? Нет! Этого просто не могло быть, она жила папой, дышала им, их любовь всегда наполняла наш дом нежностью, заботой, бережным отношением ко всем нам... И папа никогда не делал различий между нами, детьми... Я...

Я вспомнила слова Ада: «Именно поэтому „отец“ спокойно отнесся к факту твоего принесения в жертву. В ином случае он бросил бы вызов Вихо и погиб, защищая своего ребенка. Как любой нормальный оборотень». Отбросила то ощущение боли в груди, которое скрутило, едва стало ясно – папа даже не пытался меня защитить...

И мне вспомнились мои четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... годы, в которые я каждый день проживала как последний. Отец знал почему. Отец знал, ни мама ни остальные не были в курсе. Отец знал и... ничего не сделал. Даже не поговорил со мной об этом. Ему было все равно?

Внезапно Аделард перестал танцевать и, прижав к себе, крепко обнял. Крепко-крепко и в то же время очень нежно, бережно. Я задохнулась в первый миг, но затем спрятала лицо у него на груди, стараясь сдержать слезы.

Вампир держал меня так несколько долгих минут, пока я не успокоилась.

Затем отстранился, заглянул в мои глаза, улыбнулся и вновь закружил в танце. И постепенно я отвлеклась, отдавшись во власть мелодии и уверенно ведущего меня Аделарда.

Сложно сказать, сколько продолжался этот вечер, но завершилось все крайне удивительно – мы вдруг остались совершенно одни, а зал погрузился в абсолютный мрак, лишь над нами словно светил прожектор, выделив нашу пару лучом света.

– Что происходит? – испугавшись, спросила я.

– Посторонние, – все так же ведя меня в танце, ответил Аделард.

И вдруг исчез.

Словно его схватили и оторвали от меня...

Я остановилась, растерянная и напуганная непроницаемой тьмой, боясь шагнуть из того круга света, в котором находилась.

А в следующий миг сердце замерло и ухнуло вниз, сжавшись от страха, – ко мне из темноты шагнул Вихо. Его желто-серые глаза мерцали в полумраке, их я увидела первыми, а затем свет выхватил широкие плечи, затянутые в строгий черный костюм, галстук-бабочку, ворот белоснежной рубашки.

– Ты прекрасна, – с легкой хрипотцой произнес оборотень.

Я промолчала, глядя в его глаза... Мерцающие в темноте, тускло светящиеся желтым сиянием... И, отметив это сияние, вспомнила слова Аделарда: «Потому что это прямое свидетельство того, что желание обладать тобой затронуло зверя, а значит – оборотень пойдет на все, чтобы получить тебя».

Но вместо того чтобы испугаться Вихо, я неожиданно вспомнила совершенно другого оборотня... Его серо-стальные глаза и тусклое желтое сияние в них, когда Роутег смотрел на меня... А потом я подумала, что ошиблась. Точно, ошиблась. Потому что это просто не могло быть правдой. Никак. Однозначно. Тут или мне показалось, или... или мне показалось!

А Вихо медленно подошел ко мне, неотвратимым кошмаром на яву вторгнувшись в не имеющие смысла размышления. Его левая рука скользнула на мою талию, правая нежно коснулась моей дрожащей ладони, и оборотень, не отрывая взгляда от моих глаз, закружил в танце, под заигравшую вновь мелодию. Шаг ко мне, твердый, уверенный, мой испуганный шаг назад, поворот... И вновь его шаг. Вихо смотрел на меня янтарно-стальными глазами, жадно и в то же время внимательно вглядываясь в черты моего лица.

– Как ты? – тихо спросил он.

Я замялась, не зная, что ответить на это.

– Прости, – неожиданно сказал Вихо.

– З-з-за что? – мой голос дрожал.

– За то, что не уберег, – шаг, шаг, поворот, – за то, что не поздравил в день рождения, – шаг, шаг, поворот, – за то, что был вынужден сказать по телефону. Я оскорбил тебя, сожалею.

Я не верила ни его извинениям, ни его сожалениям, но почему-то глаза наполнились слезами, капельки задрожали на ресницах и сорвались вниз.

Вихо остановился, прикоснулся ладонями к моим щекам, большими пальцами одним движением стер слезы, наклонился и легко прикоснулся к моим губам.

Ярко вспыхнул свет!

Словно потолок взорвался мириадами огней.

И почти сразу кто-то ухватил меня поперек живота и рывком оторвал от разъяренно зарывавшего главы клана Волка. Я резко обернулась и облегченно выдохнула – Аделард. Высвободив из объятий оборотня, вампир резким движением задвинул меня к себе за спину. И в то же мгновение, словно по команде, на танцполе появилось несколько мужчин, а также лорд Имар, танцевавший со мной до этого.

– Босс? – едва слышно спросил вампир у Аделарда.

– Будь готов вывести Мадди, – тихо произнес тот.

У Вихо, чей слух отличался особой остротой, и я знала об этом, дернулась щека, выдавая охватившую оборотня ярость. За его спиной появилась известная мне троица: Дик, Стэн, Грейк. Дик демонстративно положил руку на рукоять револьвера, который всегда носил с собой, Стэн нервно курил, Грейк держал наготове метательный кинжал. Но никто из них ничего не предпринял, и я полагаю, причиной тому было пятеро оборотней, которых от привычных мне отличали рост, массивное телосложение и отсутствие оружия.

– Шавкам запрещено появляться на территории стаи Северных Гор, –

гортанно произнес один из них.

– «Шавкам»? – переспросил Вихо таким тоном, что никто из противников не решился повторить обидное слово.

Говоривший из пятерки отступил, вперед вышел другой мужчина, он произнес гораздо сдержаннее:

– Вы находитесь на территории стаи Северных Гор.

Он не сказал больше ничего. Ему ничего не ответили. Вихо бросил последний взгляд на меня, затем развернулся и ушел. Грейк – за ним. Стэн, сплюнув на пол с таким видом, словно высказал все, что обо всем об этом думает, последовал за ними. Дик задержался. Он стоял до тех пор, пока Вихо и остальные не скрылись за дверью, а затем произнес:

– Мадди-малышка, тебе что-нибудь нужно?

Я отрицательно покачала головой.

Дик кивнул и добавил:

– На тебе запах вампира, ты по своей воле дала ему кровь?

– Да, – прошептала одними губами.

– Так я и думал, – неодобрительно сказал оборотень.

Развернулся и ушел, вскоре исчезнув в проходе. Пятерка странных громадных оборотней молча воззрилась на нас, Аделард взяв меня за руку, притянул к себе. Меня знобило. Вампир, не говоря ни слова, снял пиджак, укутал меня, обнял. Уткнулась лбом в его плечо, стараясь сдержаться и не расплакаться – после встречи с Вихо колотило от страха.

– Кровосос, – произнес один из оборотней, – ты увел девушку у Вихо?

– «Блохастый», не лезь куда не просят, – беззлобно ответил Аделард, успокаивающе погладив меня по волосам. – Мы уходим.

И он, обняв за плечи, повлек меня к противоположному от того, куда ушел Вихо, выходу. Имар пошел с нами, и оборотень, тот, кого Аделард назвал «блохастым», почему-то тоже. Мы поднялись на второй этаж, оттуда вышли на улицу, аккуратно к автомобилю вампира. Меня Аделард усадил на переднее сиденье, сам сел за руль, вампир и оборотень устроились сзади. Когда оборотень сажился, автомобиль заметно дрогнул, принимая его немалый вес.

– Так и знал, что вы работаете вместе, – обличающе произнес оборотень, едва автомобиль тронулся.

– Да, это косяк, – согласился Аделард. Затем обратился к оборотню: – Что случилось?

Тот, широко оскалившись, улыбнулся мне, взглянувшей на него в зеркало заднего вида, и равнодушно произнес:

– Асаме мертва.

На лице Аделарда не дрогнул ни один мускул, но я видела, как напряглись его сжимающие руль ладони.

– Кто? – глухо спросил он.

– Они не оставили запаха, – криво усмехнулся оборотень.

– Вихо! – выдохнул Имар.

Я вздрогнула, сжавшись.

Некоторое время Аделард ехал молча, затем резко затормозил у обочины.

– Спасибо, – сказал он оборотню.

– Сочтемся, – оскалился тот.

После чего открыл дверцу, вышел из машины и почему-то дверцу придержал, не закрывая.

И его поступок стал ясен, когда из сумрака шагнула вампирша, которую я видела на балу, поблагодарила мужчину улыбкой и с грацией королевы села в автомобиль. Оборотень захлопнул дверцу. Машина тронулась.

– Асаве мертва, – тихо оповестил Аделард свою помощницу.

Она промолчала.

– С одной стороны, паршиво, – продолжил вампир. – С другой – стало ясно: Вихо в курсе, что мы практически докопались до истины.

– Как сказать, – отозвалась девушка, и я вспомнила, что Аделард назвал ее Валери, – Асаве была единственной чувствующей в пределах нашей достижимости. Без нее подтвердить наши предположения будет проблематично.

– Жаль старушку, – сказал Имар.

Аделард переключил режим скоростей, надавил на газ, и машина с ревом помчалась по туманным улицам. Я украдкой взглянула на него – лицо вампира казалось высеченным из камня, губы были плотно сжаты, глаза смотрели точно вперед, руки уверенно держали руль – но при этом я ощущала, насколько ему тяжело сейчас, каким ударом для него стала смерть этой женщины.

Словно почувствовав мой взгляд, Аделард коротко взглянул на меня и вновь обратил все свое внимание на дорогу. Мы все молчали.

Автомобиль преодолел подъем, свернув, въехал куда-то, словно провалился в темноту.

Вспыхнул свет, освещая просторный железобетонный гараж, в котором мы оказались и который мог с легкостью вместить до двух десятков автомобилей, но их тут было всего семь. Аделард, уверенно лавируя, въехал на свободное место, заглушил мотор.

Оба вампира, сидящих сзади, тут же вышли из машины, Аделард же сидел, все так же сжимая руль.

– Ты ее знал? – тихо спросила я.

– Знал, – глухо ответил он.

Затем, невидящим взглядом глядя вперед, продолжил:

– Я предлагал защиту. Много раз. Она считала, что оборотни... – Его голос оборвался. Но он все же договорил: – Что оборотни не тронут женщину.

Не зная, что сказать, как поддержать, протянула руку, коснулась его ладони. Он улыбнулся уголком рта и произнес:

– Справлюсь. Пошли.

Из машины вампир вышел первым, обошел автомобиль, открыл мне дверцу, подал руку. Двух его помощников в гараже уже не было, но мы обнаружили их, поднявшись на лифте и выйдя в просторную гостиную дома, расположенного на склоне холма с видом на город, в данный момент ночной и светящийся разноцветными огнями. Имар стоял у внушительного бара, наливая себе виски. Вампирша устроилась на черном диване, положив ногу на ногу и попивая красное вино из высокого бокала. Аделард проводил меня к креслу. Едва я села, сходил и налил себе виски, после чего устроился на диване рядом с помощницей. Имар повернул второе кресло и присоединился к нашей компании. Я молчала, вампиры неспешно потягивали спиртное.

Молчание нарушила Валери, повернувшись к Аделарду и с нескрываемым восхищением спросив:

– Как тебе удалось проникнуть на территорию Роутега?

– Пораскинув мозгами, – с усмешкой ответил вампир, – ничего сложного.

– Босс! – Девушка хмыкнула. – Оставь отговорки для клиентуры, меня конкретно интересует вопрос – как?! Это еще никому не удавалось! Никому, Ад! Территории Истэка – розовая мечта всех иных!

В ее голосе было столько эмоций, что я невольно спросила:

– Все так серьезно?

Валери, посмотрев на меня, кивнула, а после потянулась к черной сумочке, лежавшей на столике рядом, взяла ее, выудила оттуда круглую пудреницу, открыла и, продемонстрировав мне, объяснила:

– Видишь, у этой штуки есть верх и низ, соединенные в одной точке, и подушечка. Вот примерно по такому принципу Роутег создал убежище для семей своего клана: верх и низ – наша реальность, а подушечка – его. Каким образом он сумел создать такую конструкцию – неизвестно, но это

место недостижимо ни из наших миров, ни из вашего, ни даже из Изнанки. Идеальное убежище. Непрístupное. По земле к ним не добраться – зыбучие пески поглотят любых незваных гостей, в любом размере и количестве, с воздуха никак – в нашей реальности не летают вертолеты, та же ситуация и с Изнанкой – снизу не подобраться. Роутег, как и его дар, уникальны, аналогов ему нет, как, впрочем, и столь идеально сработанных конструкций. Туда невозможно попасть, никак! И вот потому, босс, меня безумно интересует, как вам это удалось?

Мы все посмотрели на Аделарда. Вампир поднес стакан к губам, сделал глоток, подмигнул мне и сообщил помощникам:

– С Маделин что-то не так.

Я затаила дыхание, Имар и вампирша жадно смотрели на начальство. Аделард продолжил:

– Вихо при оформлении заказа сообщил, что она человек. Подчеркнул это. Меня же еще в момент найма напряг один момент – почему он обратился ко мне?!

– Ты лучший, – с абсолютной уверенностью и нескрываемой гордостью произнесла вампирша.

– Среди наших – возможно, для «блехастых» – определенно нет. Они привыкли доверять своим, но глава клана Волка неожиданно нанимает вампира...

– Тебе было проще выйти с ней на контакт? – предположил Имар, поглядывая на блики света, играющие на гранях его бокала.

Аделард улыбнулся мне и ответил Имару:

– Нет. Сложнее.

Вампирша удивленно приподняла брови. Имар перестал смотреть в бокал, внимательно глядя на босса, я и вовсе напряженно слушала. Аделард выдержал паузу и продолжил:

– Первая странность – оборотень нанимает вампира. Вторая – более суток я затратил на то, чтобы выйти на контакт. Маделин сопротивлялась. Причем естественно и легко. Невероятно, но для нее противостоять чужому влиянию – как дышать. Ничего не напоминает?

Мне лично ничего не напоминало, но и Имар, и Валери как-то настороженно на меня посмотрели.

Аделард продолжил:

– Едва установив контакт, она сумела перенестись в мое тело. Секунд на сорок, не более, но...

Все смотрели на меня, я, испуганно, на Аделарда.

Вампир сделал глоток, смакуя виски, затем вернулся к рассказу:

– Интуиция настойчиво твердила, что здесь что-то не так. Что-то не то. Не сходится, слишком много странностей. И мои сомнения сегодня подтвердил Сонхейд, сообщив, что Мадди не оборотень даже на четверть.

Валери судорожно выдохнула, Имар сжимал стакан, жадно ожидая продолжения. А мне стало очень грустно... наверное, если бы я была просто приемной дочерью, было бы легче, а так... а так я словно плод какого-то преступления...

– Опять же, ситуация с Вихо, – задумчиво продолжил Аделард. – Полукровка сбежал из клана Волка? Сомнительно. Остался не пойман? Сомнительно вдвойне. Прожил более двадцати лет, так и не был обнаруженным? Три раза – «ха»! Но мы имеем то, что имеем, и напрашивается лишь один вариант – полукровке помогли. И Вихо определенно знал об этом, по этой причине отца Маделин жестоко допрашивали, а не вырезали на месте и его, и всю его семью.

Я пошатнулась от ужаса и осознания того, что он сказал... И привлекла внимание Аделарда.

– Ты как? – взволнованно спросил он.

– Рассказывай дальше, – попросила осипшим голосом.

Он кивнул, ободряюще улыбнулся мне, затем сказал:

– Видимо, увидев тебя, Вихо мгновенно понял, чем твой отец расплатился с неведомым спасителем, и дальнейший допрос уже просто не имел смысла.

В голове зашумело, перед глазами все снова подернулось сумраком.

– Ты четвертый ребенок из пяти в семье оборотня, пусть полукровки, но оборотня, а оборотни собственники – они никогда не допустят связи своей женщины с другим. Я предположил, что твой отец был человеком, и был практически уверен в этом... но они убили Асаге. Отчетливо понимая, что это натолкнет меня на определенные мысли, и вместе с тем предпочтя похоронить правду. И таким образом я утвердился в мысли – ты спрятанное дитя. И скрыли тебя более чем хорошо. Оборотень видит в тебе только человека, вампиры видят в тебе только человека... Правду, видимо, знает исключительно Вихо, и... почему-то он сохранил тебе жизнь.

И тут вампириша сделала глубокомысленное заявление:

– Влюбился.

– Сомневаюсь... – протянул Имар.

– Допускаю, – высказал свою версию Аделард.

– Что?! – воскликнула я.

Вампиры посмотрели на меня, я постаралась собрать мысли в кучу... хоть как-нибудь и спросила:

– А мама?

Аделард, нахмурившись, отвел взгляд и глухо произнес:

– Ты, видимо, не совсем поняла, Маделин. Твой так называемый отец... в качестве уплаты долга за помощь с побегом отдал твою мать на одну ночь, после которой родилась ты.

– Что?! – вместо возгласа из горла вырвался какой-то хрип.

Валери, глянув на меня, встала, прошла к барной стойке, взяла другой бокал, оставив собственный, наполовину пустой, взяла бутылку, ловко наполнила второй бокал, долила и свой, вернулась – протянула мне вино.

– Я... я не пью, – прошептала, не в силах прийти в себя.

– Почему? – удивленно спросил Имар.

– Вихо запретил, – полушепот-полустон.

Я была в ужасе. Я была в совершенном ужасе. Как же так? Папа... мама... я... я... Я! Как?! Зачем? Как так можно было?

И тут Аделард задумчиво проговорил:

– Вихо запретил тебе пить? Вот как?

И, резко поднявшись, бросил на ходу:

– Валери, убери, я налью ей кое-что покрепче.

Вампирша, пожав плечами, вернулась на диван с обоими бокалами, один отставила, из второго начала потягивать вино маленькими глотками. А вот Аделард, открыв винный шкаф, что-то нажал, заставив шкаф содрогнуться и раскрыться, разделяя сложенные в нем винные бутылки, и извлек изнутри нечто, запыленное и оплетенное паутиной. Это была наполовину пустая бутылка внушительного размера, и то, что в ней находилось, определенно по концентрации было гуще, чем вино.

– Знаешь, почему мы пьем? – разместив бутылку на столе и осторожно вынимая из нее пробку, поинтересовался Аделард. Ответа не последовало, но он все равно невозмутимо продолжил: – Нарушаются связи между нейронами, контроль разума становится слабее и ярче проявляется внутренняя сущность.

Он достал бокал, внушительный, переливающийся отполированными гранями, и начал неспешно наливать в него жидкость из бутылки, продолжая рассказывать:

– Эффект длится недолго, для нас это своеобразный стимулятор. Для людей – яд. Но для нас...

Он поставил бутылку на стол, легко вогнал в нее пробку и, взяв бокал, направился ко мне.

– Это особый напиток. – Аделард подошел, присел на корточки, одной рукой держа бокал, от которого разило спиртом, второй коснувшись моей

руки. – Его дадут вампиру в день совершеннолетия. В двадцать пять лет. Выпей.

Я отрицательно замотала головой.

Аделард слегка прищурил глаза, улыбнулся и прошептал:

– Ты мне доверяешь?

Его темно-серые глаза смотрели на меня внимательно и спокойно, лицо выражало уверенность, теплая ладонь, чуть поглаживая, сжала мои ладони... Мне было жутко от того, что довелось узнать, было страшно узнать что-либо еще, столь же ужасное, мне было просто страшно... Но Аделард держал за руку, под его чутким взглядом все сложности будто отступали, и я...

Я взяла бокал.

Поднесла к губам, поморщившись от запаха, и, глядя на вампира, рывком запрокинула голову, вливая содержимое бокала в себя. Горло обожгло огнем, следом желудок – я отчетливо прочувствовала все движение спиртного.

Скривилась, не в силах даже дышать после такого, смахнула выступившие слезы, открыла глаза и...

Весь мир словно замедлился!

Он будто замер, настороженный и тревожный. Он застыл, позволяя мне увидеть движение пылинки в воздухе, услышать, как капает вода в кране... в двух домах отсюда... Ощутить запах надвигающейся грозы... она грянет утром, на рассвете, часов через шесть... Вздоргнуть от шороха гравия, скользнувшего под лапами мышки, забирающейся в норку где-то у подножия холма...

Звуки, запахи, ощущение мира обрушились на меня, заставив задышать глубоко, на пределе легких. Я в ужасе посмотрела на Аделарда, чувствуя, как во мне что-то меняется...

– Улыбнись, – вдруг попросил вампир.

Растянула губы волевым усилием и вдруг поняла, что действительно улыбаюсь.

Мне стало неожиданно хорошо, спокойно и легко.

Появилось желание танцевать, двигаться, подскочить из кресла.

Но Аделард все так же сидел на корточках передо мной, глядя то в мои глаза, то почему-то на зубы, то снова в глаза.

– Это странно, – задумчиво проговорила Валери, – я более чем уверена – она вампир.

– Я тоже ощущаю в ней свою. – Имар вернулся к медленному потягиванию виски. Затем, прервавшись, произнес: – И еще, босс, я хорошо

знаю «блохастых», и тут что-то не сходится.

– Что именно? – не оборачиваясь и продолжая внимательно изучать меня взглядом, спросил Аделард.

– Будь она пятым ребенком... тогда ясно, но четвертым... Босс, «блохастый» не ляжет в постель с женщиной, которая принадлежала другому. Что-то здесь не так.

– Экстракорпоральное оплодотворение? – внесла предположение Валери.

– Возможно. – Аделард поднялся.

Постоял, глядя на меня сверху вниз, затем подал руку. Я вложила ладошку в его раскрытую ладонь, и вампир рывком меня поднял, коснулся моей щеки и посоветовал:

– Иди спать.

– Мне не хочется. – Тело дрожало и желало танцевать, кружиться, промчаться по краю пропасти.

– Спать! – невозмутимо приказал Аделард. – И да, как звали вашего семейного врача?

Я непонимающе захлопала ресницами.

– Сам выясню, – потянув меня за руку в сторону прозрачной раздвижной двери, решил он. – Спать, Мадди, тебе действительно лучше поспать.

Спать?!

Я менее всего хотела спать!

Но вампир завел меня в комнату, уложил на кровать, снял с меня туфельки – одну за другой, наклонился, ласково провел по щеке и сказал:

– Спи.

Сон завладел мной мгновенно, веки словно налились свинцом и закрылись, тело расслабленно обмякло...

Я ощутила, как Аделард укрыл меня покрывалом, наклонился, прикоснулся губами к моей щеке, скользнул почти к самым губам, глухо застонал и разорвал прикосновение.

Раздался звук закрывшейся за ним двери.

Потом слышался разговор в гостиной и убежденно сказанное Аделардом: «Она не чистокровный человек, это совершенно ясно». «Но и не вампир», – произнесла Валери. После быстрый спор, и снова сказанное вампиром: «До утра будет спать, я использовал чары». Потом звонок Валери куда-то, звук мотора заведенной машины внизу, звук второй машины... отчетливый звук закрывшейся за вампиршей входной двери... пустота дома...

И я открыла глаза.

Как удалось избавиться от оков сна – даже не знаю, просто захотелось встать. Впрочем, нет, не просто захотелось – это вдруг стало жизненно необходимым! Я поднялась на кровати, закружилась, рухнула на одеяло, посидела...

Кровь бурлила, шальная улыбка играла на губах, хотелось петь, танцевать, куда-то бежать и что-то искать. Я соскользнула с постели, бесшумно закружилась по комнате, едва не напевая. Если бы мне дали партию белого лебедя в «Лебедином озере» – станцевала бы, не напрягаясь! Мне казалось, я сейчас и летать была способна.

Кружась и танцуя, приблизилась к стеклу во всю стену, взглянула на ночной город. Внезапно появилось желание вырваться из пустого дома... И танцевать, танцевать, танцевать! Танцевать там, где нет границ и препятствий, где тепло, хорошо... и свободно... Закрыв глаза, представила себе пустыню... Дюны, яркую луну, тепло струящегося под ногами песка... Я так явственно это представила, что, несмотря на находящееся передо мной стекло, поддалась порыву и шагнула вперед...

И не ощутила преграды!

Никаких преград, только свободу – бесконечную, безграничную свободу!

Шаг с закрытыми глазами, еще шаг – теплый ветер ударил в лицо!

Шажок, и нога скользит по песку...

Остановившись, распахнула ресницы и улыбнулась луне. Она была огромна. Лунный свет заливал пустыню, а я стояла на вершине дюны...

Страх? Он не возник ни на секунду. Я хотела танцевать! Танцевать, кружиться, скользить по песку вниз и вновь взбегать на вершину. И я бы подумала, что все это лишь иллюзия, но мой радостный ликующий крик прозвучал слишком реалистично, чтобы я могла счесть происходящее сном.

Я раскинула руки, закружилась, съехала по песку вниз, рассмеялась, взбежала на ближайшую дюну и... не удержалась на ее вершине. Чулки оказались слишком скользкими или просто неосторожно наступила, но меня неуклонно понесло вниз...

Время словно остановилось. Среди вихря испуганных мыслей пронеслось понимание того, что подо мной метров двадцать зияющей пустоты и при падении с такой высоты не спасет даже песок... И волной всплеснулся испуг...

Но я даже закричать не успела...

Сильные мужские руки скользнули на талию совершенно неожиданно, сошлись на животе, рывком прижали к напряженной мускулистой груди. Я

замерла, закрыв глаза, всем телом ощущая биение его сердца...

Резкое движение, и Роутег стремительно развернул меня к себе, чтобы снова прижать, властно удерживая за талию. Его лицо казалось высеченным из камня, на скулах отчетливо проступали желваки, серебристо-серые глаза горели неестественным светом.

– Просто человек? – хрипло спросил он.

А я вдруг перестала бояться падения с вершины дюны... Страх снова покинул, на этот раз окончательно, и на смену ему пришло ощущение безмятежности. Потому что Роутег был рядом... исключительно поэтому. Если подумать, это было странным...

Вот только думать я сейчас была не в состоянии.

Кровь, притихшая в момент опасности, вновь огнем понеслась по венам, требуя движения, вынуждая танцевать, одурманивания и опьяняя. Откинув голову назад, я закрыла глаза, ощущая нарастающий ритм лунной мелодии... Распахнув ресницы, посмотрела в небо и поняла – луна поет! Не просто поет – она зовет меня, манит, притягивает... И я была не в силах сопротивляться этому зову.

Изогнувшись, я уперлась ладонью в грудь Повелителя Истэка, вынудив разжать объятия, и, не разрывая прикосновения, шагнула назад, на самый гребень песчаной дюны... Роутег как привязанный, не отрывая взгляда от моих глаз, шагнул за мной... Песок взметнулся и опал ровной дорожкой под моими ногами, звезды засияли ярче, лунный свет серебром заливал все вокруг... Я повернулась, Роутег поймал мою ладонь. Я спрыгнула вниз, он последовал за мной, в последний миг заставив песок скользнуть под наши ноги, образуя очередную дюну.

И я окончательно утратила осторожность!

Танец по пескам, падение назад, раскинув руки, бег, стремительный и быстрый, и вновь падение! Роутег страховал меня, что бы я ни вытворяла, он, казалось, понимал все с полуслова, и когда я хотела вверх – подвластный ему песок нес меня к луне, желала упасть – он позволял, в последний миг осторожно подхватывая. Это был безумный танец, танец на грани разума, на грани жизни, на гребнях бесконечных дюн...

В какой-то момент я остановилась, тяжело дыша и запрокинув голову глядя на луну, которая зависла словно надо мной, а оборотень – он стоял сзади, не трогая меня, но так, что я всей спиной ощущала его присутствие. И когда откинулась, почувствовав внезапную усталость, обнял, поддерживая.

– Как... красиво, – выдохнула я, положив ладони на его руки.

– Да, – хрипло выдохнул он.

Мы постояли еще немного, когда я вдруг поняла:

– Хочу купаться.

Никак не возразив, Роутег лишь спросил:

– Холодная вода, теплая?

– Теплая, – ответила после секундной задержки.

Он подхватил меня и шагнул вперед... К океану!

И я совершенно не удивилась, лишь рассмеялась, вырвалась из его объятий и побежала к волнам. Вода действительно оказалась теплой! Она накатывала и убегала, скользя по ногам, уже мокрому платью, достигая груди и вновь уносясь в океан. А я танцевала среди волн до изнеможения, чувствуя, как постепенно затихает лунная мелодия, как отпускает упоение, сменяясь чувством удивительного спокойствия и блаженства. Я опустилась на песок, легла на спину, опираясь на локти, запрокинув голову, улыбнулась покидающей небосклон луне.

Вода убаюкивала, луна убаюкивала, но уснула я, лишь вновь оказавшись в объятиях Роутега.

* * *

Пробуждение вышло странным. Сначала я что-то шептала, не понимая, что именно. Потом мне приподняли голову, моих губ коснулось что-то прохладное, в иссушенный рот полилась вода, я жадно выпила ее. Голову вновь опустили на подушку, а я снова погрузилась в сон.

Проснулась как от толчка.

Просто вдруг села, открыла глаза и содрогнулась, увидев Роутега.

Оборотень, в джинсах и простой белой майке, сидел напротив меня на стуле, оперевшись локтями в колени, и устало ждал, пока я проснусь. Я вздрогнула, увидев его, и вздрогнула повторно, оглядевшись. Мы находились в доме Роутега. В разрушенном доме Роутега... Проломленные стены, вырванные с петлями вместе двери... Сломанная мебель... И спала я не на кровати – на матрасе, просто лежащем на полу.

– Еще воды? – просто спросил Повелитель Истэка.

Я кивнула.

Оборотень поднялся, вышел из комнаты, едва не задев сломанную и косо висящую дверь, судя по звукам, прыгнул... Но не успела я даже оглядеться толком, уже вернулся, подошел, присел на корточки, отвинтил крышку у бутылки с водой, протянул ее мне и сказал:

– Пить тебе действительно лучше не стоит.

Полагаю, он имел в виду не воду, поэтому, собственно, ее я выпила всю, жадно и пролив немного на себя. Остановилась, только когда бутылка опустела. Роутег молча забрал пластик, смял, нервным движением выбросил куда-то за сломанную дверь.

Мне было страшно задавать подобный вопрос, но я все же спросила:

– Эт-то я? Все здесь сломала...

– Мм-м? Нет. – Роутег мотнул головой, после поднялся, вернулся к стулу, сел, вновь оседлав его. – Частично я... вампиром, частично после этого сам...

Тяжело вздохнул и, глядя в окно, добавил:

– Архитектор был, сказал, что восстановлению не подлежит, дом нужно ломать и строить новый... тут что-то с перекрытиями, несущей стеной и прочим.

Я замолчала, не зная, что вообще говорить, Роутег посмотрел на меня и спросил:

– Завтракать будешь?

И тут я поняла, где я! Внезапно понимание накатило! Я у койотов... снова! У Роутега! А там Аделард, он же искать меня будет! Переживать, он... А я здесь! Как я здесь оказалась?!

– Не бойся, – оборотень хотел было встать, но сдержался и остался сидеть на стуле, видимо, чтобы меня не пугать, – успокойся, тебя никто не похищал, я просто почувствовал, что ты в опасности, и перенесся к окраинам. И вовремя. Что касается твоего нахождения здесь – я не буду тебя удерживать. Успокойся!

Но на меня накатывала паника, паника из-за Аделарда, за себя я почему-то... уже не боялась. И Роутега я не боялась тоже... Это было странным... Очень странным. Я напряженно посмотрела на оборотня, Повелитель Истэка так же несколько напряженно смотрел на меня.

Повисла неловкая пауза.

И тут Роутег спросил:

– Ты знаешь своего отца?

Замерев, удивленно воззрилась на оборотня. Знаю ли я моего отца? Да, конечно! Я... я вдруг вспомнила все, что произошло вчера... Абсолютно все! И поняла, что нет... я не знаю своего отца... Я знаю лишь того, кто был им все мое детство... всю мою жизнь... Того, кто без особого сожаления отдал меня Вихо...

– Нет, – прошептала, опустив плечи, – я не знаю, кто мой отец... Мне известно лишь предположение о том, что я не прихожусь дочерью тому, кого всю жизнь называла папой.

Глаза жгло от слез...

Повелитель Истэка помолчал, давая мне время успокоиться, затем тихо произнес:

– Ты дочь ведьмака, Маделин.

В первый момент мне показалось, что я ослышалась. Но едва вопросительно посмотрела на Роутега, он не стал испытывать мое терпение и продолжил:

– Я подозревал, что Вихо оберегает тебя по какой-то особой, известной только ему причине, но чтобы все было настолько серьезно... – Оборотень криво улыбнулся мне, не понимающей, ни что он говорит, ни что вообще происходит. И сообщил, глядя мне в глаза: – Ведьмакам запретили иметь потомство. Давно, еще до Вихо. И раса твоего отца вымерла. Полностью. Единственный живой на сегодняшний день ведьмак содержится на цепи в клане Волка. Вихо сохранил ему жизнь исключительно из соображений полезности – ведьмак славно помог ему поставить кланы на колени, взламывая Грани и открывая волкам путь в самые скрытые из убежищ иных.

Невесело усмехнувшись, Роутег продолжил:

– Дочь ведьмака... кто бы мог подумать...

Я вот не могла подумать. Я совершенно не могла о таком подумать... Я даже себе представить не могла, кто такие ведьмаки и... и что это вообще значит. И то, что это оказывается целая раса... вымершая уже раса... Но как? И почему?...

– Роутег, – прошептала, испуганно глядя на него, – а ты... ты уверен?

– Абсолютно, – последовал ответ.

Поверить во все это было нереально. Я пыталась осознать и не могла... Никак. И, несмотря на заверение Повелителя койотов, я не могла поверить. И я все еще надеялась, что, может быть, он ошибся... И вообще было бы хорошо, чтобы они все ошиблись...

– Знаешь, в чем одна любопытная особенность расы твоего отца, Маделин? – неожиданно спросил Ротуег. И тут же, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ведьмаки способны мимикрировать, подстраиваясь не только под обстоятельства, но и расу, находящуюся в непосредственном контакте. Вампиры наверняка приняли тебя за свою, не так ли?

Я невольно кивнула.

– До чувствующих, я так понимаю, добраться не удалось? – поинтересовался он.

– Асаме убили... – прошептала едва слышно.

Но он услышал, усмехнулся и задумчиво произнес:

– Вихо решил подстраховаться.

Я вопросительно посмотрела на него, откровенно не понимая, в чем проблема, от чего Вихо решил подстраховаться? Некоторое время Роутег молча смотрел на меня, затем сказал:

– По законам оборотней, как, впрочем, и вампиров, при обнаружении ведьмаков надлежит убить немедленно.

Едва ли после подобного я могла сказать хоть что-то.

Роутег моих слов и не ждал, продолжив:

– Вихо резонно запретил тебе пить – ведьмаков нереально отследить до того момента, как они ответят на зов луны. Твои предки научились скрываться. Подстраиваться под окружающих, приспосабливаться, не высовываться. И в то же время у ведьмаков есть одна особенная черта – они защищают своих до последнего. Вероятно, именно так Вихо и определил, кто ты. Скорее всего знал изначально, что в семье твоего отца один ребенок не от полукровки, но конкретно определить помогла вот эта особенность.

Голова гудела, яркий свет слепил, осознание того, что я неясно кто, но кто-то обреченный на недолгую жизнь, давило...

Роутег глубоко вздохнул и произнес:

– Сейчас я понимаю, что Вихо пытался защитить тебя. Изначально. И его «отдай жизнь за отца», привязавшее тебя к семье и лишившее подросткового желания исследовать мир, и контроль, и даже то, что он собирался забрать тебя в твои двадцать лет – время, когда сила ведьмаков становится подконтрольна сознанию.

Сообщив это, Повелитель Истэка, вероятно, ждал каких-нибудь слов от меня, но я потрясенно молчала. Роутег помолчал вместе со мной, затем сказал:

– Я не смогу тебя убить. И своим не позволю. Пошли завтракать.

* * *

Мое платье я нашла в ванной, мокрое, в песке, порванное местами. Надевать не стала. Здесь же в ванной сохранились мои вещи, я тогда шорты и рубашку постирала и оставила сохнуть, сейчас они мнегодились.

Одевшись, вышла из комнаты, осторожно переступив сломанную дверь, прошла по коридору и остановилась – лестницы не было. Вообще. Лестничный проем зиял провалом.

Роутег, выйдя из кухни, подошел ближе и сказал:

– Прыгай, я поймаю.

Я в нерешительности осталась стоять на краю.

– Я ловил тебя всю ночь, думаешь, не смогу поймать сейчас? Прыгай, Апони.

Он опять назвал меня бабочкой. Зажмурившись, я шагнула в провал... Стремительное падение и сильные руки оборотня, подхватившие меня.

– Опускаю, – предупредил он, ставя меня на ноги.

– Спасибо, – пробормотала, открывая глаза.

И огляделась – от прежнего просторного холла не осталось ничего! Сломанные стены, искореженный телевизор, содранная обивка с диванов...

– Идем, – позвал Роутег.

И я последовала за ним.

А на кухне не хватало стены.

Ее просто не было, торчали доски, обломанный кусок гипсокартона, а стены не было. Зато открывался вид на строительные работы на месте бывшего сада – и там сновало около двухсот строителей, техника, грузовики со стройматериалом.

И Жутя!

Аллигатор, мирно спавший у бассейна, поднял голову, зевнул и радостно потрусил ко мне.

– Он скучал, – усмехнулся Роутег, вернувшись к плите с лотком яиц, который взял из холодильника.

Земноводное если и скучало, то явно не по мне – подойдя, крокодил демонстративно открыл пасть. Я, поискав глазами, чего бы ему можно было дать, увидела хлеб на столе, взяла ломоть, кинула. Жутя радостно проглотил и открыл пасть снова.

– Мясо для него в холодильнике, – не оборачиваясь, сообщил Роутег.

Жутя, словно все понял, протрусил до холодильника и встал там, открыв пасть. Пока я его кормила, все посматривала на строителей – судя по фигурам и движениям, это были люди, вовсе не оборотни. Роутег, расставляя тарелки с яичницей, словно понял мой невысказанный вопрос и пояснил:

– Это люди.

– Здесь? – удивилась я.

– А кто, по-твоему, строил весь город? – иронично поинтересовался он. – Садись за стол.

Не став отказываться, я пошла к раковине, включила воду, чтобы помыть руки, и мысленно позвала:

«Аделард?»

Ответа не было. Я же начала переживать, думая о том, что вампир вернулся, а меня нет в спальне. Ни в спальне, ни в доме. Ни вообще нигде. Он же искать меня будет.

– Мадди, за стол, – позвал Роутег.

Ели мы молча. Я не знала, что говорить, да и... с ужасом думала о ситуации. Компонуя все сведения от Аделарда и Роутега, я пришла к неутешительным выводам – вероятнее всего, я дитя из пробирки. От неизвестного мне... ведьмака. То есть фактически я не на четверть оборотень, я наполовину нечеловек. Что с этим делать и как жить дальше – совершенно непонятно.

– Кстати, я уже извинялся? – вдруг спросил – роутег.

– Нет. – Я почему-то улыбнулась.

– Прости, – глядя мне в глаза, произнес он, – я не собирался отдавать тебя своим парням. Хотел напугать.

Что ж, это было честно.

Я так же честно ответила:

– Знаю. Аделард сказал, что ты не отдал бы меня.

И тут я вспомнила, как вампир это обосновал. И внутренне напряглась.

Роутег улыбнулся и произнес:

– Ни тебя, ни кого бы ни было другого. Прости. Я был уверен, что страх заставит тебя прервать связь с вампиром.

Наверное, стоило бы обрадоваться, но единственная мысль, что пронеслась в голове, касалась части фразы: «Ни тебя, ни кого бы ни было другого». Удивительно, но мое сознание сконцентрировалось лишь на этом, и сердце сжало чувством сожаления... И это было как-то странно... И грустно. Я даже не понимала, что конкретно меня так расстроило, но... что-то расстроило, и сильно. Понять бы – что...

Я не стала никак комментировать сказанное Роутегом, сказала только:

– Ты с самого начала меня запугивал.

Улыбнувшись, он просто сказал:

– Я таков, каков есть. Я извинился.

Он встал, сделал две чашки кофе, достал коробку конфет, вернувшись, отдал конфеты мне, протянул чашку кофе, сел напротив, медленно потягивая горячий напиток.

– По идее, ты можешь уйти отсюда в любой момент, – сказал он.

– Как? – тут же спросила я.

Роутег развел руками.

– Извини, я не ведьмак, как у вас получается перемещаться между реальностями, я не знаю. Зато могу перенести куда захочешь. Но лучше

оставайся пока здесь. Вряд ли тебе понравится у Вихо.

– Я могу вернуться домой, – сказала неуверенно.

– Не сможешь. Твою семью забрали оборотни из стаи Северных Гор. Так быстро?

Я растерянно посмотрела на чашку, покрутила ее в ладонях.

– Не знаешь, что тебе делать? – понял мое состояние Роутег.

Я кивнула, затем пожала плечами.

Оборотень помолчал, затем произнес:

– Не советую тебе возвращаться к Аделарду, Маделин. Ты должна знать – заключая договор с Вихо, он подписал его кровью. Соответственно, по истечении срока, указанного в договоре, вампир обязан отдать тебя нанимателю. По той простой причине, что в ином случае умрет.

Я удивленно посмотрела на Роутега, тот пояснил:

– Договор подписан кровью. Невыполнение заказа – смерть.

Ничего толком не понимая, но допуская, что в этом мире могут существовать странные законы, я уточнила:

– То есть, если я останусь здесь и Аделард не отдаст меня Вихо, он... умрет?

Роутег кивнул.

И я поняла, что не останусь. Что вернусь, без вариантов.

– Выбираешь Вихо? – странно усмехнувшись, спросил Повелитель Истэка.

– Выбираю вариант, в котором из-за меня никто не погибнет, – тихо ответила я.

Роутег, помолчав некоторое время, сказал:

– Аделард погибнет рано или поздно. Это его работа. Это его выбор. Это его право, в конце концов. Отдавать себя в жертву сначала ради отца, а после ради малознакомого вампира довольно странно, не находишь?

Молча посмотрела на него.

– Решать тебе. – Роутег махом выпил кофе. Поднялся. – Можешь остаться здесь, можешь войти в любой из домов города – тебя примут везде. Я на стройку, если понадобится – просто позови.

И развернувшись, он прошел через кухню, переступил разрушенную стену и отправился мимо бассейна к строящемуся дому.

* * *

Оставшись одна, я некоторое время сидела, старательно зовя

Аделарда. Раз за разом, и... ничего. Потом встала, побродила по дому, поражаясь масштабу разрушений... Двери, мебель, стены... В некоторых местах торчали оборванные, все еще искрящиеся провода, откуда-то сверху капала вода, на окне ошметками свисали некогда красивые занавески...

А потом, вдруг остановившись, я повторила про себя слова Роутега: «Если понадобится – просто позови». И он услышит? Серьезно? Но как? Как он может услышать мой мысленный зов, если он не вампир?!

Странности, странности, странности... И кто я в этом мире странностей?

Внезапно закружилась голова, слабость накатила так сильно, что я с трудом устояла. Кое-как вышла из дома, обнаружив один уцелевший лежак, подтащила его в тень и устроилась на нем, надеясь, что минутная слабость быстро пройдет. Жутя, таскавшийся за мной по пятам, подтрусил и плюхнулся возле лежака. Яркое светило солнце, меня жутко клонило в сон, несмотря на выпитое кофе и тревогу за Аделарда, слабость не отступала.

Даже не знаю, в какой момент я провалилась в бессознательное, лишенное видений состояние.

* * *

Вероятно, в моей сонливости был виновен выпитый накануне алкоголь, потому как я вообще никогда днем не спала, а уж чтобы вырубиться настолько, что не слышать и не ощущать, как меня перенесли, это вообще за пределами нормальности.

Но проснувшись я вовсе не у бассейна, а в гостиной дома.

Дома, который пах новой мебелью, свежим деревом и кофе.

Я, как оказалось, лежала на диване в гостиной, феноменально напоминающей гостиную Роутега в прежнем, ныне разрушенном доме, а с кухни доносились тихие голоса:

– И ты еепустишь? – И я по голосу узнала Кела.

– Я не в праве удерживать, – ответил глава клана Истэка.

– Вправе, – не согласился его собеседник.

– Нет.

Роутег ничего не сказал на это. Кел, упорствуя, произнес:

– Она твоя пара. Ты чувствуешь ее на расстоянии, ты появился в момент, когда ей угрожала опасность. Она твоя пара, Повелитель, глупо это отрицать.

– Я знаю, кто она, – зло произнес Роутег. – Знал это с первого

прикосновения, но... С меня хватит, Кел. В Ночь весенних песен я выберу себе женщину из наших. У меня будут семья и дети.

Секундное молчание, и вопрос Кела:

– А она?

Роутег долго не отвечал, но затем едва слышно, так что я с трудом разобрала, произнес:

– Она моя пара. Я буду заботиться о ней и защищать в случае необходимости. И на этом все.

– Это странное решение, – вставил Кел.

– Я пытаюсь поступить правильно, – едва не прорычал глава клана Истэка.

– Ты запугивал ее, пытаюсь поступить правильно.

– Я злился и срывался на ней. Даже идиот не назовет это правильным. Хватит об этом.

Дом вновь погрузился в тишину.

А затем Кел сказал:

– Последний из ведьмаков сидит на цепи у Вихо после попытки побега чуть более чем двадцать лет назад. Точнее будет, двадцать лет и девять месяцев назад. Если тебе о чем-то говорит эта цифра.

– Да, это он.

– Странно, что Вихо сохранил ей жизнь.

– Вихо внушает ужас, а тут четырнадцатилетняя девочка поступила смело, очень смело, бросив ему вызов. Я не удивлен, что он сохранил ей жизнь. К тому же девочка выросла.

Помолчали, затем Кел произнес:

– Вампир пил ее кровь?

– Да, один раз, видимо, поэтому и выжил, – спокойно произнес Роутег.

– Один раз? – переспросил Кел. – Вампиры рода Стоу, если начинают питаться кем-то, привязаны к жертве на семь ночей.

– Он пил один раз, – уверенно сказал Роутег. – Она бы на ногах не стояла, присасываясь он каждую ночь. Стоу вампир чести, как бы я к нему ни относился.

– Говоришь, он должен был умереть?

– После моих ударов не выживают. Вероятно, Маделин поделилась кровью сама, по собственной воле, поэтому он смог восстановиться.

– Но после оставил ее у себя.

– Кел, она спасла ему жизнь. Как бы ты поступил на его месте? Он пытался помочь, поэтому и использовал отпущенные на выполнение задания дни.

– На его месте я бы подготовил ее к жизни в клане Вихо, – ответил оборотень.

– Это минимум, возможно, он так и поступил, не зная, получится ли остальное. Судя по тому, что ее семью взял под защиту Сонхейд, что-то у Стоу получилось.

– А что-то нет?

– Вампиры не в курсе, что ведьмаки еще существуют. И в целом они мало что знают о них. Ко всему прочему, женщины у ведьмаков не рождаются.

– Как же появилась Маделин?

– Сомневаюсь, что естественным путем. Ее «отец» полукровка, но все же оборотень, он не отдал бы свою женщину другому. – Роутег помолчал, затем добавил: – И человеческая медицина уже способна на многое.

Некоторое время дом был погружен в тишину, после Кел спросил:

– И что с ней будет?

– Ночь, – как-то обреченно произнес Роутег, – она проснется, скорее всего, перенесется к Аделарду.

– Он отдаст ее Вихо.

– Она сама пойдет к нему, чтобы спасти вампира, – зло сказал глава клана Истэка.

– И ты... ничего не сделаешь?

– Сделаю.

– А потом?

– Отпущу.

– Что?! – практически заорал Кел.

– А что ты мне предлагаешь? – с внезапной яростью спросил Роутег. – Уподобиться Вихо и посадить ее на цепь? Ничем иным не удержать, Кел, она дочь ведьмака.

– Женщина на цепи... есть в этом что-то эротичное.

Роутег пару секунд молчал, а затем вдруг расхохотался.

– В чем дело? – недоуменно спросил Кел.

– Да так, – все еще посмеиваясь, ответил Повелитель клана Истэка, – неожиданно под другим углом взглянул на стремление Вихо сажать подчиненных на цепь.

Кел хохотнул и перешел к другой теме:

– Старейшины настаивают на допуске к Ночи весенних песен свободных оборотней из других кланов.

– Нет, – решительно сказал Роутег.

– Это против правил, старейшины будут в ярости.

– Наши женщины – это наши женщины, – непреклонно произнес Повелитель Истэка.

– Но старейшины... – начал было Кел.

– Проблема в том, что наши женщины покорны, в отличие от своенравных волчиц, естественно, склонные к подавлению своей пары волки предпочитают женщин Истэка. Но до тех пор, пока я Повелитель койотов, они могут засунуть свои предпочтения... собственно, ты понял куда. Что касается старейшин – они дискредитировали себя в ситуации с Маделин.

И тут я услышала шепот в темноте:

«Маделин?»

У меня от сердца отлегло!

Сев на постели, я закрыла глаза и мысленно позвала:

«Аделард?»

«Где ты?» – тут же пришел вопрос.

«У Роутега, – ответила после некоторой заминки. И тут же спросила: – Где ты был? Я звала! Ты не отвечал и не отвечал, ты...»

Включился свет.

Я распахнула глаза и увидела вошедшего Роутега.

– Проснулась? – задал он риторический вопрос.

Я кивнула.

– Идем ужинать.

Можно было бы промолчать, но я призналась:

– Пытаюсь поговорить с Аделардом.

Роутег тяжело вздохнул и сказал:

– Идем ужинать. Потом перенесу тебя к кровососу, если сама не сможешь.

И он вышел. Я посидела еще немного, пытаюсь дозваться Аделарда, но вампир не отвечал. Охваченная самыми тревожными предчувствиями, я встала и пошла на кухню.

Кела здесь уже не было, на полу, преграждая путь к холодильнику, лежал Жутя.

– Садись. – Роутег указал на место, перед которым стояли две накрытые крышками тарелки и столовые приборы.

Сам он сидел напротив через стол, поигрывая с песком. Тот то рассыпался по столешнице ровным слоем, то собирался в сверкающие кристаллики.

– Много услышала? – не глядя на меня, поинтересовался оборотень.

– Не знаю, много это было или нет.

Я села за стол, подняла первую крышку – стейк средней прожарки. На второй тарелке оказались нарезанные овощи. Аппетита не было совершенно, но, чтобы не обижать оборотня, я взяла кусочек сладкого перца.

Роутег молчал, не глядя на меня и продолжая поигрывать с песком, который слушался его, как преданный пес хозяина. Внезапно оборотень замер, после глаза его сузились, словно он вглядывался во что-то сквозь реальность, а затем посмотрел на меня.

Я так и замерла, не дожевав перец.

Но Роутег молчал.

Проглотив, тихо спросила:

– Что-то не так?

Повелитель Истэка пожал плечами, словно еще не знал, что конкретно «не так», затем произнес:

– На мою территорию пытается проникнуть ведьмак.

Я еще не привыкла ко всему этому бреду с оборотнями, вампирами, чувствующими и ведьмаками и потому совершенно не поняла, чем это может грозить.

– И? – переспросила почему-то шепотом.

Роутег ответил не сразу. Движением собрал песок в единый кристалл, покрутил так, что грани отбрасывали отсветы на стол, и тихо пояснил:

– Единственный существующий ведьмак – твой отец. Тот факт, что он вместо попытки сбежать пытается протащить сюда Вихо, говорит о том, что тебе не повезло с... обоими отцами. Этот, похоже, тоже пытается... откупиться тобой.

От его слов мне стало больно. Действительно больно. Я опустила взгляд на кристалл, стараясь сдержать слезы, собраться и поступить так, как в принципе и следовало с самого начала.

– Я дала слово, что отдам свою жизнь за жизнь отца, – говорить почему-то было трудно. – Слово я сдержу.

Роутег промолчал. Я же тихо добавила:

– В любом случае спасибо за каникулы... и за то, что свое двадцатилетие я отметила без Вихо.

Он все так же молчал, я подняла взгляд на него и вздрогнула. Повелитель Истэка смотрел на меня так, что перехватывало дыхание. Пристально, зло, с какой-то долей раздражения и в то же время как-то обреченно.

– Ты меня перенесешь? – спросила я.

Роутег все так же молчал. Только его ладонь, сжимающая кристалл,

побелела от напряжения.

Секунда... вторая... третья.

– Хорошо, – его голос прозвучал глухо.

Он посидел еще несколько секунд, затем резко поднялся, подошел ко мне, протянул руку. Мне сложно описать, что я испытала, вложив свою ладонь в его... На меня навалилось ощущение того, что все кончено. Абсолютно все. Но от судьбы не убежишь, да?

Я поднялась.

Роутег молча обнял меня за талию, и мир подернулся пеленой.

* * *

Мы перенеслись на край пустыни. Там, на дороге, обрывающейся в песках, стояли четыре черных внедорожника, рядом с ними находились мужчины в черном, замершие при нашем появлении. Впрочем, не мужчины – оборотни. Взгляд привычно выделил из них моих сторожей – Меченный Дик, Бешеный Стэн и Внимательный Грейк встретили меня ухмылками, вроде «давно не виделись». Я грустно улыбнулась самой себе, а затем обратила внимание на мужчину, который заметно отличался от оборотней. Он был невысок, стройное худощавое тело, бледная, почти белая, кожа, большие выразительные глаза, черные волосы... Да, сходство с отцом в моей внешности определенно присутствовало. А вот сходства в жизненной позиции не наблюдалось. Отец, неведомый мне отец, не выдержав моего взгляда, опустил голову. Мне не стало легче от этого, мне стало больнее.

А потом я увидела Вихо.

Он стоял чуть в отдалении, опираясь бедром на капот машины и сложив руки на груди. И это я увидела его не сразу, он, судя по немигающему взгляду слегка светящихся желтоватых глаз, уже давно смотрел на меня. Холодок ужаса прошелся по спине, замер где-то в груди, сжав сердце стальной хваткой.

– Ведьмак не на цепи, – вдруг тихо сказал Роутег, крепче сжимая мою талию. – Он может сбежать в любой момент.

– Это что-то меняет? – подавленно спросила я.

– Я не вижу причин, по которым ты должна расплачиваться своей жизнью за него, – проговорил оборотень.

Повернувшись к Роутегу, я взглянула на красивое, словно высеченное лицо Повелителя Истэка. Даже в красном свете заходящего солнца его волосы не приобрели свойственного койотам красноватого оттенка – они

были темными, с легким золотистым блеском по верхним прядям.

И поняла – не хочу от него уходить. Просто не хочу... Не хочу, чтобы он меня отпускал...

А вслух:

– Я дала слово. От моего решения зависит жизнь Аделарда. Я не хочу подвергать опасности кого-либо еще, а Вихо не остановится. Отпусти, пожалуйста.

И он отпустил.

Идти по песку было сложно. Впрочем, возможно, дело было не в песке – мне просто оказалось очень трудно делать каждый шаг, отчетливо понимая, что делаю этот шаг к Вихо. Но я шагала... один шаг, второй, третий... десятый... сотый. Мимо того, кто, как оказалось, был мне отцом, мимо своих «сторожей», мимо оборотней из клана Волка.

Я подошла, встала перед Вихо, не поднимая головы, не глядя на него, обняв себя за плечи и чувствуя дикую тоску по теплу рук... Роутега, по каникулам в городе Истэка, по всему тому, что, несмотря на сложности и переживания, было настоящим чудом...

Вихо не сказал ничего.

Несколько минут мы простояли вот так, в абсолютной тишине, потом он оторвался от автомобиля, приобняв меня за талию, провел к дверце машины, усадил на заднее сиденье. Захлопнул дверь, отрезая меня от моего приключения.

Только тогда я подняла голову и посмотрела на Роутега. Оборотень стоял все там же, на вершине небольшого песчаного холмика, сложив руки на груди и глядя, казалось бы, прямо на меня. Словно он меня видел через тонированное стекло автомобиля.

И я скорее почувствовала, чем услышала:

«Ты всегда можешь позвать меня. Я приду».

Вихо обошел автомобиль, сел на сиденье рядом со мной. Остальные тут же расселись по машинам, исключая всего одного человека. Моего отца. Он остался там, немного растерянный, с поникшими плечами и виноватым взглядом. Он остался там один, а джипы, совершив крутой разворот, понесли меня прочь... напрямик в ад.

* * *

Мы проехали несколько часов в абсолютной напряженной тишине. Как оказалось, прибыли к тому городку, из которого меня похитили койоты. Вот

только теперь подъехали не к станции монорельса, а к вертолетной площадке.

Водитель вышел из машины, открыл дверцу для Вихо. Тот обошел автомобиль, открыл дверцу для меня, подал руку. Я безропотно приняла его помощь, сопротивляться в принципе не имело смысла. Все так же без слов он сопровождал меня в вертолет, а там уже тихо не было, гул стоял жуткий, но... мне было все равно.

И когда Вихо, придвинувшись ближе, собственнически прижал к себе... тоже было все равно. Из меня словно вынули стержень, а может, и душу... ничего не осталось.

Мы летели ночью, довольно долго, по моим ощущениям, а затем Вихо, перекрывая гул двигателя, крикнул:

– Посмотри вниз. Все огни от горизонта до горизонта – наша земля.

Я посмотрела... города, городки, пригороды, отдельные поселения... размер территории поражал.

– Исконные земли нашего народа, – сообщил Вихо.

Исконные земли? Хотя мне, наверное, стоило и раньше догадаться – степи, индейский язык, индейская символика, да, это была их земля.

Мы подлетали ближе, и казалось, территория под нами расступалась и расширялась, в итоге я смогла разглядеть огромный особняк, значительно возвышающийся над остальными строениями, окруженный бассейнами, садом, освещенный огнями и располагающий вертолетной площадкой. На ней мы и приземлились.

И еще до того, как винт остановился, Вихо, подхватив меня на руки, спрыгнул вниз, а после стремительно понес ко входу в дом, по переходам и гостиным комнатам, куда-то в глубь строения и, как я подозревала, в спальню.

Я оказалась права.

Глава клана Волка приблизился к двери из темного матового стекла, открыл ее ударом ноги и внес меня. За порогом спальни поставил на ноги, позволяя оглядеться. Интерьер был необычный – две стены сходились под углом градусов в сто пятьдесят, третья была полукругом и состояла из стекла, открывая вид на долину, теплое серо-стальное ковровое покрытие на полу, огромная кровать в углу комнаты. Все.

– Тебе нравится? – спросил стоящий за моей спиной Вихо.

Я ощущала его дыхание, тепло его мощного жилистого тела и то, как сильно он напряжен. Потом поняла, что избегаю даже смотреть на кровать, пересилила себя, взглянула – вздрогнула.

– Манзи, – он коснулся моих волос, – ты пахнешь океаном.

«Мадди!» – нервно поправила я... про себя.

Вслух спросила:

– Где здесь ванная?

Молча указал.

Я прошла в указанном направлении, вошла, закрыла за собой дверь, и слезы хлынули ручьем. Я не всхлипывала, не кричала, просто слезы. Они лились и лились, пока я включала воду, раздевалась, вставала под душ и, запрокинув голову, подставляла мокрое лицо струям воды.

Не знаю, сколько я так стояла. Потом выключила воду, огляделась. Как оказалось, тут все было уже приготовлено для меня – женский гель для душа, он стоял рядом с мужским, новый совершенно. Без запаха. Взяла посмотреть мужской гель – неизвестная мне фирма-изготовитель, и да, гель тоже был без запаха. Шампунь... без запаха. Мыло также. Никаких ароматических отдушек в принципе. Что это, еще одна особенность жизни оборотней?

И в этот момент я поняла, что мне хочется выть. Просто выть от переполняющего отчаяния...

Не знаю, как сдержалась.

Вымывшись, я завернулась в полотенце, подошла к зеркалу, взяв второе полотенце, обернула волосы.

Постояв еще немного, развернулась и вышла.

Я знала, что он ждет.

Не ошиблась.

Вихо сидел на полу, прислонившись спиной к кровати, и ждал меня. В его руке был бокал, во взгляде – вопрос. И он озвучил его, едва я подошла:

– Ты ничего не хочешь спросить?

Я отрицательно покачала головой. Затем села, сняла полотенце с волос, встряхнула мокрыми прядями. Вихо, глядя на меня, отпил из бокала. Забавно, Роутег, Аделард, теперь Вихо – все пьют, задумчиво поглядывая на меня.

– Ты улыбнулась, – произнес Вихо, – мимолетно, но все же. Что развеселило?

– Ты пьешь, – просто сказала.

Он кивнул. Взглянул на бокал так, словно впервые видит, что там налито, повертел его, держа за ножку, посмотрел на меня, усмехнулся без намека на веселье, затем произнес:

– Ты знаешь, кто твой отец?

Пожав плечами, тихо ответила:

– Полагаю тот, кому ты дал свободу, бросив на границе территорий

Истэка.

Вихо кивнул.

А затем, глядя на меня, сказал:

– Отныне это твой клан, Манзи. Твой новый дом. Дом, в котором тебя не предадут, защитят и подарят все, что ты пожелаешь.

Менее всего я ощущала себя здесь как дома.

Вихо хотел было что-то еще сказать, но промолчал.

Молчала и я.

Он допил вино в бокале, посмотрел на меня, пристально, внимательно, пронизывающе, затем глухо спросил:

– Ты позволишь сегодня провести ночь с тобой?

Подняла на него взгляд.

– Я спрашиваю, потому что виноват перед тобой, – в его голосе послышался сиплый рык.

Глупо было с моей стороны оттягивать неизбежное, но...

– Если можно, я бы предпочла побыть одна, – прошептала, опуская глаза.

Вихо некоторое время молчал, затем поднялся и, направившись к двери, бросил через плечо:

– Отдыхай.

И дверь закрылась за его спиной.

Сложно сказать, что я ощутила с его уходом. Не поверила сначала. Некоторое время сидела на полу, глядя на дверь и ожидая, что она сейчас откроется. Потом встала, вышла на балкон – в клане Волка никто не спал, повсюду горели огни, на улицах слышались голоса, посмотрев вниз, я увидела Вихо, стоящего на нижней террасе и поглядывающего вдаль. Рядом с ним находилось четверо оборотней, полагаю его беты, приближенные к власти, и смотрели они также вдаль, в сторону... леса.

Отчего-то сердце забилось быстрее... Странно.

Отойдя от края балкона, я села на пол так, чтобы видеть лес, но не видеть Вихо и его подельников, и позвала:

«Аделард».

В ответ тишина, а мое сердце сжалось от тревоги. Затем я услышала отдаленный вой... одного волка поддержал еще один, и еще, и... Как тогда, когда оборотни загнали и загрызли того несчастного парня... Кого они гонят теперь?!

«Аделард, где же ты?!»

И внезапно я почувствовала – он слышит. Слышит, но не отвечает. Почему? Что происходит?

«Все хорошо, – прозвучал его хриплый шепот. – Оставайся у Роутега. Навсегда».

И все

«Аделард? Ад?! Аделард, где ты?!»

Наверное, это были инстинкты или предчувствие, я не знаю, как еще объяснить то, что, вскочив и увидев, как Вихо, сорвав с себя рубашку, босиком направляется в сторону леса, а за ним следуют его беты, я поняла, что это связано с Аделардом. Не знаю как, но связано.

И, чувствуя дрожь во всем теле, я, перегнувшись через перила, крикнула:

– Вихо!

Он остановился. Затем неестественно быстрым рывком развернулся, вперив в меня предостерегающий взгляд. Взгляд, от которого холодок прошелся по спине. Он, кажется, понял, что я хочу спросить, и явно не желал услышать этот вопрос.

И все же я произнесла:

– Вихо, где Аделард?

Глава клана Волка никак не отреагировал на мой вопрос, но один из его подчиненных метнул взгляд в сторону леса. И я все поняла!

Аделард у них. Вот почему он не отвечал на мой зов, вот почему не пришел за мной к Роутегу. Просто не мог. Его схватили. Похоже, еще вчера. А сейчас что, готовится показательная казнь? Судя по взгляду назвавшего меня женой оборотня, дело обстояло именно так.

– Вихо, нет... пожалуйста! – Я практически простонала.

Он криво усмехнулся, затем произнес, повысив голос, так, чтобы я, не обладающая их слухом, услышала:

– Ложись спать, Маделин.

Ложиться спать?! Что?!

– Вихо, – голос дрогнул, – я передумала, я...

Договорить не успела. Оборотень, который всегда казался мне просто человеком, вдруг ринулся к балкону, разгоняя свое тело, а затем рывком взвился в воздух. Приземлился позади меня, махом преодолев метров пять высоты. Меня затрясло, но я все же нашла в себе силы развернуться к нему и взглянуть в глаза того, кто так пугал.

Оборотень стоял передо мной огромный, напряженный, каждый мускул на его теле выделялся, словно очерченный игрой тени и света, руки висели вдоль тела, пальцы сжаты в кулаки, лицо каменное, глаза светятся тусклым желтым светом, губы плотно сомкнуты.

– Ты, – глухой рык в голосе, – ты... – яростное рычание, и почти сразу пораженческо-усталое: – Ты... глупая девочка.

Он сделал плавный шаг и словно перетек, приблизившись ко мне. Поднял ладонь, кончиками дрожащих пальцев прикоснулся к моей щеке и прошептал, глядя в мои глаза:

– Ты та, что заставила меня думать о тебе, слабой бесстрашной девочке, каждый раз, когда сильнейшие из оборотней склонялись передо мной, сдаваясь без боя.

Судорожный вздох – и хриплое:

– Ты та, что заставила потерять голову, едва я увидел тебя юною, отчаянно счастливую, в том коротком черном платье... я два года титаническим усилием воли держался подальше, опасаясь, что сорвусь, я...

Его голос стих, рука безвольно повисла.

– Я ждал тебя столько лет, моя куколка...

В лесу вновь раздался волчий вой. Ликующий, голодный, предвкушающий развлечения.

– Вихо, – мой голос дрожал, – что с Аделардом?

И взгляд оборотня мгновенно ожесточился. Черты лица стали хищными, злыми, голос резким.

– Он не выполнил заказ, – отчеканил оборотень.

Я пошатнулась.

– Ложись спать, Маделин, – холодно приказал глава клана Волка.

Попыталась ответить, не смогла и лишь отрицательно покачала головой, с мольбой глядя на оборотня. Он был недоволен моим поведением. Недоволен, но сдерживался. Подрагивающие ноздри, ходящие желваки говорили о ярости. Вихо закрыл на миг глаза, после, приподняв веки, странно глянул на меня и выдвинул свое условие:

– Поцелуй.

Меня затрясло. В горле как-то вмиг пересохло, внутри все сжалось, но был ли выбор?! Похоже, что нет. Я посмотрела на Вихо, скользнула взглядом по мускулистому жилистому телу, подняла взгляд на плотно сомкнутые губы... Сделала шаг. Неловкий и невольный. Прикоснулась ладонью к груди оборотня, поднялась на цыпочки и, отчаянно зажмурившись, коснулась губами его губ. Вихо замер, он, кажется, даже не дышал, но всего один миг, и я оказалась сжата сильными руками, а его поцелуй не шел ни в какое сравнение с моим робким прикосновением – жадный, голодный, поглощающий, подчиняющий.

А затем порыв ветра, и Вихо исчез, просто спрыгнув с балкона.

Я медленно опустилась на пол, дрожа и удерживая край пытающегося

соскользнуть с меня полотенца. Меня не просто трясло – колотило как в лихорадке. Но я даже дышать старалась тише, чтобы слышать... услышать... понять, спасен Аделард или нет.

И я услышала – сначала полный разочарования вой, после шум ломаемых вдалеке веток, а затем...

«Где ты?» – неимоверно злой голос Аделарда.

Я не ответила. Облегчение накатило волной, и, окончательно обессилив, я как была легла на пол, свернувшись и обняв колени.

«Где ты, Маделин?» – шепот в темноте срывался, словно вампир был в бешенстве.

«Мадди... – он оборвал себя, но затем торопливо продолжил: – Они схватили Валери вчера, возле госпиталя. Нас ждали, Вихо просто просчитал мой следующий шаг. Я сдался в обмен на нее. Я бы справился сейчас, Мадди! Я же сказал тебе оставаться у Роутега!»

Я молчала, чувствуя, как с ресниц срываются слезинки...

«Не молчи! – практически стон. – Пойми, ты одна из нас, и то, что не инициировалась вчера, я узнал – так бывает, и это не меняет ничего, Маделин. Ты вампир, вероятно лишь частично, но этого достаточно, и я сумею тебя защитить, даже если потребуются покровительство высокопоставленного дома».

И вот тогда я прошептала:

«Я не вампир, я дочь ведьмака, Аделард».

Реакцией на мои слова была тишина.

Просто тишина.

Только тишина...

Я долго лежала на полу, глотая слезы, после встала, умылась, сняла полотенце и легла на кровать, укрывшись с головой. Спать не хотелось, я выспалась днем, но вставать, двигаться, шевелиться не было ни сил, ни желания. И я лежала, думая о своей жизни, о том, кто был моим отцом и отдал меня, о том, кого я считала своим отцом, и он тоже отдал меня...

Не знаю, сколько я так пролежала и сколько бы пролежала еще, но внезапно услышала:

«Твой отец – я говорю о настоящем отце – является оборотнем на четверть своей крови».

К чему Аделард мне сообщил это, я совершенно не поняла, но безумно обрадовал тот факт, что он меня не бросил, что еще говорит со мной. До слез обрадовал.

«Поднимайся, – продолжил вампир, – и води себя как оборотень. Так, как я тебя учил».

«З-з-зачем?» – удивилась я.

«Потому что это наш единственный шанс. Помни, что я тебе рассказал, уясни – никто, даже волчицы, не посмеют тронуть тебя и пальцем. Ты женщина Вихо, ты неприкосновенна. Но уважения придется добиваться самой. Вставай!»

Я села

Сжала руки и сказала то, что должна была:

«Я дочь ведьмака, Аделард. Роутег сказал, что моя раса подлежит уничтожению как у оборотней, так и у вампиров. Я...»

Он перебил меня злым:

«К дьяволу, Маделин. Мне искренне плевать на то, чья ты дочь! Я спрячу тебя так, что никто не найдет. У крови ведьмаков есть особенности, что-то слышал об этом, выясню все, решение найдем в любом случае, но сдаваться не смей, Мадди!»

Я ничего не ответила ему, но... сказанное Роутегом Аделард только что фактически подтвердил. «Я спрячу тебя так, что никто не найдет»... Одного этого мне хватило, чтобы понять – искать будут. Вихо сделал все, чтобы скрыть тайну моего рождения, но если правда когда-нибудь откроется...

«Маделин!» – зло поторопил Аделард.

«Не вижу смысла бороться, – тихо ответила ему. – Просто не вижу... Даже если получится сбежать от Вихо, рано или поздно он меня найдет. Он или другие оборотни, чтобы уничтожить. От судьбы не уйти, понимаешь?»

«Да? – зло переспросил вампир. – И что ты знаешь о своей судьбе, Маделин?»

Это был хороший вопрос.

«Да, с ведьмаками все сложно, – продолжил Аделард, – но, гнилая кровь, Мадди, посмотри на меня – я вампир дома Стоу. Моя судьба была решена от момента даже не рождения – зачатия, я обязан был стать столпом правящего дома и униженно служить его главе. Всю свою жизнь! Я был рожден именно для этого. Меня воспитывали для этого. Меня инициировал сам Кахир, привязывая кровью к себе для того, чтобы подсознательно я ценил его жизнь выше собственной. Привязка по крови – это неразрывные узы, Маделин. Я разорвал. Бросил вызов Кахиру, стал причиной распада целого дома, но выбрал свою судьбу сам и никогда ни минуты не жалел об этом. А теперь представь себя, сидящей на этой террасе через год... два года... три! О чем ты тогда будешь сожалеть, Маделин?»

Я представила.

Представила отчетливо и ощутила подкатывающую тошноту. К дьяволу судьбу и то, что я была, видимо, изначально предназначена Вихо! Я не хочу так жить! Я не смогу так жить! Лучше смерть, чем это!

Поднявшись, отправилась в ванную, судорожно думая, что надеть, и спросила:

«Что я должна делать?»

Аделард, не ответив на мой вопрос, задал собственные:

«На чем вы расстались с Роутегом? Ты сбежала?»

«Нет, он меня отпустил...»

Молчание, затем вопросительное:

«На каких условиях?»

Теперь молчала я.

«Без условий?!»

Я не знала, что сказать на это.

«Мадди, не молчи. Есть вариант вытащить тебя так, чтобы ты сохранила полную свободу и была неприкосновенна для клана Волка. Но действовать нужно по их законам. Что тебе сказал Роутег?!»

Что я могу его позвать в любой момент... но говорить об этом Аделарду я не стала.

Он помолчал, затем спросил:

«В чем дело?»

А я вдруг поняла, что мне очень тяжело об этом сказать. Тяжело настолько, что я несколько секунд собиралась с силами, чтобы ответить:

«В Ночь весенних песен Роутег выберет себе женщину из оборотней и будет счастлив. Роутег, он... он оказался настолько благороден, что предложил свою помощь, но я... я нет, не смогу, понимаешь?»

«Это сложно понять, – честно ответил вампир. – Я был уверен, что Роутег бросит вызов ради тебя... но он отпустил. И то, что ты сказала, это были его слова?»

«Да...»

Еще несколько долгих, томительных секунд, и Аделард скомандовал:

«Начинай действовать, Маделин. Ни одна волчица не будет прятаться, она начнет осматривать владения. Отправляйся!» – практически приказал Аделард.

Я оделась все в те же шорты и майку, посмотрела на себя в зеркало. Видок был тот еще. Нашла расческу, кое-как причесала волосы, потом побродила по спальне, нашла скрытую дверь в гардеробную Вихо. Покопавшись там, выбрала себе белую рубашку, надела поверх майки, подвязала, закатала рукава.

Из спальни я вышла босиком.

Собственно, обувь мне было нечего, туфли остались в доме Роутега. Чувствовала я себя босиком не очень, но постаралась сделать вид, что так и

было задумано, а потому, вздернув подбородок, уверенно направилась по коридору, игнорируя стоящих неподалеку оборотниц – обе были в вечерних платьях, обе в туфлях на высоченных каблуках, обе уставились на меня крайне недобрыми взглядами, и я поняла, что первое испытание на прочность ждет меня прямо сейчас.

Так и вышло.

Стоило мне приблизиться шагов на пять, как одна из женщин плавно отшатнувшись от стены, заступила мне путь и произнесла:

– Качина, отправляйся в спальню, твое место там.

Она была высокой. Выше меня на голову, плюс каблук. И тренированной – под смуглой кожей переливались мускулы. Яркий макияж придавал ей женственности, но не скрывал физическую силу, и смотрела она на меня с превосходством, явно мне демонстрируемым. Интересно, с чего бы?

– Мы твоя охрана, – издевательски просветила меня женщина.

– Охраняете, чтобы меня никто не обидел? – спросила я.

Оборотница усмехнулась и с нескрываемой язвительностью ответила:

– Следим за тем, чтобы ты не совала свой очаровательный хрупкий носик, куда не следует. Возвращайся в спальню, качина.

Разумом я понимала, что мне нечего ей противопоставить, но уроки Аделарда не прошли даром.

Я решительно посмотрела в глаза женщины. Решительно, с уверенностью, которую вообще не испытывала, и мысленно уговаривая себя не бояться, по причине того, что оборотница не посмеет меня и пальцем тронуть. Не посмеет. Не должна. Черт, как страшно...

Хотелось закрыть глаза, подышать, успокаиваясь, и вообще позволить себе хоть маленькую передышку в этом противостоянии. Но пауза в таком деле не предполагалась, и потому я стояла, гневно глядя на волчицу и напряженно думая, что сказать. Сказать определенно что-то следовало, вот только что?! Возмутиться тем, как она ко мне обратилась и на что намекнула? Все же слова про спальню явно были произнесены с определенной издевкой. Или выказать гнев по поводу обращения «качина»? Я не куколка, я – Маделин. И меня достало пренебрежительное отношение оборотней!

– Прочь с дороги! – произнесла, глядя ей в глаза.

Волчица оскалилась. Издевательски. Вторая и вовсе захохотала, указывая на меня пальцем.

Нужно было что-то делать, и немедленно, иначе моя попытка проявить характер завершится не начавшись. Нужно было подойти, и... я не знаю...

Дрессировщики бьют животных на арене цирка, мне что, тоже ее ударить? Против подобного восставало все во мне. Но и что делать, я не знала, да и кто бы знал на моем месте. Я никогда не дралась в школе, у меня даже конфликтов никогда и ни с кем не было, кроме конфликта с Вихо тогда... и вот к чему это привело.

– Качина, – волчица снисходительно смотрела сверху вниз, одним этим взглядом демонстрируя, какого она обо мне мнения, – топай своими маленькими ножками в спальню, пока твоей кругленькой попке не досталось.

Я выдохнула, решительно преодолела пять шагов, вплотную подойдя к волчице, замахнулась и отвесила ей звонкую пощечину, звук от которой разошелся по всему гулкому коридору.

Волчица отшатнулась, на глазах теряя человеческий облик, и через миг это было уже не лицо – оскаленная пасть. Вторая застыла, дыша так, что даже я слышала, как она втягивает воздух, а монстр, в которого превращалась ударенная мной женщина, хрипел и ревел в ворохе лоскутков разлетающегося платья.

Не прошло и минуты, как передо мной стояла самая натуральная волчица, разве что размером явно поболее лесных хищников. И в первое мгновение я думала, что зверь бросится на меня, но животное отступило, опустив голову и поскуливая. Это выглядело жутко. И чувствовала я себя мерзко, но деваться мне было некуда.

– С дороги, – приказала я зверю.

Волчица попятилась, все так же скуля.

Я, повернув голову, посмотрела на ее спутницу. Та ответила мне оскалом. Опасливым и злым, у меня такое ощущение появилось, что она вцепится мне в горло, стоит только отвернуться. И потому отворачиваться было страшно, но я постаралась скрыть страх гневным вопросом:

– Что-то не так?

Женщина, выпрямившись и поправив платье, хрипло спросила:

– Госпожа голодна?

Какой резкий переход! Но и вопрос явно не просто задан. Правда, я понятия не имею, с какой целью, но, возможно, она хотела меня задержать. Не выйдет!

– Я желаю прежде осмотреть свою территорию! – решительно сообщила волчице.

Она предприняла титаническую попытку скрыть удивление, поклонилась мне и хотела было спросить еще что-то, но я опередила, отдав приказ:

– Проводи меня. Сейчас.

Мой приказ как-то странно повлиял на нее, она дернулась, но не возразила, продемонстрировав, что готова следовать за мной. Ну и ладно. Я направилась вперед, слыша, как позади постукивают каблучки крадущейся следом женщины.

И я шла гордо, расправив плечи и прямо глядя на всех встречных оборотней. Урок Аделарда даром не прошел – я смотрела им в глаза так, словно гляжу сквозь, оборотни опускали взгляд и склонялись передо мной. Так я миновала коридор, спустилась на первый этаж, осмотрела его, и передо мной открывались все двери, а волки сопровождали меня взглядами или следовали на почтительном расстоянии. Мне же оставалось только поражаться им – высоким, мускулистым, поджарым, могучим и настолько слепо подчиняющимся инстинктам. Поражало и жилище Вихо. Это был просторный дом, практически дворец, в котором я насчитала более сорока спален, и это при том, что второй этаж принадлежал только Вихо. Ну и мне. А еще будущим детям – пять детских комнат со стенами, выкрашенными черным, явно ожидали жильцов.

На первом этаже помимо спален обнаружились четыре оружейные, и арсенал был впечатляющим, гимнастические залы, столовая, кинозал, удививший меня своим размером, крытый бассейн, это в дополнение к шести открытым, которые располагались вокруг дома.

На первом подземном уровне я обнаружила кухню. Большую, с персоналом, который выглядел вполне человеческим. При моем появлении они все опустились на колени, а затем уткнулись лбами в пол, столь унижительным способом демонстрируя полное подчинение.

– Полукровки, – презрительно сообщила следующая за мной волчица.

Я развернулась и вышла из кухни.

Здесь же, на этом уровне, были складские помещения, в части, близкой к кухне, хранящие продукты и прочее, а те, что были ближе к спуску на второй подвальный уровень, сплошь оружейные. Оружейные, снова оружейные и...

– Кокаин, – насмешливо уведомила меня моя провожатая, когда я изумленно воззрилась на прозрачные полиэтиленовые мешки с чем-то белым. – Желаете попробовать? Люди любят такие... развлечения.

Обернувшись, я смирила ее взглядом, выражая все, что я по ее поводу думаю. Волчица заткнулась, опустила голову, отступила. Да, с этим придется что-то делать.

На лестнице, ведущей ко второму подвальному уровню, путь мне преградили двое оборотней в военном камуфляже. Хватило молчаливого

пристального взгляда, чтобы оба, поклонившись, отступили с дороги.

Спускаться было неприятно, босиком, по холодным бетонным ступеням, но я и предположить не могла, что увижу в итоге.

На втором подвальном уровне располагалась тюрьма. Я едва не вскрикнула, увидев первого пленника – изможденного, с ошейником на израненной шее. Захотелось не просто уйти – сбежать сию секунду. Но на ступенях стояла волчица, позади нее еще несколько оборотней, все с интересом ожидали моей реакции. Человеческой реакции. И я нашла в себе силы обойти все помещение, спокойно шагая между клеток с пленными, не реагируя на умирающих и готовящихся к смерти, на трупы подошедших в этих жутких условиях...

Покидала я этот уровень, содрогаясь внутренне и храня ледяное спокойствие внешне.

А наверху меня ждал сюрприз.

– Мадди-цветочек, развлекаешься? – поинтересовался стоящий у лестницы Вихо.

Он был босиком, как и я. Все его тело было покрыто бисеринками пота, мышцы заметно подрагивали. Тренировался? Странно, я обошла все здесь, ни в одной из качалок его не было. Где его вообще нашли? В том, кто нашел, я даже не сомневалась – смуглая волчица, та, которая обернулась после моей пощечины, стояла невдалеке в халатике, явно наброшенном на голое тело, и злорадно усмехалась. Она была не единственной, кто определенно ждал, что меня сейчас в асфальт раскатают.

Не дождутся!

– Развлекаюсь? – спросила я, повысив голос. – По-моему, развлекаешься здесь ты!

Вихо слегка приподнял бровь, явно удивленный моей реакцией.

Я же, остановившись перед ним, повторила его позу, сложив руки на груди, и отчеканила:

– Забавная планировка жилья – наверху детская, внизу тюрьма.

Его бровь приподнялась чуть выше. Я, продолжая изображать негодование, добавила ультимативное:

– Тюрьму убрать. Оружие также. Склад кокаина перенесешь куда-нибудь в иное место, раз твои люди, – я выразительно посмотрела на волчицу, – любят подобные развлечения, но в МОЕМ доме подобного быть не должно. Детские перекрасить, черный цвет – не лучший вариант для малышей.

Глава клана Волка, с улыбкой выслушавший всю мою тираду, возразил лишь в одном:

– Дети оборотней чувствительны к свету в начале своей жизни, поэтому и черный цвет у стен детской.

Но я не собиралась отступать и уточнила:

– В начале жизни – это сколько?

– День-два, – последовал ответ.

И только-то?!

– Перекрасить! – решительно повторила я.

И, обогнув Вихо, отправилась продолжать осмотр территории, на этот раз снаружи дома.

Поднялась на первый наземный уровень, припомнила, где видела двери, прошла туда, распахнула створки и замерла. А все потому, что это у нормальных домов от центрального входа обычно вниз ступеньки идут. Ну или еще что-то, а тут имелся каменный утес. Реальный каменный утес! И я прошла по нему, чтобы застыть, едва мне открылась стоящая внизу толпа оборотней. Их было много. Чудовищно много, огромное людское море внизу. Точнее, оборотническое. И все они вдруг взревели! Кое-кто и завыл. И выглядело это как приветствие.

И я поняла, в чем дело, когда неслышно подошедший Вихо, собственнически обняв одной рукой меня за талию, вторую вскинул в приветственном жесте.

– Улыбнись, куколка, – шепнул он мне, мазнув губами по виску, – поприветствуй свой народ, они ждали тебя.

Я не смогла. Ни улыбнуться, ни помахать рукой. Потому что я узнала нескольких из оборотней в группке, что находилась ближе всего к нам, справа от утеса. И я узнала женщину, которая оборвала жизнь того несчастного парня... И разом нахлынуло осознание того, что вот таких несчастных тут еще полная тюрьма.

– Знаешь, очень сложно улыбаться тем, для кого ты устраиваешь кровавые забавы, – холодно произнесла я.

А затем развернулась к Вихо.

Он все так же был в одних лишь брюках и босиком и ничуть не стеснялся этого. Да и я хороша – босиком, в коротких шортах и мужской рубашке – самый вид для знакомства с людьми... Хотя какие из них люди, так – нелюди.

– Мадди! – Вихо, совершенно игнорируя тысячи направленных на нас глаз, притянул меня ближе и проникновенно спросил: – Ты чем-то недовольна, куколка?

Он спросил это так, что меня, да и не только меня – всю притихшую толпу охватил ужас. И этот ужас, он был практически физически ощутим,

словно тени сгустились вокруг. Но уже через секунду я решительно подавила свой страх. Хватит! Мне надоело чувствовать себя жертвой обстоятельств, надоело быть жертвой Вихо, я собиралась бороться за свою жизнь, а в борьбе нет места для страха.

И, решительно посмотрев на оборотня, я холодно ответила:

– Да. Я недовольна как минимум тем, что твой клан считал меня лишь постельной игрушкой! Недовольна тем, что в этом доме полно оружия! И тем, что ты считаешь себя вправе держать людей в клетках и нечеловеческих условиях! А больше всего я недовольна охотой на людей, которую ты устраиваешь в этих лесах!

И вырвавшись из захвата окаменевшего от моих слов мужчины, я развернулась и покинула утес, чтобы обойти этот дворец по периметру. Вероятно, я сделала это совершенно зря – потому как пришлось обходить бассейны, а возле них на лежаках, ничуть не смущаясь отсутствием солнца и присутствием луны, отдыхали оборотни. Двоих, кстати, я узнала – они были в компании богачей, которые, как и я, ожидали монорельса в памятный день моего похищения. Но взбесило не это – им прислуживали. И судя по тому, что прислуживающие выглядели гораздо более «человечно», нежели оборотни, – это были полукровки. Худые, отмеченные многочисленными шрамами мужчины и женщины с опущенными головами и потухшими взглядами. Они смотрелись диким контрастом на фоне поджарых, накаченных, пышущих силой и здоровьем загорелых оборотней, в которых звериная грация сочеталась с подчеркнуто демонстрируемым чувством превосходства. И именно с превосходством они смотрели на меня.

– Встать! – прозвучал приказ за моей спиной.

Как оказалось, Вихо шел следом.

Оборотни поднялись, затем склонили головы в знак почтения.

Я пошла дальше, сдерживаясь изо всех сил.

Бассейнов по периметру дворца было шесть, в остальных никто не плавал. Зато когда я, обойдя дом, вновь приблизилась к утесу, обнаружила, что толпа оборотней и не думает расходиться, о нет – они готовились явно к чему-то грандиозному, разводили костры, общались и ждали чего-то.

– А чего, они собственно, ждут? – поинтересовалась я, остановившись.

– Обряда. – Вихо все так же следовал за мной по пятам.

– Какого? – в груди шевельнулось какое-то нехорошее предчувствие.

Вихо некоторое время молчал, затем негромко произнес:

– Это будет не больше, чем поделиться кровью с вампиром.

Резко развернувшись, я вопросительно посмотрела на того, кто

столько лет был моим непрекращающимся кошмаром... и продолжал им оставаться. Вихо в ответ на мой взгляд криво усмехнулся и сообщил:

– Я должен пометить тебя.

Каюсь, я подумала о худшем. Мне в принципе не доводилось быть близко знакомой с животным миром, но вот о том, как собаки помечают все, что ни попадя, это я знала. Ничего удивительного, что через секунду изумленного молчания мои губы дрогнули в улыбке.

– Девочка, ты о чем подумала? – поинтересовался Вихо, явно не ожидавший такой реакции от меня.

Улыбка стала шире.

– Маделин? – не то чтобы с угрозой, скорее со смехом спросил Вихо.

Стараясь не рассмеяться, потому как было опасение, что смех перейдет в истерику, я спросила:

– И как у оборотней принято помечать друг – друга?

Хмыкнув, он пояснил:

– Не так, как у собак.

– Надеюсь на это. – Я постояла, раздумывая над тем, достаточно ли я изучила свое жилье и можно ли уже уйти или нужно продолжать вести себя как оборотень.

Аделард молчал, спросить было не у кого, и потому я поинтересовалась у Вихо:

– Как женщины-оборотни в принципе обычно ведут себя, попав в новую среду обитания?

Вихо, внимательно глядя на меня, тихо спросил:

– Кто тебя обучил?

– Аделард. – Я не видела смысла скрывать. – Я поделилась с ним кровью, он в благодарность преподал урок выживания в твоём клане.

– Неплохо, – сухо произнес оборотень.

Пожав плечами, я вернулась к вопросу:

– Так что я должна ещё сделать?

Невесело усмехнувшись, Вихо ответил:

– Ты начала вести себя как альфа-волчица. Не как моя пара, а как альфа-волчица. Я уже напрягся, опасаясь того, что ты сейчас бета-самцов начнешь выбирать.

И он посмотрел на меня как-то странно.

– Зачем они мне? – искренне удивившись, спросила я.

Вихо не ответил, но продолжал все так же внимательно на меня смотреть.

– Что не так? – Я ощутила тревогу.

– Ничего. – Взгляд его оставался внимательно-изучающим. – Но ты должна знать, Манзи-цветочек, я убью каждого, на кого ты бросишь призывный взгляд.

От его «убью» невольно вспомнилось про гибель Асаве, с которой мне так и не довелось познакомиться, реакция Аделарда, который, похоже, потерял кого-то близкого, и я, не подумав, выпалила:

– Я смотрю, ты вообще убивать любишь!

И, развернувшись, собиралась отправиться в дом, но, открыв двери, увидела толпу оборотней, видимо до этого момента жадно прислушивающихся к нашему разговору, и, в частности, взгляд мой остановился на тех двух волчицах, которые были моим первым испытанием здесь. И мне вдруг стало в принципе интересно.

– Вихо, кто они? – указав на оборотниц, спросила я.

Обе, побледнев, отступили, видимо в попытке спрятаться.

– Любовницы?

Обернулась. Вихо ответил на мой взгляд усмешкой, в которой проскользнула грусть, и тихо ответил:

– Ты очень смелая, Мадди.

Это определенно было не тем, что я планировала услышать. Но и говорить что-либо еще Вихо не стал, молча прошел через почтительно расступившуюся толпу оборотней, поднялся по лестнице и скрылся на втором этаже. Я перевела вопросительный взгляд на обеих волчиц, те заметно дрожали, а по их вискам стекали капельки пота.

И тут за моей спиной раздалось:

– Вихо больше не берет любовниц из клана.

Я обернулась – Дик стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и насмешливо смотрел на меня.

– И почему это? – поинтересовалась я.

– Запрещено! – словно пролаял, отрывисто и резко, кто-то из толпы.

Но Дик не отреагировал. Он поманил меня пальцем, и я пошла за ним. За ним, по извилистой тропинке, обогнувшей утес. И даже продолжила следовать за ним через многотысячную толпу оборотней, расступающихся при моем приближении, между домиками с плоскими крышами, у которых была странная конструкция. До одного из домов, на окнах которого были решетки.

Дик остановился перед дверью, распахнул ее вежливо и сделал приглашающий жест. Я вошла.

Лучше бы не входила.

Здесь было около десятка дверей. Глухих дверей с маленьким

окошком-экраном на каждой, отражающим происходящее в камерах. А там были сумасшедшие. Дрожащие, совершенно седые, трясущиеся, безумные... Я шла мимо дверей, мимолетно глядя на экраны, и не понимала... просто не понимала...

– Уже много лет Вихо не трогает наших волчиц. Бережет, – произнес Дик, и его голос эхом разнесся в пустом проходе. – С человеческими женщинами проще, но они не выдерживают и нескольких недель, а порой и первой ночи.

Он помолчал, затем продолжил:

– Бросить вызов Вихо, да даже просто посмотреть ему в глаза и не отвести взгляд смогла только ты.

Это стало потрясением. Не то, что сказал Дик, мне раньше о даре Вихо рассказал Роутег, так что я оказалась частично подготовлена, но только частично. Увидеть сумасшедших женщин... страшно!

– Для оборотня первая весна наступает в семнадцать. И он помчался петь весенние песни вместе со всеми. Но ни одна волчица не взглянула в его глаза, – продолжил Дик. – Ни в первую весну, ни во вторую, ни в третью. Никто. Возможно, в этом и причина его раннего вступления в силу.

Оборотень смотрел на меня, ожидая хоть какой-то реакции на свои слова, но я молчала, переводя взгляд с одной двери на другую.

– Раэль было двадцать, Вихо исполнилось двадцать пять, он стал главой клана Волка, отстояв свое право в поединке. Он взял ее из дома отца, уплатив большой выкуп, так как не дождался Ночи весенних песен. Она продержалась месяц... – Дик кивнул, указав на самую дальнюю дверь. – Безумие иногда охватывает волчиц, такое случается. Это расценили как случайность. Вихо взял Амедэхи... полтора месяца. Кэлфери – два месяца. Он берег ее. Старался проводить с ней как можно меньше времени. Даже спал отдельно. Два месяца... Йоки была смелой волчицей, тщеславной. Она выбрала его сама, желала стать главной в клане, обожала драгоценности, наряды, путешествия... Ее нашли выгрызающей себе вены. Четыре месяца с момента свадьбы.

Дик замолчал.

Но и на меня больше не смотрел, уставившись себе под ноги. Потом произнес:

– Когда Виквэя... твой отец, сбежал, никто не придавал этому особого значения – полукровок часто убивают ради развлечения. Но его останков не нашли. Вихо поручил дело омегам, те вскоре сообщили, что следы обрываются. Это было странно, стало ясно: ему кто-то помог. Но искать не стали, не до того было. Вихо подчинял кланы и народы, никому не было

дела до одного сбежавшего полукровки. Но шесть лет назад процесс объединения был завершен, мы занялись внутренними делами. О полукровке вспомнили. Вспомнили и нашли за несколько месяцев. Мы ведь тогда пришли забрать его жизнь, Мадди. Но появилась ты.

Он вздохнул и продолжил:

– Девчонка, бросившая вызов Вихо. Угрожавшая ему! Это было незабываемо. Из твоего дома Вихо уходил улыбаясь, а мы – недоумевая: он сохранил жизнь Виквэя! Как? Почему? Глава не рассказывал нам, но приказал присматривать за тобой. Опасался, что другие из наших ощутят в тебе дочь ведьмака и убьют. Заботился. А ты росла. И когда Вихо увидел тебя в семнадцать, он голову потерял. Ты выросла и стала красивой. Очень. Он мог бы забрать тебя уже тогда, волчицы начинают петь в свою семнадцатую весну, но Вихо не захотел. Пересматривал твои фотографии, мы тогда много их делали, и держался от тебя подальше, опасаясь, что сорвется. Ждал твоих двадцати. Идем.

Он оторвался от косяка рывком, так, словно очень устал и ему с трудом дается каждое движение. А я почему-то спросила:

– Здесь волчицы, а где человеческие девушки?

Дик взглянул на меня, чуть приподняв брови, усмехнулся:

– Какое это имеет значение?

Да уж действительно! Какое вообще могут иметь значение жизни людей и полукровок!

– И еще вопрос, – я стояла все так же в жутком сумасшедшем доме, – за что Вихо так поступил с девушкой Роутега?

Дик медленно сузил глаза. Затем сухо произнес:

– Не лезь в это.

– О-о-о, – протянула я, – то есть в это, – указала рукой на комнаты с безумными, – я лезть могу, а во все остальное, значит, нет?

Во взгляде оборотня проскользнуло что-то непонятное, опасное, но Меченный Дик все же ответил:

– Вихо указал ему, где его место.

Место Роутега?

– Как указал? – переспросила я. – Групповым изнасилованием его человеческой девушки?

Дик хмыкнул и поинтересовался:

– Это все, что тебя интересует?

Я промолчала. Дик издевательски сообщил:

– Вихо собирался вернуть Роутегу его подстилку. После того как мы с ней развлечемся. Это было бы забавно посмотреть на рожу главы клана

Истэка, которому запахи рассказали бы обо всех способах, которыми поимели его девку. Не наша вина, что малышка оказалась слишком хрупкой. Но ничего, мы вернули ему труп. Еще что-то, Маделин?

Больные ублюдки! Просто больные ублюдки!

– Удивительно, что Роутег меня не тронул, – прошептала потрясенная я.

– Слабак, – пренебрежительно отозвался Дик. – Но он бы и не рискнул, Вихо не зря объявил тебя своей женой, это автоматически перевело тебя на иной уровень. Неприкасаемый уровень. Идем, Мадди, тебе нужно подготовиться.

– Ах да, меня пометят, – сдерживаясь из последних сил, язвительно произнесла я.

– Да, – совершенно серьезно подтвердил Дик. – Ты принесешь клятву Вихо и проявишь свое преклонение перед ним.

– Мм-м, потешим самолюбие вашего вожака. – Я усмехнулась и направилась к выходу из этого кошмара, чтобы оказаться в другом и тоже кошмаре.

* * *

Аделард напомнил о себе, когда я почти миновала толпу засевших у костров оборотней, произнеся встревоженным шепотом у меня в голове:

«Что там у тебя? Мои наблюдатели сообщают о странной активности клана Волка. В чем дело?»

Я глянула на спину Дика, шедшего впереди и ни разу не оглянувшегося за весь путь, еще выше вздернула подбородок, стараясь выглядеть уверенно, решительно и в целом быть как гордые волчицы, и ответила:

«Вихо меня пометит. Не знаешь случаев, что это такое?»

«Знаю, – после секундного молчания ответил вампир. – Это плохо».

«Насколько плохо?» – Я ощутила тревогу.

«Я не уверен, что успею. – Аделард говорил резко и отрывисто. – Вихо закрыл территорию, я чисто физически могу не успеть. Получается, он перенес свадебный обряд».

Резко остановившись, я зажмурилась, стараясь прекратить накатившую панику.

И спросила:

«А развод?»

«У оборотней нет разводов, Маделин, – резко ответил Аделард. – Но есть одна пренеприятная особенность – после укуса он начнет чувствовать тебя. Сможет отследить везде. В любой реальности».

Где-то я такое уже слышала. В смысле, что может чувствовать...

– Манзи-крошка, – позвал остановившийся Дик.

Я открыла глаза, холодно посмотрела на него и отчеканила:

– Маделин! Не Манзи, не цветочек, не крошка и не малышка. Маделин!

Дик изумленно посмотрел на меня, я ответила злым взглядом, безотчетно транслируя гнев, ярость, нежелание мириться с пренебрежением. И оборотень дрогнул, сначала изменилась его осанка, после Дик опустил голову, и лишь затем взгляд. И когда я последовала дальше к дому, он не пошел ни впереди меня, ни за мной.

А я шла и, внутренне содрогаясь, мысленно простонала:

«Что мне делать?»

«Какого дьявола ты вообще сунулась к Вихо, Мад?» – раздраженно спросил вампир.

Я не ответила. Он не стал развивать тему, попросив:

«Тяни время».

«Что ты намерен делать?» – спросила, сворачивая к тропинке, ведущей в обход утеса к дому Вихо.

Аделард ответил прямо:

«Найти того, кто бросит вызов Вихо».

Я споткнулась, с трудом удержавшись. Но устояла и продолжила подниматься, стараясь выглядеть уверенной и сильной... хотя не ощущала ни того, ни другого.

«Вытащить тебя прямо сейчас не проблема, – продолжил вампир, – но это будет лишь отсрочкой, рано или поздно, и я опасаясь, что так рано, Вихо найдет тебя и заберет. Я бы решил и эту проблему, будь ты кем угодно, но только не... Ты дочь ведьмака, Маделин, ни один дом Ночи не примет тебя, я мог бы добиться принятия от собственного клана, но не уверен, что ты выживешь там. И опять же остается опасность того, что рано или поздно Вихо... Ты понимаешь».

Я понимала.

«Наиболее приемлемый вариант – действовать по законам оборотней. Я заручился поддержкой Сонхейда, я только от него, и у меня в списке шесть имен тех, кто потерял свою волчицу и не стремится к созданию новой пары».

«Это так... важно?» – спросила я, старательно скрывая охватившее

меня отчаяние.

Просто внезапно ощутила – ничего не выйдет. Не знаю, откуда предчувствие возникло, но оно было.

«Важно, – подтвердил Аделард. – Тот, кто бросит вызов ради тебя, уже не сможет сочетаться браком ни с кем другим. Ты вольна делать все, что угодно, но у бросившего вызов иных вариантов не будет. Так что мне нужен тот, кто готов обречь себя на одиночество».

Кажется, предчувствие меня не обмануло...

И напярк еще один момент:

«Вихо отпустил тебя, полагаю, отдавая себе отчет в том, что ты попытаешься меня вытащить...» – мысленно проговорила я.

«Вряд ли он ожидал, что я так быстро оправлюсь, но полагаю, что так».

«Не потому ли так спешит с обрядом?» – Меня вдруг охватило какое-то странное равнодушие.

«Возможно», – глухо согласился вампир.

И я поняла, что все. Это все. Аделард не успеет. Никак. Вихо, вероятно, просчитал все с ходу и сейчас просто упивается тем, как забавно я выгляжу, изображая из себя оборотницу, утверждаясь на собственной территории.

Появилось желание сесть прямо тут, на тропе, и горько расплакаться.

Но я шла вперед.

Я шла, все так же расправив плечи и гордо вскинув подбородок. Разве что подняла голову еще чуть выше, чтобы слезы, проступившие против моей воли, не скатились с ресниц. Вошла в дом, поднялась на второй этаж, прошла к спальне... помедлив мгновение, открыла дверь.

Вихо лежал на постели, закинув руки за голову.

Лежал и откровенно наслаждался, даже улыбки не скрывал.

Я вошла, подошла к постели, остановилась, молча глядя на оборотня. Он насмешливо смотрел на меня.

– Аделард не успеет, да? – тихо спросила я.

– Да даже если бы и успел, что бы это изменило? – Вихо хитро посмотрел на меня и поинтересовался: – Как тебе понравилось изображать оборотня?

– Это был интересный опыт.

– Можешь повторять его столько, сколько тебе вздумается, – милостиво разрешил Вихо.

Затем рывком поднялся с постели, подошел ко мне, взял за подбородок, вынуждая запрокинуть голову и смотреть ему в глаза,

поправил упавшие на лицо волосы, улыбнулся и произнес:

– Ты всегда была, есть и будешь моей, качина. Я бы взял тебя даже в том случае, если бы ты не похитила мое сердце, девочка. Но ты забрала его и стала нужна мне настолько, что я взял бы тебя даже после Роутега.

Может, мне и следовало помолчать, но горечь выплеснулась словами:

– Ты забрал мою жизнь, Вихо. Мою юность. Мои надежды и мечты. Ты забрал все. И сколько бы ты ни говорил сейчас красивых слов, это не превратит кошмар в нечто хотя бы даже просто нормальное.

Его взгляд на миг изменился. Полыхнул хищным блеском, черты лица заострились.

Но я не испугалась. Ни его, ни его прикосновений. Впрочем, один вопрос у меня был:

– За что ты так поступил с девушкой Роутега?

Наверное, я хотела хоть как-то оправдать ту чудовищную жестокость, в которую до сих пор не могла поверить, несмотря ни на что. А может, осознав, что на этот раз Аделард не сможет меня спасти, я хотела увидеть в Вихо хоть что-то нормальное...

– Детка, – Вихо обнял мое лицо ладонями, большими пальцами провел по щекам, – запомни раз и навсегда: я готов на все ради тебя и для тебя. Хочешь перекрасить детские? Не проблема. Убрать из дома оружие и пленников? Как скажешь. Желаешь беспрекословного подчинения? Я прикажу всему клану молиться на тебя и не сместь взглянуть в глаза. Все, что пожелаешь, Манзи-цветочек... Но не лезь в мои дела!

Я и не лезла, лишь повторила вопрос:

– За что ты так поступил с девушкой Роутега?

Он убрал руки от моего лица. Посмотрел на меня холодно и раздраженно и произнес добившую меня фразу:

– Хорошо, я больше не буду спать с другими женщинами.

И я отчетливо поняла, что в издевательствах над той девушкой он тоже участвовал. Сам. Непосредственно.

– Что опять не так? – откровенно взбесился Вихо.

– Мразь! – Слово прозвучало неожиданно хрипло. Но севший голос меня не остановил, и я прошептала: – Какая же ты мразь, Вихо! Да я скорее сдохну, чем буду рожать твоих детей и жить с тобой!

В первый миг мне казалось, что Вихо меня ударит. Но нет, он стоял и просто смотрел на меня. Молча. А когда я справилась с гневом, тихо сказал:

– Ничего нового я не услышал, малышка. Что касается твоего желания или нежелания – мне не привыкать брать женщин силой. Это все, что у

меня есть – моя проклятая сила.

– Попытка себя оправдать? – зло поинтересовалась я.

– Мне нет смысла себя оправдывать, – равнодушно ответил Вихо. – Хочешь знать правду? Думаешь, от этого тебе станет легче? Ну так слушай: девку Роутега сначала взял я. И предложил ей выбор – я или моя стая. Она была умной девочкой и согласилась, исполнив все, что я от нее хотел, на высшем и крайне профессиональном уровне. Тем забавнее было слышать ее крики, когда я швырнул ее парням.

Я пошатнулась. Вихо, издевательски улыбнувшись, придержал меня, обняв за талию, и продолжил:

– Я хотел быть хорошим для тебя, милая, но ты выбрала другой вариант. Так вот о девке Роутега – жаль, она не выжила. Парни, знаешь ли, слегка переусердствовали. Но мне все равно доставило невыразимое удовольствие вернуть труп Роутегу. Я наслаждался его трагедией и его бессилием. Была ли она первой, с кем мы проворачивали подобное? Нет. Не первой и не последней. Моему клану подчиняются сразу... или подчиняются позже, но в принципе без вариантов. Мне подчиняются сразу или... подчиняются позже, гораздо менее приятными способами.

– Отдашь меня своим парням за неподчинение? – поинтересовалась я.

– Тебя? – Вихо рассмеялся. – О нет, малышка. Даже сейчас, когда я рассказал тебе лишь о некоторых аспектах моей деятельности, ты продолжаешь с ненавистью, но бесстрашно смотреть в мои глаза. Любая другая уже корчилась бы от ужаса у моих ног. А ты не боишься. И меня это безумно заводит, Манзи.

Он рывком притиснул меня к своему телу, склонился надо мной и прошептал:

– Жду не дождусь момента, когда я возьму тебя перед кланом.

– Пометишь? – уточнила я.

– Мы употребляем подобный термин. Но по факту – я возьму тебя перед своим кланом, доказав всем и каждому, что ты была чиста и нетронута.

Содрогнувшись, я потрясенно спросила:

– Это шутка? Ты в очередной раз запугиваешь меня?

– Хм, – усмехнулся он. – Качина, если бы это было шуткой или попыткой просто запугать, я бы уже давно, страстно и многократно тобой обладал, вместо того чтобы вести бессмысленные разговоры. Но для меня важно показать всему клану, насколько чиста моя избранница. Это вопрос престижа.

Дернувшись, я вырвалась и отошла от Вихо, затем и вовсе вышла на

балкон. Отсюда частично открывался вид на утес, на толпу и костры. Оборотень неслышно подошел, провел руками по моим плечам и добавил:

– Все будет не столь страшно, как ты себе представляешь.

– А гораздо, гораздо, гораздо ужаснее, – мрачно произнесла я.

– Примерно, – усмехнулся Вихо.

Наверное, мне стоило испугаться, но внезапно я отчетливо поняла одно:

– Я против.

– Тебя забыл спросить, – рассмеялся оборотень.

– Полагаешь, если я буду кричать и сопротивляться, это придаст событию зрелищности? – откровенно говоря, я сама поразилась тому, с каким хладнокровием произнесла это.

– Полагаю, ты плохо понимаешь, о чем идет речь. – Он развернул меня к себе и тихо сказал: – Прислушайся.

Невольно последовала совету и услышала невнятные, далекие отголоски мелодии.

– Луна практически в зените и начинает петь, – прошептал Вихо.

И в этот момент я ощутила укол. Дернувшись от боли, стремительно обернулась – второй, не замеченный мной оборотень убрал шприц от моего предплечья. Затем поклонился Вихо и убрался прочь, войдя в дверной проем, который начало ощутимо покачивать.

– Знаешь, цепи бывают разные, – донесся вдруг до меня голос Вихо, – бывают родственные, бывают железные, а бывают вот такие... напроочь лишаящие ведьмака способности совершать переходы между мирами. Временно, конечно, но препарат достаточно безвреден, чтобы я мог позволить вводить тебе его до беременности. А едва в тебе зародится жизнь, ты уже будешь накрепко прикована ко мне, Манзи-цветочек.

А меня повело... Мир дрожал, шатался, рушился и восставал снова, покачиваясь будто на волнах. Я посмотрела на свои руки и поняла, что плохо владею ими... И ногами... и телом... И меня шатало... А что-то пело, звало, увлекало, но я не могла танцевать... и от этого ощущала себя покалеченной.

– Ты такая красивая, – прошептал Вихо, прикасаясь губами к моим губам, – такая манящая... нежная... чертовски соблазнительная...

Я ощущала его поцелуи так, словно он прикасался не ко мне, словно я наблюдала за всем со стороны и это было не мое тело. И когда Вихо подхватил меня на руки, мне все так же казалось, что я парю где-то рядом, где нет боли и страха, где хорошо и легко и я не слышу его команды:

– Пора начинать.

А еще не слышу отдаленного встревоженного шепота в темноте:

«Маделин! Мадди!!!»

В следующее мгновение все затмила луна.

Она была огромной, словно занимала половину небосклона, и ее свет затопил все вокруг, заполнил меня, вытесняя горечь, и какой-то нервный ужас, и дикое чувство несправедливости. И я улыбалась луне, а Вихо внес меня на утес, и поставил на ноги. Тысячи глаз зажглись желтым сиянием, как огоньки в сумраке. В единый миг погасли костры, и теперь толпа оборотней напоминала звездное небо...

А в истинном небе царила луна.

Я запрокинула голову и смотрела на нее, когда Вихо начал говорить.

Он говорил на старом языке, языке древних оборотней, лишь начал свою речь с эпического:

– Слушайте, Волки!

Остальные слова мне были совершенно неизвестны, да я и не слушала, околдованная луной. И мне безумно хотелось танцевать... взбегать на дюны и падать, точно зная, что мне не дадут упасть, и стоит оказаться на грани, сильные ладони скользнут на талию, удерживая, оберегая, защищая от падений... Защищая от всего... Но я знала, что не позову. Как бы мне ни было тяжело – не позову.

И в этот момент торжественную атмосферу жуткого оборотнического ритуала разорвали громкие слова:

– Я бросаю вызов!

Странная отрешенность схлынула вмиг. Утратило свое колдовское притяжение луна, откуда-то взялся ветер, дыхнувший мне в лицо ароматами предгрозовой степи, и появилось то непередаваемое ощущение, что меня непременно спасут.

Я опустила взгляд и увидела Роутега еще до того, как перед ним расступились оборотни.

Он был не один, за ним стояли Кел и другие, а в стороне находились старейшины в странной кожаной одежде и с раскрашенными лицами.

– Я бросаю вызов, – повторил Роутег. В его голосе слышалась насмешка, и весь вид его говорил о том, что он пришел разобраться с Вихо.

Потрясение от его появления было сильнейшим, но еще более значительный шок ожидал меня впереди.

Вихо, склонившись к моему уху, прошептал насмешливо:

– Вот и умница.

Вздвогнув, я обернулась, недоуменно глядя на него.

Вихо милостиво пояснил:

– «Ты всегда можешь позвать меня. Я приду».
– Ты услышал? – потрясенно переспросила его. – И почему я умница?
– Потому что позвала. – Вихо улыбнулся. Чуть насмешливо и немного устало. А затем добавил: – Я не трогал девушку Роутега.

Задохнувшись от непонимания, я почему-то выпалила:

– А Дик?

– Ка-чи-на, – с насмешкой протянул Вихо, – Дик пять лет безвылазно был с тобой. Он чисто физически не мог в этом участвовать.

– Тогда п-п-почему вы...?

И оборотень ответил:

– Твой страх был единственным способом спровоцировать Роутега, а обезумевших волчиц ты почему-то испугалась недостаточно, Дик сымпровизировал с девкой койота. Я сгустил красок над ситуацией, ты сорвалась.

Звучало мерзко, подло, бесчестно и коварно, вот только одно «но» – я не звала Роутега. Втягивать его в схватку с Вихо я ни за что бы не стала, особенно после услышанного разговора между ним и Келом. Как бы ни было мне страшно – не стала бы.

Но Роутег пришел.

Зачем?!

– Прекрасный день, – прошептал Вихо, прикасаясь губами к моей щеке, – я, наконец, заполучу народ Истэка, а ты станешь вишенкой на торте, Манзи-цветочек.

– Маделин!

Но он не слушал. Вихо махнул рукой, и возле меня оказались мои сторожа. Все трое – Дик, Стэн и Грейк. Те, кто всегда охранял, берег, сторожил и... провоцировал по приказу главы клана Волка.

А вот сам Вихо, обойдя меня, встал впереди и крикнул:

– Ты бросаешь вызов, огонь? По какому праву?!

Я же едва дышала, мир продолжал кружиться, луна, все такая же неестественно огромная, будто пульсировала, от этой пульсации нестерпимо болела голова. Хотелось упасть, лечь и полежать, но Дик не позволял, продолжая удерживать. Затем просто обнял за талию, сцепив пальцы, и сказал:

– Обопрись на меня, бой будет долгим.

– Мне плохо, – прошептала я, – можно мне хотя бы сесть?

– Извини, – с тенью сожаления ответил Дик. – Роутег не должен знать об инъекции и твоём состоянии.

– Почему?...

Оборотень ответил предельно честно:

– Сломленный морально противник – практически побежденный противник. Роутег заигрался в благородство, а теперь, когда решит, что ты предала его, начнет допускать ошибки.

Как же это было подло! Подло и расчетливо.

Вот только я не звала Роутега, а значит, никаким предательством он сломлен не будет!

– Не злись, детка, – неправильно понял мое молчание Дик, – Роутег сам подставился, сказав, что ты сможешь позвать его. Это не твоя вина, мы просто использовали его слабое место.

– Вы использовали меня, – голос дрожал, то ли от слабости, то ли от ярости.

– Я так и сказал – его слабое место. Извини за обман, ты слишком спокойно восприняла ситуацию, пришлось сгустить краски.

– Ты... – я бы давно сползла на утес, не удерживай меня Дик, – ты... И что из сказанного было ложью?

Мой неизменный сторож спокойно ответил:

– Я не прикасался к девке Роутега, у меня есть пара.

Пара?

В этот момент Роутег смело шел через толпу расступающихся оборотней, направляясь к утесу. Вихо ждал его, расставив ноги и сложив руки на груди. Он все так же был лишь в одних брюках, и теперь я поняла почему – с самого начала планировал этот бой. Роутег же раздевался на ходу – снял куртку, следом одним движением, через голову, стянул майку...

А я вспомнила подслушанный разговор между ним и Келом, сказанное сдавленным голосом «Она моя пара», и, несмотря на дикую мигрень и то, что каждое слово давалось с трудом, все же спросила у Дика:

– Что значит «пара»?

– Дар небес, – с неожиданной нежностью ответил вечно раздраженно-суровый оборотень. – Та, что является продолжением мыслей и ощущений, чье сердце бьется в такт с твоим. Это если перевести на понятный тебе язык. Для нас одно слово «пара» является выражением всего, что с этим связано.

Он сказал что-то еще, но новый приступ головной боли на миг затмил все, и я не услышала. А когда приступ и пульсация боли прекратились, я спросила:

– У всех оборотней есть пара?

– Нет, – ответил Дик, прижимая меня сильнее. И добавил: – Девочка, продержись хотя бы до начала боя.

Это представлялось мне сложным. Неимоверно сложным. Луна пульсировала все сложнее, меня шатало и становилось хуже с каждым мгновением.

– Что ей вкололи? – Стэн подошел ближе.

– Обычную блокирующую сыворотку, – ответил ему Дик.

– Обычную? Девочка белеет на глазах, кожа влажная. Какого дьявола Вихо на это пошел?

– Перестраховался, – удерживая меня одной рукой, второй коснулся моей щеки Дик.

Выругался.

Затем, игнорируя собственные слова про приказ Вихо, опустился на корточки, позволяя сесть мне. И мне так было гораздо легче, просто гораздо. Еще бы лечь. И да – кое-что выяснить.

– Дик, – срывающимся, хриплым голосом позвала я.

– Тихо, девочка, сейчас воды принесут.

– Мне поможет?

– Не уверен. – Он замялся на миг, затем пояснил: – Ты странно реагируешь. Что-то не так.

Что-то во всем этом было явно не так.

Настолько не так, что не давало успокоиться.

Дик усадил меня, сам сел позади, придерживая. Не знаю, как все это выглядело со стороны – Роутег сейчас был скрыт от меня утесом, соответственно я от него тоже. Так что, какого бы эффекта ни добивался Вихо, он проиграл. Проиграл еще и в том, что совершенно напрасно думал, что это я, перепугавшись, позвала Роутега. И в связи с этим я спросила у Дика:

– Зачем это Вихо?

– Установление неоспоримого господства, – предельно серьезно ответил оборотень. – Роутег испугался открытого противостояния, значит, подконтрольные нам старейшины определили верно – он слабее Вихо. За тобой мы пришли к границе его территорий с сильнейшими из клана, и Роутег струсил, отдав тебя без боя. И подставился, поддавшись эмоциям и дав опрометчивое обещание.

Роутег струсил? Роутег подставился? Я вдруг вспомнила разговор с Аяшей:

«– А, Повелитель здесь, все в порядке, он разберется.

– С чем разберется?

– Со всем. Это же Повелитель, когда он в городе, можно совершенно ни о чем не переживать».

Вот и меня накрыло осознанием, что Роутег со всем разберется. Разберется с Вихо, со мной, со всеми проблемами. Возьмет – и разберется. Чисто по-мужски.

И вместе с этим пониманием появилось желание увидеть, как именно разберется.

Я поднялась. Сама. Откуда взялись силы, совершенно непонятно.

Оттолкнула руку пытавшегося придержать Дика и подошла к краю утеса. Нестерпимо полыхал лунный свет, вся долина кружилась перед глазами, но Роутега, полуобнаженного и стоящего напротив Вихо, я увидела отчетливо. Поймала на себе его вопросительный взгляд и улыбнулась. Ему. Он улыбнулся в ответ.

«Маделин, что происходит?» – вторгся в сознание голос Аделарда.

А я взяла и ответила:

«Роутег бросил вызов Вихо».

«Мой прогноз сбывается», – не слишком радостно произнес Аделард.

«Роутег ведь победит?» – взволнованно спросила я.

«Да. – И в сказанном Аделард был уверен. – Он крайне силен».

«Старейшины считают иначе...»

«Поверь, Роутег справится», – убежденно произнес вампир.

Вихо обернулся, странно взглянул на меня.

Затем развернулся к Роутегу...

И бой начался!

Вихо рванул первым, трансформируясь в рывке, и нанес удар уже лапой, со сверкнувшими в лунном свете когтями. Выглядело жутко. Убийственно жутко... Но Роутег с легкостью блокировал удар и, даже частично не трансформируясь, нанес свой, да такой силы, что Вихо пролетел метров пятьдесят и врезался спиной в холм.

Раздался единый слаженный вздох оборотней клана Волка.

Это было потрясение.

Для них для всех. Я оглянулась и поняла, что мои неизменные сторожа потрясены не меньше остальных, из приоткрытого рта Стэна выпала сигара. А я почему-то улыбнулась. И моя улыбка не померкла, даже когда Вихо, чье тело стремительно менялось и сейчас представляло собой волчью голову на мускулистом, частично покрытом шерстью человеческом теле, зарывав, прыгнул на Роутега. Прыжок был неестественно высоким, таким, что даже для меня, сидящей на утесе и возвышающейся над всеми, Вихо на миг закрыл силуэтом луну, но Повелитель клана Истэка не то чтобы даже не увернулся, он ответил повторным ударом, и Вихо улетел вновь, на этот раз врезавшись в стену собственного дома.

Стена пошла трещинами.

Это был очень красочный бой. Нереальный немного, а может, дело в моем искаженным инъекцией восприятию, но мне все нравилось. Ровно до того момента, как Вихо, отлепившийся от стены дома, на которой остался вмятиной его силуэт, спрыгнул на траву и издал вой.

Тихий и призывный.

В то же мгновение толпа оборотней расступилась, как отхлынувшая океаническая волна, обнажив черные камни. Только тут были не камни – а около двух десятков оборотней. Из тех, что еще недавно занимали лежаки возле бассейнов. Это были огромные, крепкие, готовые напасть монстры.

И мне как-то стало нехорошо.

– Давно пора, – произнес за моей спиной Дик.

– Это нечестно! – воскликнула я.

Но Роутег усмехнулся, увидев новых противников. И, повысив голос, произнес:

– Это бой за волчицу, Вихо, призыв стае несколько не соответствует традициям, не находишь?

Глава клана Волка встряхнулся, словно животное, обращая трансформацию вспять и вернув себе человеческий вид, хрипло ответил:

– Вот только она не волчица, Роутег.

У меня в душе все похолодело. То есть это все было ловушкой? И Роутег неосмотрительно в нее попал?!

Но судя по усмешке повелителя народа Истэка, для него это все ловушкой не являлось. Я перевела взгляд на Кела и остальных койотов, явившихся со своим предводителем, – никто даже не шелохнулся.

– Не волчица? Но ты объявил ее своей женой и собирался последовать древнему обряду клана, пометив укусом в присутствии всех? Как-то непоследовательно, не находишь?

Судя по тону, Роутег откровенно издевался.

И Вихо это привело в бешенство.

– Взять! – коротко скомандовал он.

Двадцать монстров единым слаженным движением ринулись на Роутега!

И отлетели, отброшенные песком, который внезапно вихрем закрутился вокруг Повелителя народа Истэка. Сам Роутег, сложив руки на груди, откровенно насмешливо смотрел на Вихо.

А затем без тени веселья произнес:

– Я бросил вызов, Вихо. Ты его принял. Волчица Маделин или не волчица, не имеет значения – я пришел сражаться за свою женщину так,

как того требуют наши законы. Клан Волка, прав ли я в своих действиях?!

И неясным несмелым эхом отовсюду раздалось:

– Да.

Роутег кивнул, принимая их ответ, и продолжил:

– Закон на моей стороне, Вихо. Это признают старейшины, это признал твой собственный клан.

И в этот момент над всей толпой раздалось:

– Это признаю я!

Все обернулись и увидели несколько десятков оборотней, которые выделялись на общем фоне ростом, осанкой и ощущением веявшей от них угрозы. Я узнала главного в их группе – лорда Сонхейда. Рядом с ним стоял Аделард.

– Вот Дьявол! – выругался Дик.

От этих появившихся оборотней клан Волка отхлынул в ужасе, и теперь отчетливо были видны две группы – койоты Истэка, оборотни Сонхейда и противостоявший им многочисленный клан Волка.

Вихо, стоявший на склоне, казалось, окаменел. Бесстрастное лицо, напряженные руки и в то же время расслабленная поза. Если он и был взбешен или разочарован – не показал это ничем. Усмехнулся и несколько секунд просто молча смотрел на Роутега.

А затем я ощутила волну липкого страха. Она появилась, казалось, из ниоткуда, пригибая, заставляя замереть в ужасе и затаить дыхание. На миг ощущение отступило, а затем нахлынуло вновь с утроенной силой. Свалился за моей спиной Дик, повалились на колени оборотни клана Волка, не удержались даже койоты, но незыблемо стояли оборотни стаи Северных Гор, никак не отреагировал Роутег, и почему-то продолжала сидеть я. Повелитель Истэка несколько удивленно взглянул на меня, я недоуменно развела руками, демонстрируя, что сама не понимаю, почему на меня не действует, он улыбнулся и вновь повернулся к Вихо. Глава клана Волка тоже обратил внимание на мою сопротивляемость его силе, глубоко вдохнул, и... очередная волна панического ужаса накрыла нас всех. Я даже ногой болтать перестала, страх я, конечно, ощущала, но как-то не так, чтобы повалиться на землю и поскуливать, подобно оборотням. Может, дело в том, что я все же больше человек, чем подвластное инстинктам создание, не знаю, в любом случае, кроме ускорившегося сердцебиения, тревоги и чувства страха, ничего не было.

Роутег устоял. Было очевидно, что на него сила Вихо не оказывает никакого влияния. И Повелитель Истэка продолжал оставаться на месте, когда вокруг Вихо начала сгущаться тьма. Это не было метафорой – тьма,

поднимаясь от земли, клубами концентрировалась вокруг главы клана Волка, формируя громадную призрачную голову этого хищника, и это в атмосфере нарастающего, всепоглощающего ужаса, который все сильнее транслировал Вихо, заставляя оборотней окончательно пригнуться к земле.

Я затаила дыхание и испуганно взглянула на Роутега – Повелитель Истэка стоял, опустив руки вдоль тела, и пристально следил за каждым движением Вихо, не уделяя и мимолетного внимания ни концентрирующейся тьме, ни огромной волчьей пасти, скалившей призрачные фосфоресцирующие клыки. И Роутег выглядел спокойно и уверенно. Ни грамма страха, ни доли сомнений, ни оттенка беспокойства. Он казался скалой в бушующем океане, скалой, о которую разбивались даже самые страшные волны... И глядя на него, я сама наполнялась уверенностью, что Роутег справится. Выстоит. Не прогнется и не отступит и выйдет победителем из этого жуткого боя.

И моя уверенность в нем не поколебалась, даже когда Дик с трудом выговорил:

– Все, отбегался койотик!

И огромная волчья пасть ринулась на Роутега, грозя поглотить, сожрать, уничтожить... Я с трудом сдержала крик, когда клубящаяся тьма атаковала оборотня, но сам Повелитель Истэка даже не шевельнулся и не попытался прикрыться никак, до последнего мига, пока был способен видеть, глядя на Вихо. И я поняла почему!

Вихо, используя прикрытие тьмы, взмахнул обеими руками, словно стряхивал с них что-то, и в ярком свете луны опасно сверкнули выпущенные им когти. В следующий миг Вихо взвился вверх, намереваясь нанести удар по дезориентированному противнику! Он занес лапу и рухнул на скованного клубами сумрака Роутега...

Я закричала и тут же оборвала крик, судорожно накрыв рот ладонью...

И как в кошмарном сне увидела устремившегося вниз полутрансформировавшегося Вихо... уверенного в победе, с жестокой усмешкой на искаженном лице, с когтями, занесенными для решающего, убийственного удара...

И тут из тьмы метнулась рука Роутега, и, несмотря на то что сам Повелитель Истэка не мог ничего видеть, пальцы безошибочно и жестко сжались на шее главы клана Волка!

Рывок!

И Вихо скрылся, поглощенный призванной им тьмой.

Раздался хрип.

Сухой, неприятный, пробирающий хруст...

И тьма рассеялась...

А затем стало тихо. Жутко, пугающе, потрясенно...

И поднимающиеся оборотни клана Волка с ужасом смотрели на спокойно стоящего Роутега и поверженного, лежащего у его ног Вихо... Вихо, чья шея была неестественно вывернута... Он был мертв.

Долину оборотней накрыла тишина!

Казалось, оборотни не могут поверить в то, что произошло на их глазах. В то, что Роутег победил... В то, что Вихо действительно мертв... Позади меня издал хриплый вой Дик, Стэн и Грейк молчали, но я слышала их шумное, нервное дыхание.

И в этой испуганной тишине отчетливо прозвучали слова Роутега:

– Я, Роутег, Повелитель народа Истэка, бросил вызов за свою женщину и победил.

Он обвел взглядом потрясенных оборотней и добавил, четко произнося каждое слово:

– Смерть главы клана в бою за волчицу не является убийством, никто из вас не имеет права на месть. Любая попытка напасть на койотов будет приравнена к открытому объявлению войны!

Возражений не последовало, все так же ошеломленно молчали.

Роутег повернулся к своим – койоты расступились, открывая всем взглядам группу старейшин.

– Старейшины, я бросил вызов и победил, признаете ли вы эту женщину моей? – спросил оборотень.

Я внутренне содрогнулась от этого «признаете ли вы эту женщину моей», а вот старейшины не содрогались, они разом ответили:

– Да!

Кивнув, Роутег принял их ответ и обратился к оборотням Северных Гор:

– Сонхейд, глава стаи Северных Гор, я бросил вызов и победил, признаешь ли ты эту женщину моей по праву и неприкосновенной по нашим законам?

– Да! – громко ответил оборотень. – Я признаю ее твоей по праву и неприкосновенной по нашим законам.

Меня такие формулировки как-то напрягли.

Но времени на размышления Роутег не предоставил. Прыжок, и взвившийся в воздух оборотень приземлился уже на утесе позади меня. Я обернулась, Роутег подал мне руку, помогая встать. Но, едва я поднялась, рывком развернул лицом к оборотням, койотам и старейшинам, и, внутренне холодея, я ощутила, как он осторожно убирает волосы с моей

шеи, перекидывая их на левое плечо.

– Прости, будет больно, – прошептал Повелитель Истэка.

И кожу опалило горячим дыханием, а в следующее мгновение Роутег вонзил клыки в изгиб между шеей и плечом! Боль ошеломила меня настолько, что из открытого рта не донеслось и звука, хотя хотелось орать во все горло! Но я лишь испуганно дрожала, ощущая, как по телу полилась кровь.

Кровь, окрасившая алым мою одежду, голые ноги, полившаяся с утеса вниз...

И прозвучал вой, единый слаженный вой над залитой лунным светом долиной...

И я потеряла сознание.

* * *

Темнота, пульсирующая боль, ощущение холода в месте укуса и донесшиеся словно сквозь туман слова Роутега:

– Береги ее.

– Кровь остановится? – Я узнала голос Аделарда.

– Да. Уже практически остановилась. Но несколько недель она будет ослаблена, – ответил Роутег.

– А шрам?

– Это метка. Останется, защищая ее и от оборотней, и от остальных наших.

Метка? То есть вот что скрывалось за словом «пометить»?!

Я дернулась, пытаясь открыть глаза, и поняла, что снова проваливаюсь во тьму.

* * *

Я проснулась от запаха кофе. Открыла глаза, огляделась и поняла, что нахожусь в домике Аделарда в его убежище. Села, огляделась повторно – да, так и есть.

Дверь отодвинулась, открывая моему взгляду вампира и кухню за его спиной.

– Одно яйцо, два? – поинтересовался Ад.

– Три, в омлете. – Мой ответ прозвучал хрипло.

Аделард улыбнулся и, развернувшись, отправился готовить мне завтрак. Уже из кухни, сквозь ворчание масла на сковороде, донесся его голос:

– Валери разговаривала с твоей матерью. Мы так поняли, ты хотела учиться в университете в Бостоне?

Да, в какой-то другой жизни, до того, как собственно эту жизнь забрал Вихо...

И тут я вспомнила! Вихо мертв! Мертв!

Его Роутег... у... убил...

Резко поднесла руку к шее – нащупала повязку, крепящуюся к коже пластырем. Вскочила, пошатнулась от слабости, но дошла до ванной комнаты, включила свет и увидела себя в зеркале. Я не изменилась ничем, ну кроме того, что сильно потеряла в весе, под глазами залегли тени, меня шатало и да – на шее имелась повязка.

Аделард же продолжил:

– На следующей неделе с Имаром пройдешься по всем, выберешь, какой понравится. Твое обучение мы оплатим. Кстати, как тебе идея работать у нас?

– К-кем? – спросила, осторожно трогая повязку и борясь с жутким желанием сорвать ее с шеи и посмотреть, что там.

– Связующей. Не снимай, еще рановато. – Аделард обнаружился подпирающим плечом косяк двери. – Пошли, все готово уже.

– В каком смысле связующей? – переспросила я, опуская руку и смирившись с повязкой.

– В прямом, – весело ответил вампир. – У меня в команде нет специалиста, способного работать с детьми. У меня с ними как-то не очень выходит, Валери и Имар в принципе не способны к вызову. Что скажешь?

О, я могла бы много чего сказать, но находилась в каком-то странном оцепенении, впрочем, все же спросила, сдерживая скепсис:

– Буду работать шепотом в темноте?

Аделард улыбнулся и просто сказал:

– Мадди, скажу откровенно – ты даже не вампир, а легко перехватила мой канал сознания и вторглась в мое тело. У тебя определенно дар. А у меня два заказа по поиску пропавших детей, на связь с которыми я никак не могу выйти. Пошли завтракать.

И он отступил, позволяя мне пройти первой. Я поняла смысл его поступка, когда на третьем шаге меня основательно повело в сторону – Ад поддержал. И поддержал снова, когда, едва войдя на кухню, я с трудом удержалась.

– Нормальные последствия кровопотери, – сообщил Аделард, подхватив и донеся меня до стула. – Так ты будешь на меня работать?

Он усадил, пододвинул мой стул к столу.

– Это ты так меня на работу нанимаешь? – поинтересовалась я, берясь за вилку.

– Именно. – Аделард сел напротив, взял свою чашку с кофе и посмотрел на меня поверх дымящегося напитка.

Его умные темные глаза, казалось, скрывали улыбку, в то время как лицо оставалось совершенно серьезным. И он явно ждал вопросов, много вопросов, но, видимо, Аделарду просто было интересно, с чего я начну. А я, осознав это, упорно молчала, приступив к завтраку.

– Ну же, – подтолкнул он.

«Где Роутег?» – подумала я.

Вслух спросила:

– Что с Валери и Имаром?

Аделард улыбнулся, повел бровью, сделал глоток кофе и весело ответил:

– Валери оправилась после нападения оборотней Вихо, Имар здесь, в доме. Ты уверена, что именно об этом хотела спросить?

Нет...

– Я бы о многом хотела спросить, – проговорила, ковыряясь в омлете.

– Ешь давай, тебе восстанавливаться нужно.

К слову о восстановлении:

– Ты из меня вообще кровь пил? – прямо спросила я.

– Мне пришлось. Один раз, – не отводя взгляд, честно ответил Аделард. – А потом сцедил немного, чтобы тебя каждый вечер не мучить.

– Что?

Он, сверкнув белоснежной улыбкой, мягко произнес:

– Роутег дал тебе свободу.

Вздвогнув, потрясенно посмотрела на вампира.

– Не знаю, в чем причина, – продолжил Аделард. – По всем законам, как нашим, так и оборотней, ты принадлежишь ему. Не просто принадлежишь – он имеет право вырвать глотку любому, кто прикоснется к тебе. А после боя с Вихо, как ты понимаешь, идиотов не найдется – о силе Роутега уже ходят легенды, но боюсь, и они далеки от реальных возможностей Повелителя Истэка. Оборотень оказался невероятно силен.

Я продолжала молча смотреть на Аделарда. Вампир развел руками и добавил:

– Мне больше нечего сказать, Мадди. Я действительно не знаю,

почему он так поступил. Но, может, у тебя есть какие-нибудь предположения?

У меня было не предположение, у меня было четкое понимание – потому что я была Роутегу не нужна. Совершенно не нужна... Вероятно, он появился и бросил вызов, чтобы разобраться с Вихо, и я оказалась прекрасным поводом для этого. А дальше... дальше в Ночь весенних песен он найдет себе девушку из оборотней и будет с ней счастлив... Опустив взгляд, я вновь принялась ковыряться в тарелке.

– Мадди? – позвал Аделард.

Я посмотрела на него и с удивлением заметила, что вампир взглядом указал мне на дверь.

Обернувшись, увидела Имара. Второй вампир с несколько странным выражением посмотрел на меня, кивнул приветливо, перевел взгляд на босса.

– Да, я ощутил «блохастого» на своем пороге. Говори уже, ей решать, – произнес Аделард.

Имар хмыкнул, затем сказал:

– Он тут три дня крутился, явно не находя себе места. К двери подошел минут десять назад. Мадди только что пришла в себя, да? Чувствует он ее, что ли?

Я три дня была без сознания?! Недоуменно посмотрела на Аделарда, тот пожав плечами, ответил для начала мне:

– Ты много крови потеряла. Понимаешь, ритуал постановки метки довольно специфичен, человеческих женщин крайне редко подвергают ему, а если и ставят метку – тут же зализывают рану, не позволяя крови собственно пролиться, плюс сам акт слияния с оборотнем восстанавливает силы. А тебя Роутегу пришлось делать своей показательно, чтобы никто не мог оспорить его право защищать твою жизнь. Поэтому крови ты потеряла много, ну и твою рану зализывать он не стал, потому как... Небо его ведает, почему не стал. «Блохастые» довольно скрытный народ, я к их виду не отношусь, поэтому не могу утверждать точно, связано ли зализывание метки непосредственно с интимным актом... Вероятно, связано, иначе Роутег не отдал бы мне тебя, так и не излечив. – Аделард помолчал, затем продолжил: – Трое суток я держал тебя под капельницей, наверх перенес только сегодня.

А затем он ответил уже Имару:

– Вероятно, чувствует. У «блохастых» есть свои секреты. Впусти. Как минимум с ним поговорю я.

Имар кивнул и вышел. Точнее – растворился в дверном проеме,

видимо переместившись в другой мир. Я же вопросительно посмотрела на Аделарда и тихо спросила:

– Там... Роутег?

Отрицательно покачав головой, вампир посоветовал:

– Ешь.

– Ад?!

Но он остался невозмутим и повторил:

– Ешь. Я, конечно, могу еще сутки продержать тебя на питательном растворе, но сомневаюсь, что это хорошо отразится на твоём желудке. Тебе нужна еда. И... – он как-то грустно улыбнулся, – нет, это не – роутег.

Испытав смешанные, тревожные и мало объяснимые мне самой чувства, я подцепила на вилку кусочек омлета и... отложила вилку. Посмотрела на Ада, он смотрел на меня.

– Ничего не хочешь мне сказать? – прямо спросил он.

Я не хотела, у меня, напротив, вопрос был:

– Кто там?

Ад не ответил, просто молча указал взглядом на дверь. Я повернулась и увидела входящего Имара, а за ним, в нерешительности замерев на пороге, стоял мой отец. Мой... настоящий отец. Тот, кто меня растил, кто воспитывал, кто учил обращаться с оружием. Мой папа. Он смотрел на меня с видом побитой собаки, небритый, уставший, в помятой одежде, которую явно не менял несколько дней.

– Мадди, – тихо сказал папа.

Я поняла, что у меня дрожат руки, и все перед глазами подернулось пеленой слез.

И вдруг Аделард произнес:

– Прежде чем ты окончательно разрываешься и совсем забудешь поесть, хочу, чтобы ты знала – отправив семью на территории стаи Северных Гор, сам Виквэя ушел в клан Вихо. Вернулся по своей воле и ради тебя.

– Виквэя? – заикаясь, переспросила я.

Моего отца звали Рон. Рон Дейтос.

– Я сменил имя, когда сбежал, – произнес папа.

Аделард, отодвинув стул, поднялся, подошел ко мне, наклонился и прошептал:

– Выслушай, тебе самой станет легче.

Выпрямился, погладил по щеке и сообщил папе:

– Кофейник на плите, в микроволновой печи стейк для вас. Будет просто замечательно, если вы уговорите Мадди поесть.

После чего кивнул Имару, и оба вампира вышли, скрывшись в другом мире.

Мы с отцом остались.

Он не посмотрел ни на кофе, ни в сторону микроволновки, он все время смотрел только на меня. А я... я, уже не сдерживая слезы, тихо спросила:

– Почему?... Как?... И... зачем?

Папа медленно подошел, сел передо мной на корточки, взял обе мои дрожащие ладони, поцеловал и ответил:

– Мне было четырнадцать лет, я хотел свободы. Свободы любой ценой. Дети? Я не думал тогда о детях вовсе, Мадди, вы были призрачны и несущественны, а свобода – свобода желанна, как никогда. Я принял его помощь на его условиях, думая, что легко отделался и вообще лихо обставил цепного ведьмака Вихо. Оказавшись на свободе, я много лет привыкал к человеческому миру, к тому, что я больше не раб, не пыль под ногами чистокровных, не отродье, которое не имеет права на существование. Я был опьянен тем, что свободен, тем, что значим, тем, что получил родителей, которые относились ко мне как к ценности, любили, баловали, берегли. Я и тогда думал, что эта сделка была самым правильным решением в моей жизни... А потом я встретил твою маму... я узнал, что такое любовь. Что такое – моя женщина. Именно в тот момент я с ужасом понял, что заключил сделку с дьяволом... что проиграл. Но молодости свойственно надеяться, я надеялся, что он меня не найдет. Ошибся. Ведьмак появился на пороге моего дома в день, когда твоей сестричке Салли исполнился годик. Появился и потребовал расплаты. Ему нужен был его ребенок, нужен был исключительно для одной цели – откупиться от Вихо, обменять свою жизнь на жизнь нового ведьмака.

Папа сжал мои ладони и судорожно сглотнул, словно переживал этот момент заново. Но через несколько секунд он продолжил:

– Отдать свою женщину даже на ночь? Я не мог. Не мог, это было... я не смог. Ведьмак угрожал, я искал варианты, чтобы избежать этого. Нашел клинику. Подкупил врачей. Твоя мать ни о чем не знала, оплодотворение произошло в пробирке... Прости меня.

Я молча плакала.

Папа опустил голову и вернулся к рассказу:

– А когда ты родилась, я... я даже на руки не хотел тебя брать, я знал, что ты не моя, знал, но... В ту ночь, когда вы вернулись из госпиталя, твоя мама спала, утомленная за день, и роды же только, считай, были, а ты проснулась и заплакала. Я думал просто покачать, успокоить, чтобы не

разбудила никого, взял тебя из колыбельки и... и понял, что ты моя. Вопреки всему, и пусть не я был отцом, но ты ребенок моей любимой женщины, и ты... ты моя дочь, Мадди, несмотря ни на что. С того момента для меня не было разницы между твоими братьями и сестрами и тобой.

Он сжал мои ладони и продолжил срывающимся голосом:

– Вихо... Обменять твою жизнь на мою?! Как бы не так! Ты для меня дочь! Ты мой ребенок, я бы отдал свою жизнь за тебя, не задумываясь! Но он узнал... – Папин голос сорвался на стон. – Он узнал практически сразу. Ему уже было известно, кто мне помог сбежать. Он сопоставил отсутствие у тебя инстинкта подчинения и сделал выводы. И когда я попытался вернуться в клан, чтобы бросить вызов, пусть сдохнуть, я понимал, что у меня нет шансов, но защитить своего ребенка я мог... Прости меня, девочка. Он пригрозил... Ты дочь ведьмака, как бы сильно я ни жаждал забыть об этом. Дочь существа, которое вне закона во всем мире нелюдей. И Вихо пригрозил раскрыть этот факт, если я попытаюсь бросить ему вызов.

Отец держал мои руки, и я отчетливо ощутила, как дрожат его собственные.

– Папа...

Он дернул головой, словно решаясь на что-то безумно сложное, затем рывком заставил себя посмотреть мне в глаза и хрипло произнес:

– Знал ли я о том, как тебе тяжело? Знал. Видел, как ты мучаешься, и боялся рассказать правду. Боялся, что ты покончишь с собой, если узнаешь, что моя жизнь от твоего решения не зависит. Боялся... – Папин голос сорвался, а затем он обреченно пояснил: – Вихо многое рассказал о ведьмаках, и у него не было повода лгать. Вихо был заинтересован в тебе, в... ведьме.

Еще несколько долгих томительных секунд молчания, и затем:

– Он не просто сохранил твою жизнь, он сделал все, чтобы дар не проснулся. Никакого алкоголя, эмоциональное и нервное истощение, чувство ответственности за свою семью. Вихо задействовал все рычаги влияния. А я... я видел, как ты страдаешь, мучился сам, но, Мадди, я был уверен, что так ты, по крайней мере, сохранишь жизнь, что ты будешь жить, доченька. Я не думал, даже мысли не возникало, что в один день Вихо изберет для тебя другой путь и объявит своей женой.

Я вдруг только сейчас поняла – папа не знал. Я не говорила, он даже не... он не знал.

– И когда Дик забрал тебя, – папа судорожно сглотнул, – мне было известно, что у Вихо есть та, кого везут в клан. Но я был уверен, что это

волчица. Что он избрал своей следующей жертвой волчицу. Я даже мысли не допускал, что... А потом как гром среди ясного неба – Манзи Вихо! И твоя фотография... Твоя! Тебе было известно об этом?!

Я молча кивнула.

– Когда? – прямо спросил отец.

– Когда мне исполнилось семнадцать лет. На утро, после... дня рождения...

Папа отпустил мои руки и поднялся. Он молча отошел к раковине, включил воду, подставил сначала ладони, затем умылся. Снова... снова... снова... Резко выпрямился, вытерся рукавом, развернулся ко мне.

– Почему ты не сказала? – прозвучал хриплый вопрос.

Пожав плечами, я ничего не ответила. Не смогла. Об этом было больно вспоминать, и о том страхе, и о моей первой влюбленности, от которой пришлось отказаться. И даже как-то не верилось, что теперь Вихо нет...

А потом вдруг неожиданно осознала – Вихо больше нет!

Его нет!

Я посмотрела на папу, улыбнулась, чувствуя, как по щекам текут слезы, и прошептала:

– Вихо нет...

Папа с сомнением в моей адекватности глянул на меня, а затем тоже улыбнулся и подтвердил:

– Да, он мертв.

Я вскочила и вновь рухнула на стул. На меня медленно, но основательно накатывало чувство даже не радости – эйфории! Самой настоящей! Я вдруг осознала, что у меня есть будущее! Что я живу, жива и у меня есть шанс жить дальше! Я вспомнила разговор с Аделардом про университет и поняла – я буду там учиться! Я смогу учиться! И жить! Жить, не оглядываясь, ни о чем не думая, не переживая, я... я могу друзей завести! Я...

В дверном проеме возник Аделард. Бросил взгляд на моего отца, затем улыбнулся мне и произнес:

– Я так понимаю, с беседой все прошло успешно?

Закивала, потом попыталась опять встать.

– Куда? – строго спросил Аделард. – Тебе сказано было поесть, потом обратно в постель. И может, в этом случае к вечеру шатать перестанет. Рон, кофе?

– Да, спасибо, – сказал папа. – И... спасибо, что позаботились о моей девочке.

– Мелочи, – проходя к плите, отозвался вампир. – Должен извиниться

за то, что обвинил вас в невмешательстве. На тот момент я не был в курсе... мм-м... всех обстоятельств. Маделин, омлет!

Все дальнейшее происходило как в тумане. Я едва ли прислушивалась к беседе Ада с моим отцом, механически расправляясь с завтраком, и почти все время улыбалась. Улыбалась и строила планы, планы и планы... Я теперь могла строить планы, и это было так фантастически здорово. Невероятно здорово.

А потом Имар увел меня спать дальше. Я пыталась возражать, но провалилась в сон, едва легла, и вампир меня заботливо укрыл.

Так началась моя новая жизнь.

Жизнь, в которой не было больше страхов и обреченности, жизнь, в которой я была совершенно свободна.

И эта пьянящая свобода подействовала сильнее вампирского алкоголя.

* * *

Все началось вечером, спустя месяц после того, как я поступила в университет. К этому моменту отшумели споры моего отца с Аделардом по поводу того, где я буду жить. Впрочем, они завершились, едва вампир сказал: «Я несу за нее ответственность перед Роутегом». С этим папа спорить не стал. Моя семья не стала возвращаться в человеческий мир, предпочтя обживаться в Серых Гранях. У них там был уютный домик на склоне горы, а в Ночь весенних песен, которая оказалась единой для всех миров, мои сестры нашли себе пары. И старший брат тоже. Младший еще нет, но он увлекся самой идеей переходить через миры, и его не то что я, его мама теперь видела редко.

А я обретала силу.

Она накатывала волнами, омывая, словно теплый песок. Она манила, как самый яркий из маяков манит одинокий, заплутавший в океане корабль. Она сводила с ума, вызывая неистовое желание двигаться, напрягая каждую мышцу тела, изгибаться на пределе возможностей... желание танцевать. Кружиться, взлетать и падать и снова взлетать. Но каждый раз, когда я об этом думала, тело начинало тосковать... по сильным рукам мужчины, готового подхватить в любой момент, чтобы удержать от падения, уберечь от боли... спасти от того, кто казался непобедимым...

Много раз я порывалась спросить у Аделарда, что с Роутегом... Если бы я могла... позвонить, сказать спасибо, сказать хоть что-то...

Но снова и снова в моей памяти звучали тихие слова оборотня:

«С меня хватит, Кел. В Ночь весенних песен я выберу себе женщину из наших. У меня будут семья и дети».

Сейчас, вспоминая все, что произошло со мной у койотов, я с отчаянием понимала, что никто не достоин семьи и детей так, как Роутег. Никто не способен заботиться так о других, как Роутег. И мало кто относится к ответственности за жизни других так, как он. И до сих пор я испытывала странное, сжимающее сердце чувство при мысли о том, что Роутег пришел в клан Волка и бросил вызов Вихо без моей просьбы, без моего зова. Он спас меня, ничего не требуя взамен, ничего не ожидая, подарив мне свободу и защиту... подарив мне жизнь. И возможность прожить эту жизнь так, как я сама считаю нужным.

Моя благодарность ему росла день ото дня, и я правда всем сердцем, всей душой желала ему счастья. Желала найти ту, кого он узнает с первого взгляда, одну из тысячи, и они пойдут навстречу друг другу, не замечая никого и ничего вокруг. Чтобы, подойдя, он ощутил ее запах и ощутил то самое непреодолимое желание прикоснуться к ней... И чтобы его ударило словно током при первом прикосновении, а его сердце потянулось к ней как магнитом, и счастье заполнило его всего... Счастье, которого он действительно заслуживает...

Вот только всякий раз, когда я это представляла, в той женщине, которую он узнает в толпе из тысячи, я видела... себя.

Не то чтобы я это осознавала, просто внезапно поняла – когда думаю об этом, я представляю, как его пальцы касаются черных, совершенно черных волос... а брюнетки среди оборотней редкость, мне ли не знать об этом... Вихо слишком часто упоминал о том, насколько большой редкостью является мой цвет волос среди кланов иных.

А кровь ведьмаков все сильнее давала знать о себе.

Я хотела танцевать.

Среди песков, под ярким светом луны, серебрящим песчаные дюны, повинуюсь жаркому ветру и доверяясь сильным рукам самого надежного из оборотней... Самого сильного из оборотней... И самого желанного...

Того, о ком я старалась забыть наполненными событиями днями, и кого пыталась не позвать ночью...

Потому что... «С меня хватит, Кел. В Ночь весенних песен я выберу себе женщину из наших. У меня будут семья и дети».

В Ночь весенних песен, когда мои братья и сестры гуляли с волками стаи Северных Гор, я сидела с родителями и... училась. Очень старательно, вдумчиво, и литрами поглощая кофе. Родители полагали, что я безумно рада готовиться к поступлению в университет и в целом счастлива от

осознания, что впереди меня ждет нормальная человеческая жизнь и студенческие годы. И я старалась выглядеть счастливой, а сама...

Я представляла, как Роутег вместе с сотнями своих свободных воинов идет в лес вокруг такого знакомого мне озера, как они собираются там, у костров, как с наступлением сумерек туда следуют свободные девушки и начинается Ночь весенних песен... Собственно, образец подобной ночи я могла лицезреть за окнами домика родителей. И неважно, что мои братья и сестры являлись оборотнями лишь на четверть – с восходом луны кровь проснулась у всех четверых. Братья покинули дом первыми, одетые лишь в брюки и кроссовки, сестры собирались дольше – девушки, они и у оборотней девушки. Но едва стемнело, они двумя грациозными тенями выскользнули за двери... их уже звала песня оборотней, которая звучала в крови...

Меня никто не позвал. Не знаю, как там принято у ведьмаков... но в Ночь весенних песен мне хотелось лишь одного – пойти поплакать, уткнувшись в подушку. И думаю, если бы поддалась этому желанию, вой бы у меня вышел очень пронзительный и мелодичный, с большой скидкой мог бы сойти за песню.

Наутро я свалилась спать, не раздеваясь, с четким ощущением горя.

Моего личного горя.

Осознавать, что сильные руки Роутега сейчас нежно сжимают в объятиях ту, что он нашел в эту ночь, было убийственно. Видеть, как мои сестры и старший брат на рассвете вернулись с парами, как их глаза светятся счастьем и решимостью не выпускать ладонь любимого уже никогда и понимать, что у оборотней действительно все проще и волшебнее, было... больно.

Нет, я была рада за родных, но, глядя на брата, не перестающего обнимать свою девушку, улыбающегося ей особой, предназначенной только ей улыбкой, украдкой откровенно любующегося ею... я представляла на его месте Роутега, вернувшегося сегодня на рассвете со своей парой. Конечно, я понимала, что ему, Повелителю Истэка, нет никакой необходимости вести женщину знакомиться с родителями, скорее всего он уже уединился с ней в свежестроенном доме, и... им хорошо вдвоем, но...

Это пресловутое «но»...

Я ругала себя за эгоизм и за то, что испытываю боль при одной только мысли, что он нашел себе пару... Я понимала, что бессовестно с моей стороны вообще думать о нем иначе, чем с благодарностью, но... Но!

Проходили дни, боль становилась все слабее, да у нее и выбора не было – трудно страдать, понимая, что ведешь себя крайне эгоистично. А я

эгоисткой никогда не являлась. Так что да, я искренне и от всего сердца желала ему счастья... и женщину, которая будет понимать его практически интуитивно, и детей... с его серыми глазами и умным красивым лицом...

Я желала ему всего самого лучшего... но потом начала просыпаться моя сила.

Она пробуждалась ночью, в полночь, и становилась все сильнее с растущей луной.

И если в первые ночи я, просыпаясь, несколько часов призраком бродила по дому Аделарда, чтобы под утро без сил завалиться спать, то на пятую ночь, пробудившись, отчетливо поняла – хочу танцевать.

Сильно, неистово, безумно хочу танцевать!

Я пыталась успокоиться, долго стояла в душе под струями холодной воды – но кровь закипала все сильнее с каждой секундой, и мое тело совершенно не ощущало холода, какой бы низкой температуры ни была вода. Я бродила в легкой ночнушке по дому, с трудом сдерживая желание позвать Аделарда и каждый раз напоминая себе: «Нельзя, сегодня нельзя!» Они были на сложном задании, заказ от вампирского клана Дакхуро, очередная невыполнимая миссия, которую босс уже практически выполнил. Просто сегодня ни его, ни Имара трогать было нельзя. Я могла бы позвать Валери, она жила неподалеку, в смысле, неподалеку от той части дома Аделарда, что располагалась в Изнанке. Там время текло иначе, процессы старения замедлялись, и безмерно заботящаяся о своей привлекательности Вал предпочитала жить именно там. Но звать Валери не хотелось.

Хотелось танцевать.

Мне безумно хотелось танцевать... просто закрыть глаза и отдаться во власть мелодии, которую играл лунный свет... мелодии, от которой кружилась голова... Мелодии, в такт которой билось сердце...

Я держалась.

Держалась, как могла. Открыла ноутбук и села перечитывать последнюю лекцию по соционике. Осознав, что строчки расплываются перед глазами, сходила, сделала себе кофе и вновь вернулась к ноутбуку. Но, несмотря на все попытки успокоиться, сердце билось все сильнее, голова начала кружиться и мне отчаянно не хватало воздуха.

Поддавшись порыву, я подскочила, как-то слишком быстро оказалась возле балкона, отдернула занавеску, распахнула дверь и...

Луна!

Она казалась огромной. Пульсирующей в такт биения моего сердца и манящей настолько, что этот зов затмил голос рассудка.

И я шагнула к луне...

Я шагнула в серебристый свет, растворяясь в нем, рассыпаясь на мириады частичек, каждая из которых кружилась в такт лунной песни... И я закружилась вместе с ними, отдаваясь во власть чарующей мелодии и собственной силы, окончательно теряя связь с реальностью и отмечая краем сознания лишь краткие моменты.

Вот я танцую на балконе, упоительно и гибко... но хочется большего!

Мне хотелось в пустыню, хотелось ощутить тепло и струящийся песок, но я в последний момент запрещаю себе быть там...

И меняю желаемое на противоположность!

Шаг – и я уже на скале посреди бушующего океана! Ветер в лицо, брызги соленой воды на губах, скользкий камень под ногами, и в какой-то пугающий миг нога скользит, не находя опоры, и я с ужасом понимаю, что не успею сделать шаг! Не успею сменить мир! Слишком скользко... слишком страшно... слишком быстро все происходит... Слишком реальны беснующиеся волны и острые скалы там, внизу, куда меня несет по инерции, как бы сильно я ни пыталась остановиться, цепляясь рукой за холодные скользкие выступы...

Обжигающе-горячее прикосновение к моей руке, и пальцы стиснуты сильной надежной ладонью, вторая скользнула на талию, властно удержав на месте... Почти на краю... За долю секунды до смертоносного падения... За миг до осознания... до понимания... до расправившей крылья надежды...

Рывок назад, и мне уже не холодно, мне жарко от ощущения соприкосновения с его мощным, напряженным телом...

– Маддделлин! – хриплый злой голос.

А я молчала. Закрыв глаза, впитывая в себя грохот и гром беснующегося шторма, безумие неистово набрасывающихся на скалы волн, я растворялась в тепле тела, в надежности объятий, в робком желании не разрывать прикосновение... И мне не хотелось говорить... я боялась того, что услышу.

Но молчание, видимо, не устраивало Роутега.

– Знаешь, я мог не успеть! – с чеканной яростью проговорил он.

– Знаю, – прошептала я, безумно благодарная за то, что успел.

За то, что удержал на самом краю... за секунду от гибели... снова.

И он, наверное, это почувствовал, мою благодарность, потому что тихо спросил:

– Что с тобой, Мадди?

– Кровь, – судорожно выдохнула я. – Она просыпается с каждым

днем... с каждой ночью все сильнее. Я старалась сдержаться, несколько ночей получалось, но сегодня...

– Что сегодня? – голос его раздался ближе, и от этой близости замерло мое сердце.

– Сегодня... луна... была слишком яркой, – прошептала я.

– И? – Он обнял меня сильнее.

Обнял, словно предугадав сильнейший порыв ветра, несомненно, снесший бы меня со скалы и даже не пошатнувший его. И я наслаждалась. Я откровенно наслаждалась его силой, надежностью, несокрушимостью...

– И, Маделин?

Закрыв глаза, я продолжила:

– И я не смогла удержаться. Это было сильнее меня... сильнее голоса разума... сильнее всего на свете... кроме тебя.

– Интересное дополнение, – с улыбкой в голосе произнес Роутег.

А затем настроение его стремительно изменилось, и оборотень произнес:

– Где вампир, Мадди? Почему он не остановил тебя?!

Аделард? Мысли о нем путались, были неясными, туманными, подернутыми дымкой будней, припорошенными легкой отрешенностью и заглушенными ревом беснующихся волн... А осознание Роутега являлось до боли четким. И тепло его прикосновений, и сила, с которой он удерживал, несмотря на бушующий океан и порывы ледяного ветра, и его дыхание, и каждое слово звучало для меня отчетливо, несмотря на вой стихии. Он весь был отчетливым. Отчетливее, чем все, чем вся моя жизнь за истекший месяц. Он и был всей моей жизнью за этот месяц – и я совершенно неожиданно поняла это.

– Маделин, – позвал Роутег.

«Не уходи из моей жизни», – подумала я.

Эта мысль звучала криком! Надрывным, пульсирующим, заглушающим грохот разыгравшейся стихии!

Но вслух... вслух я сказала:

– У него работа. Сложное дело. Его не было рядом в эту ночь.

– Ясно, – тихо ответил Роутег.

В этом кратком ответе мне почудилось осуждение, причем осуждение Аделарда, а не меня. Это было неправильно, Ад не виноват ни в чем, он и так сделал и делает для меня больше, чем я могла бы надеяться, он...

И я развернулась в кольце рук Роутега, чтобы сказать ему, что он не прав.

Ветер ударил в лицо, отбрасывая мокрые волосы назад, и я интуитивно

прижалась к оборотню всем телом... И забыла, о чем хотела сказать. Забыла, кажется, обо всем на свете... От прикосновения к груди Повелителя Истэка задрожали ладони, а сердце забилося гулко и быстро, отдаваясь в ушах грохотом неистово бросающихся на скалу волн... но оно замерло, едва я подняла голову, чтобы взглянуть в серые глаза... наполненные нежностью с оттенком боли, чувством горечи, отчаяния и сожаления. И еще чего-то, чего-то неуловимого, что он подавил жестко и основательно, на миг сомкнув веки, а когда вновь распахнул ресницы, в его взгляде читалось лишь все то же непробиваемое спокойствие серого гранита, возвышающегося незыблемой твердью среди раздираемого штормом океана.

– Что, Маделин? – тихо спросил он.

Внимательный и в то же время отрешенный вопрос отгородившегося от меня мужчины. Нет, он продолжал обнимать, бережно и надежно удерживая меня и от падения, и от порывов неистовствующего ветра, но он отгородился – эмоционально, мысленно. Я ощущала это так же, как если бы между нами вдруг воздвигли каменную стену. И это заставило вспомнить о том, что у него, вероятно, уже есть женщина. Другая женщина. Та, которую он, заключая в свои ласковые и такие сильные объятия, согревает нежностью, любовью... страстью...

В моих глазах заблестели слезы... они предательски сорвались с ресниц и скрылись среди тысячи капель, щедро подаренных мне солеными морскими брызгами. Я понадеялась, что он не заметит, но...

– Слезы? Маделин, в чем дело? – обеспокоенно спросил Роутег.

И стена рухнула, напрочь снесенная его тревогой.

И мне вдруг очень захотелось, чтобы со мной действительно что-то случилось, что-нибудь, что угодно, чтобы бы ему вновь пришлось меня спасать. Вот только...

– Тебе лучше уйти, – тихо прошептала я, опуская взгляд и ненавидя себя всем сердцем, каждой клеточкой, всей душой.

Потому что внезапно, но очень отчетливо я осознала – отпускаю его, отпускаю свою жизнь... Я мало знаю о мире оборотней, еще меньше о мире ведьмаков, но Роутег оказался прав – в этом мире интуиция значит больше разума. Это голос крови, сущности, исконный и истинный. Голос моей крови с надрывом кричал мне: «Без него ты погибнешь!» А разум и совесть шептали: «У него есть другая, не мешай его счастью». Возможно, будь я воспитана в мире оборотней, поступила бы иначе, но я была человеком, со своими понятиями о чести, этике и морали. И как бы мне ни хотелось здесь, сейчас, в это наполненное грохотом волн и воем ветра мгновение

сказать ему о том, как плохо мне было без него все это время... как часто я думаю о нем, о его словах... как благодарна ему за то, что он спас меня от участи, что была хуже смерти, как...

– Да, мне лучше уйти, – холодно произнес Роутег.

Я сжала руки. Сильно, до боли, подавляя инстинктивное желание удержать его. Просто остаться рядом...

– Но я тебя не оставляю, – добавил оборотень.

Вздвигнув, подняла вопросительный взгляд на него.

Роутег был все так же холоден и сдержан, и так же холодно он пояснил:

– Здесь луна сокрыта облаками, ты успокоилась, но сомневаюсь, что сумеешь удержать контроль, вновь оказавшись под лунным светом. До рассвета я буду с тобой. Скажи, куда хочешь перенестись?

Я? Что?

Он улыбнулся, глядя в мои изумленные, широко распахнутые глаза, и сказал:

– М-да, глупо подобное спрашивать, ты же еще ничего не знаешь. Вода, песок, лес, горы? Чего ты хочешь?

Это был плохой, очень плохой вопрос, потому что ответ на него пришел сам, откуда-то из глубины моей души:

– Тебя...

И Роутег оцепенел.

Застыл, словно пораженный громом, который гремел вокруг, сотрясая небо, океан, скалы... нас... меня! Что я сказала? Что я сейчас сказала?!

Бледнея настолько, что, казалось, потеряю сознание, я торопливо исправилась, выговорив что-то вроде:

– В смысле, тебя не затруднит быть со мной? Тебя ведь ждут... ждет... она... твоя пара... твои дети и... койоты все... и жена... и старейшины... и ты ведь женат, а я тебя отвлекаю от... от нее и...

Что я несла? Боже, что я несла!

Но Роутег больше не слушал. Ни моего жалкого оправдательного лепета, ни попыток хоть как-то сгладить сказанное... Он резко склонился надо мной, озаряемый вспышками молний, игнорирующий капли дождя и летающие до нас брызги разбивающихся о скалы волн... А затем медленно, пугающе медленно, не обращая внимания на мои попытки что-то еще сказать, он прикоснулся к моим губам.

И время остановилось.

Застыло...

Сжалось...

Замерло...

Легкое, едва ощутимое ласкающее касание... Словно он проверял, отшатнись или нет, словно хотел понять, боюсь ли я его. А я... я оцепенела... затихла, не веря... оказавшись неспособной поверить в то, что он делает... в то, что он...

Он поцеловал меня.

Мягко, нежно, лаская мои губы с осторожностью и позволяя мне ответить или разорвать это прикосновение. Позволяя остановить его... позволяя привыкнуть к нему... Позволяя ощутить вкус нежности, плавно переходящей в страсть... Но он держался на этой грани, словно на краю пропасти, держался до того самого момента, как из моей груди вырвался стон...

Мой сдавленный стон.

И он сорвался!

Рывок, и я была стиснута до боли, до невозможности вздохнуть, до головокружения. И оборотень, теряя последние остатки самоконтроля, впился в мои губы, почти болезненно сминая, проникая глубже, настигая и лаская, вырывая стон за стоном. Мы словно растворились в безумии стихии, в порывах ветра, в накатывающих волнах, в грохоте грома и ослепительном сиянии молний. Его горячие поцелуи, сильные, страстные, сводящие с ума... его сильные руки, обжигающие прикосновениями сквозь мокрую ткань ночной рубашки, его хриплый рык, когда он, спустив ее с плеч, прикоснулся к моей коже... Меня била крупная дрожь, она сотрясала все тело, мне казалось, я падаю, нескончаемо падаю в пропасть, и я цеплялась за него, пальцы скользили по его напряженным плечам, ногти впивались в кожу, оставляя, наверное, алые росчерки... Но он не замечал этого. Не замечал того, что ветер треплет мои волосы все ожесточеннее, а с небес полился дождь... Не замечал усиливающегося шторма... Не замечал ничего, ловя каждый мой стон, покрывая поцелуями лицо, шею, плечи, вновь сминая губы до боли, проникая между ними и заставляя терять связь с реальностью. Мир вокруг рушился, но я едва ли воспринимала это затуманенным, тающим от страсти сознанием. Мне хотелось одного – чтобы он не останавливался. Только бы не останавливался... Я была готова умереть, здесь и сейчас, лишь бы он продолжал целовать, сводя с ума, заставляя каждую клеточку моего тела дрожать от напряжения, изнывать, плавиться от желания, и когда его руки замерли, приподняв подол давно и безнадежно мокрой ночной рубашки, я прошептала «да», даже не дожидаясь его вопроса. И от его ответного «моя» меня охватило безумие. Чистое, невыразимо сладкое, упоительно чувственное, бесконечно

желанное.

На краткое мгновение спину обожгло холодом мокрого камня, но уже в следующий миг это перестало иметь какое-либо значение.

Я стала принадлежать ему.

Целиком и полностью. Телом, душой, сердцем.

Роутег замер на мгновение, вглядываясь в мои глаза, напряженный, опасный, внимательный. Его лицо озарила вспышка молнии, за его спиной бушевала стихия, с неба свергались тысячи ледяных капель... Я не чувствовала ничего. Ни ветра, я была спрятана от него скалой и прикрыта сильным телом оборотня, ни дождя, согреваемая прерывистым дыханием моего первого мужчины, ни холода – мне было хорошо. Неистово, невозможно, упоительно хорошо, как не было никогда в жизни. И глядя в серые глаза, в которых за показным спокойствием неистовствовала буря, посрамившая бы этот шторм, я потянулась к его губам – и задохнулась, когда он прижался к моим, заставляя кричать от наслаждения. Снова, снова и снова...

Это было блаженство. Неистовое, дикое, упоительное. Я взлетала на вершину и падала, не боясь падения. Я взлетала к звездам, и они взрывались фейерверком, повергая в экстаз, сотрясающий все мое существо, заставляющий дрожать всем телом. Мне казалось, я умру, я не выдержу больше – растаю, взорвусь, задохнусь от удовольствия, но Роутег был неутомим в своей страсти. Срывая стоны с моих губ, наслаждаясь каждым моим криком, он словно дышал нашим слиянием, и когда я услышала его полный блаженства рык, у меня не осталось сил даже на вздох.

Мы замерли, тяжело дыша и глядя друг на друга.

Опустошенные, ошеломленные, безумно счастливые.

Роутег, все так же поддерживая меня, осторожно сел, обессиленно привалившись к валуну спиной, усадил меня к себе на колени и обнял, привлекая ближе. Полулежа на нем и вслушиваясь в мощное биение его сердца, я с удивлением поняла, что шторм давно прошел, дождь закончился, на небе сверкают звезды и царит полный штиль. А я даже ничего не заметила, поглощенная ураганом собственных ощущений.

– Как ты? – целуя мои волосы, тихо спросил – роутег.

Мне сложно было ответить. С трудом вообще двигаясь, я запрокинула голову и посмотрела в его глаза. Они казались совершенно черными в сумраке приближающегося утра, но притягивали сильнее, чем все еще сияющие звезды. Они казались омутами, манящими, таинственными, опасными... Он вообще был опасен. А я самой себе вдруг показалась

бабочкой. Мотыльком, прилетевшим на свет огня. Он и был огнем, Роутег – огонь, а меня он, кажется, совершенно не зря назвал Апони – бабочкой. Маленькой хрупкой бабочкой, которая вдруг осознала, что вряд ли сможет встать. И ходить. И вообще как-то неожиданно ощутила, что местами все саднит, болит и тянет.

– Больно? – каким-то невероятным образом понял Роутег и подхватил меня на руки, видимо собираясь встать.

– Немного, – шепотом солгала я. – Давай еще посидим здесь, пожалуйста.

Он подчинился, напряженно глядя на меня. А я смотрела на его лицо, изучая взглядом каждую черту, каждый изгиб, каждую деталь. И мне казалось, что я могу смотреть на него вечно, потому что с каждой секундой мне это нравилось все больше – смотреть на любимого мужчину. Смотреть и стараться больше ни о чем не думать... ни о том, что я поступила, наверное, плохо... ни о том, что он обо мне думает, вероятно, совсем плохо... Ни даже о том, что, кажется, мне действительно будет трудно стоять.

И вдруг Роутег спросил:

– Почему ты не позвала меня?

Я отвела взгляд. Посмотрела на медленно сереющее небо у горизонта, на умиротворенно-спокойный океан и... промолчала.

– До последнего ждал твоего зова, – неожиданно зло произнес Роутег. – До последнего надеялся, что я тебе нужен!

Удивленно, непонимающе посмотрела на него и увидела, как каменеет его лицо, как становится холодным взгляд. На миг. Всего на миг, а затем оборотень хрипло сказал:

– Прости, я не сдержался.

Я посмотрела на него еще недоуменнее.

И Роутега, явно желающего мне что-то еще сказать, этот взгляд остановил. Он несколько секунд смотрел в мои глаза, а затем спросил:

– Ты, наверное, ждешь, что теперь я верну тебя Аделарду?

Наверное, чего-то подобного я и ждала. Но прежде, чем успела даже подумать об этом, Роутег отрезал:

– Нет!

Помедлил мгновение, затем прикоснулся к моей щеке, провел по ней пальцами и добавил:

– Теперь не отдам.

Прозвучало пугающе. Жутко даже. И разумом я понимала, что следует, наверное, с опаской относиться к подобным заявлениям, но душа решила

иначе. Я улыбнулась и прижалась к нему, закрыв глаза и снова слушая, как бьется его сердце. Сильно, уверенно, решительно. Мне нравилось это ощущение силы в нем. Не знаю почему, но нравилось. И его запах, приправленный соленым ароматом океана, мне нравился тоже. И прикосновение к его телу... А потом я вспомнила его рассказ о том, как оборотни находят свою пару. И поняла, что чувствую нечто сходное – от запаха Роутега я испытывала непреодолимое желание ощущать его рядом, трогать его, прикасаться к его обнаженной коже...

Мне захотелось снова поговорить об этом:

– Помнишь, ты рассказывал, что, когда оборотни находят друг друга в толпе, ощущают запах друг друга и прикосновение, они сразу занимаются любовью...

Роутег помедлил, ответил вопросом:

– Смысл медлить?

Как человек я могла бы ему объяснить. И как девушка. А как женщина, которая только что отдалась мужчине вообще без слов, решила промолчать.

Роутег усмехнулся, а затем, обняв меня одной рукой и прижав к себе крепче, произнес:

– Смотри.

И над ровной поверхностью скалы в трех шагах от нас, словно сотканые из голубоватой океанической воды, закружились песчинки. Их становилось все больше, больше и больше, до тех пор, пока из песчинок не образовался отчетливо видимый смерч. Он остановился на долю секунды, а затем рассыпался в воздухе, образуя картину. И я увидела толпу, серую, совершенно безликую, что двигалась словно песок... а затем в этой толпе возникли два силуэта – юноши, остановившегося как от удара молнии, и девушки, чьи волосы развевал ветер. Она не сразу заметила того, кто замер потрясенным изваянием, но вот она поворачивает голову, взгляд ее скользит по толпе, и... они увидели друг друга. И медленно, словно не веря в происходящее, влюбленные сделали первый шаг. Шаг друг к другу. Миг. И вот они уже стоят рядом – не замечая ничего вокруг. Не видя. Не ощущая, что не одни. Они дышат, глубоко и часто словно не могут надышаться друг другом. Его рука поднимается и замирает. Ее ладонь медленно, неуверенно прикасается к его, их пальцы переплетаются. Они вздрагивают. И он обнимает ее. Крепко и бережно, словно величайшую ценность, самую большую ценность в его жизни, которую всегда искал и так неожиданно нашел.

– В паре сильнее привязывается мужчина, – заговорил Роутег. – Возможно, это заложено в нас генетически, с тех пор, когда в один из

моментов эволюции потомство не могло выжить без поддержки отца, возможно, тому есть другие причины, но факт остается фактом – в паре сильнее всего привязывается мужчина. И с того момента, когда он находит свою пару, он испытывает сильное, болезненное, сводящее с ума желание обладать ею.

И двое, сотканые из крохотных сверкающих кристаллов, слились в страстном поцелуе.

– Наши женщины испытывают желание не сразу, насколько мне известно. Интерес, любопытство, ожидание удовольствия в них преобладают в большей степени, чем желание страсти, но зная о том, насколько это важно для мужчины, насколько это жизненно необходимо ему, насколько болезненным является процесс воздержания... Так что, да, Маделин, сразу. И я никогда не слышал, чтобы нашим женщинам приходилось сожалеть об этом.

В его словах прозвучало что-то с отголоском боли. И я не поняла причину, зато догадалась, как тяжело ему говорить мне об этом. И все же... все же я уточнила:

– Но все же по-другому, когда парой оборотня становится человеческая девушка?

Страстно целующаяся пара рассыпалась мириадом сверкающих кристалликов... Затем песчинки затанцевали снова, искрящиеся в лучах поднимающегося солнца, образуя силуэт мужчины.

– Такое происходит редко, – начал рассказывать Роутег. – К счастью – крайне редко.

И мужчина из песчинок начал становиться больше, его мускулатура заметно выделялась все сильнее с каждой секундой.

– В основном с сильнейшими из нас. С теми, кто способен не сойти с ума.

И сверкающее лицо мужчины стало меняться... вот уже вместо рта – звериный оскал.

– С теми, кто достаточно силен, чтобы удержать зверя в том случае, если... она скажет «нет».

Песчаный силуэт мужчины ссутулился, руки заметно удлинились.

– Иногда, – продолжил Роутег, – они находят в себе силы выбрать пару из оборотней и держать себя под жестким контролем до тех пор, пока не появится ребенок. Я уже говорил – генетически мы привязаны к детям. Привязаны настолько, что ни один оборотень не уйдет даже от нежеланной, не приносящей удовлетворения женщины до тех пор, пока дети не обретут силу, пока не построят собственные семьи. Это позволяет удержаться.

Удержаться в клане, в семье, рядом с той, которая никогда не снимет болезненного напряжения, сколько ни обладай ею. А после того как младший из детей обретет свою семью...

И мужчина из песка рассыпался. Просто рассыпался.

Мне было жаль его. Так жаль.

А потом...

А потом я вдруг поняла, что Роутег говорил... о себе.

Вскинув голову, я посмотрела на его напряженное, бледное лицо, холодный, скрывающий эмоции взгляд, сжатые, побелевшие от напряжения губы и не веря, оказавшись не способной поверить, сдавленным шепотом спросила:

– Твоя пара... я?!

– Да, Маделин, – сухо ответил он.

– Но... когда? Как ты понял?

Он тяжело вздохнул и ответил:

– С первого взгляда. С того момента, как увидел на перроне. Как понял? Я ни черта не понял, Мадди!

Он откинул голову назад, прижавшись затылком к камню, и начал рассказывать:

– Я не собирался вмешиваться в схватку, планировал скрыть происходящее от людей, но меня потянуло туда. К тебе. И вовремя – Вихо предусмотрительно прикрывал тебя не только своей троицей, он и бет прислал контролировать этапы твоего путешествия. Он просто не знал, с кем связывается. Против меня не было бы шанса даже у половины его стаи, но не суть. Когда я тебя увидел, меня накрыло ощущением туннельного зрения – как-то внезапно я начал видеть только тебя. Как ты стоишь, поправляя рюкзак, как ходишь, выглядывая монорельс, как нервно пьешь. Я решил, что просто слишком сосредоточился на цели. А еще, что ты очень красивая... очень... Настолько, что я смотрел бы на тебя, даже не будь ты моей парой. Но я не понял. Понимание, его проблеск, пришло, когда схватил тебя, поднимая с пола. Это оказалось слишком – хотеть девку Вихо, жаждать так сильно, что единственным желанием вдруг стало схватить и унести оттуда, от всех? Это привело в бешенство. Я отшвырнул тебя Келу и сорвался на волках Вихо.

Он помолчал немного, а затем хрипло продолжил:

– По дороге в долину мне практически удалось заставить себя поверить в то, что показалось. Просто показалось. Только показалось. Ты притягательно прекрасна, как цветок в пустыне, нежный, манящий, хрупкий цветок, я решил, что реагирую на тебя исключительно как

мужчина, не более.

Пауза – и злое:

– Я был уверен, что тебе прекрасно известно, как на тебя реагируют мужчины.

– Откуда? – шепотом спросила я.

Он опустил голову, внимательно посмотрел на меня и неожиданно спросил:

– Почему ты не позвала меня? У Вихо? Почему, Маделин?

Сглотнув, я тихо ответила:

– Я не хотела, чтобы ты пострадал из-за меня. Не хотела тебе мешать. Не хотела втягивать в войну, не хотела...

– Меня? – перебил он.

Я опустила взгляд. А затем прошептала:

– Я слышала ваш разговор с Келом... Я знала о твоём решении выбрать себе женщину из оборотней в Ночь весенних песен. Ты хотел семью и детей... И... Вихо, и Дик пытались запугать меня, они почему-то знали о том, что ты мне сказал.

– Потому что я хотел, чтобы они знали, – прорычал Роутег. – Чтобы Вихо отчетливо понимал, что не сможет тебя тронуть. Чтобы не трогал.

Он прикоснулся к моей щеке, с пронзительной нежностью провел пальцами вниз, обрисовывая овал лица, и хрипло признался:

– Отпускать тебя оказалось самым страшным в моей жизни. Болезненным настолько, что хотелось разорвать грудь и вырвать сердце, лишь бы оно не сжималось так... И даже понимая, что отпускаю ненадолго, я с трудом заставил себя стоять на месте, в сотысячный раз напоминая себе, что Вихо нужно убраться, в первую очередь ради тебя.

Я вздрогнула, вспомнив расправу над главарем клана Волка.

– Да, я видел, что тебе плохо, – произнес Роутег. – Поэтому намеченной показательной казни, которую так долго планировал, не вышло, я убил его быстро.

– Это ведь была ловушка, – прошептала я.

– Была, – подтвердил Роутег. – Хорошо спланированная, эмоционально выверенная, тщательно продуманная. Вихо знал, что я брошу ему вызов, используя подходящий повод. И он попытался использовать ситуацию, раз уж не сумел тебя уберечь. Не рассчитал силы. А я понимал, что ты – единственный шанс бросить вызов и разобраться с Вихо, не втягивая кланы в войну и не давая Волкам ни шанса на право кровной мести. Так что и я в какой-то мере тебя использовал... Тем тяжелее сейчас осознавать, что ты, несмотря на страх, ужас и безвыходное положение, даже не попыталась

использовать меня, хотя у тебя было на это полное право и мое собственное разрешение.

– Но ты меня спас, – возразила я.

– Я тебя использовал, – хрипло произнес он. – Сначала как повод отомстить Вихо, потом как повод бросить ему вызов и убить. Я поступил паршиво, да, но на тот момент оправдывал себя тем, что, пока Вихо жив, ты в опасности. Поэтому отпустил. Поэтому сказал о праве позвать меня так, чтобы они слышали. И я ждал, Маделин, ждал, что ты позовешь. Мучительно ждал, отсчитывая секунды. А ты позвала вампира...

Он резко выдохнул и ожесточенно продолжил:

– Ты позвала вампира... Это был самый болезненный удар в моей жизни. Я понял, что не нужен тебе. И тогда я решил, что поставлю тебе метку, чтобы защитить от всех иных, и... отпущу. Отпустил... И начал медленно сходить с ума.

Роутег посмотрел мне в глаза и простонал:

– Какая другая женщина, Маделин? Какое «не затруднит быть со мной»? Да даже не будь ты моей парой, боюсь, я бы сходил с ума от тоски по тебе, а так... Я не мог вздохнуть полной грудью, я задыхался, врывался в свой полуразрушенный дом, поднимался в ту комнату, что так недолго была твоей, и только там, прижавшись лбом к простыням, хранившим твой запах, я мог дышать.

Он обнял меня крепче и прошептал, целуя мои волосы:

– Ты слышала о моем решении выбрать себе женщину из оборотней в Ночь весенних песен? Но ты, как оказалось, совершенно не знала, что поставивший метку оборотень уже никогда не сможет взять в жены другую. А если бы и мог, Маделин, я бы не взял. О какой семье может идти речь, если без тебя я не то что не живу, я даже не существую.

И это хорошо, что он не видел моего лица, когда я сдавленно призналась:

– А я существовала. Все эти томительно долгие дни и невыносимо тоскливые ночи. Но жизнью это не было...

Роутег замер. Застыл, и только его сердце начало биться неимоверно быстро и стремительно.

– Ты меня спас, – продолжила едва слышно, – я чувствовала благодарность и не считала себя вправе мешать твоей жизни, твоему счастью... Вот только... я медленно сходила с ума, представляя тебя с другой...

И я замолчала.

Несколько секунд молчал и Роутег, а затем нежно, но властно коснулся

подбородка, вынуждая запрокинуть голову и посмотреть на него. Вгляделся в мои глаза и тихо сказал:

– Апони. Маленькая глупенькая Апони. Получается, если бы твоя кровь не проснулась, приведя едва ли не к гибели, ты бы никогда не позвала меня?

– Нет. Я была уверена, что ты счастлив. С другой. Что ты нашел женщину в Ночь весенних песен, как мой брат, и не можешь на нее наглядеться... Что у тебя все сложилось так, как ты всегда мечтал, как бывает только у оборотней...

– У меня – лучше, – улыбнулся Роутег. А после медленно наклонился и, прикасаясь к моим губам, прошептал: – Гораздо лучше, чем я когда-либо мог мечтать, – моя женщина любит меня. Без привязки, зова крови и притяжения, свойственного истинной паре. Любит настолько сильно, что готова была страдать всю жизнь, только бы я был счастлив. Моя маленькая Апони, нельзя же так.

– И это говоришь мне ты? – тихо спросила, с нежностью глядя на него.